

Оливия Вилденштейн

Легенды
Рябинового
Леса

Перевод для группы <https://vk.com/booksource.translations>

Потерянный клан-2

Я раньше не верила в сказки, особенно в сказки про фейри. Но в день, когда фейри пришли в мой маленький город и Охотники восстали из могил, это изменилось.

В тот день я получила книгу, собрание мифов и легенд. Оказалось, что это были совсем не сказки. И я была на пороге раскрытия тайны, когда книгу украл тот, кого я называла другом.

Теперь я не знаю, к кому могу обратиться, кому доверять. Все, что я знаю — есть две стороны, и я на перепутье между ними, потому что я одновременно фейри и охотник. И хотя я поклялась, что никогда не буду выбирать, я медленно склоняюсь к одной из них.

Переводчик: Яша Дзен

Редактор: Rovenan_nn, Gosha_77, svetik99, NaPanka

Вычитка: Rovenan_nn, Gosha_77, _Kirochka_

ПРОЛОГ

Ужин был оживлённым и приятным.

Именно то, в чём нуждалось моё измученное "я". Папа, тётя Айлен и я сели за наш маленький кухонный стол и съели восхитительное куриное соте и жареный рис с горошком. Айлен провела вторую половину дня, готовя оба блюда, и исчерпывающе объяснила, как аккуратно вливать яйца в рис, чтобы в итоге не получился омлет.

Я никогда не думала, что обсуждение еды будет иметь терапевтический эффект. В процессе кулинарных изысканий и наполнения своего пустого желудка пищей я начала чувствовать себя лучше... более человеческой.

Проведённый день с Каджикой в домике на дереве, вероятно, тоже помог. Охотник был новым утешительным присутствием в странном мире, который стал моим, когда умерла мама. Папа всё ещё верил, что у неё был сердечный приступ, но я знала, что она умерла из-за заклинания, которое вернуло к жизни двухсотлетнего предка по имени Гвенельда, которая вела себя так, как будто это всё ещё были 1800-е годы, а фейри были самыми ужасными чудовищами, гуляющими по Земле.

Каджика разделял её убеждения. Я — нет. Возможно, это было потому, что я не пережила резню, Тёмный День — Макудева Геежи. Или, возможно, это было потому, что я была смешанной джингави — наполовину охотницей, наполовину фейри. Святотатство по отношению к обоим видам.

Там, в домике на дереве, всего несколько часов назад, Каджика признался, что я ему нравлюсь. Сильно. Так что, может быть, я больше не была мерзостью в его глазах. Или, может быть, моё сходство с его великой любовью Ишту и тот факт, что он обладал воспоминаниями моего лучшего друга, изменили его мнение обо мне.

Я балансировала вилкой на указательном пальце, думая о Блейке, ещё одной жертве войны охотников на фейри. Горячие слёзы наполнили мои глаза, и зубцы вилки расплылись. Я моргнула.

Вилка раскачивалась, как качели, пока я не нашла её центр тяжести где-то близко к шейке. Найду ли я когда-нибудь баланс между двумя моими сторонами? Я представила, что зубцы были моей стороной фейри, а конец вилки — стороной охотника. Какое-то время обе

оставались выровненными, но это была вилка, а я не была посудой.

Раздался звонок в дверь.

Вилка дрогнула и упала зубцами на тарелку с поразительно громким звоном.

— Ты ждёшь гостей, Кэт? — спросил папа.

— Я... никого не приглашала.

Но когда это останавливало людей от того, чтобы ворваться в мой дом и мою жизнь?

Я положила салфетку рядом с пустой тарелкой и направилась к входной двери.

Крошечная, крошечная частичка моей души надеялась, что там стоит Каджика.

Я широко распахнула дверь и уставилась на нашего посетителя.

Это был не Каджика.

ГЛАВА 1. ХОЛЛИ

Брат моей лучшей подруги выкручивал свою полицейскую фуражку пальцами, как будто она была пропитана водой, но она была такой же сухой, как мое горло.

— Привет, Кэт. Мм... твой отец здесь? — спросил Джимми.

— М-Мой папа? — неуклюже повторила я.

— Я прямо здесь, — сказал папа, направляясь к нам.

Большой лоб Джимми был бледным и скользким от пота. На улице было холодно. В такую погоду никто не потел. Я заглянула ему за спину. Его патрульная машина была припаркована рядом с катафалком.

— Извините, что беспокою вас так поздно, Дерек, но у нас есть тело для вас.

Паника пробежала по моему позвоночнику.

— Тело?

— Чьё тело? — спросили мы с папой одновременно.

Джимми вытер лоб тыльной стороной ладони, затем водрузил фуражку обратно на макушку.

— Кто умер на этот раз? — спросила Айлен, присоединяясь к нам у входной двери.

— Холли.

— Холли? — прошептала я. — Холли умерла?

Моё дыхание участилось, стремительно. У меня закружилась голова, и участилось сердцебиение. Чёрные точки замерцали на краю моего зрения, фрагментируя лицо Джимми. Я протянула руку, чтобы ухватиться за что-нибудь, прежде чем упасть, как моя вилка. Это что-то было папиным рукавом. Моё тело покачнулось, и следующее, что я помнила, папа обнял меня одной рукой за талию и повёл к дивану. Он усадил меня, в то время как Айлен бросилась на кухню и вернулась со стаканом воды, который она сунула в мои дрожащие пальцы.

— Как? — прохрипела я. — Как?

— Её внучатый племянник заехал в участок, чтобы сообщить о её кончине. Теперь мы почти уверены, что это была естественная смерть, хотя у неё был... — он резко остановился.

— Что у неё было? — спросила я.

— Я думаю, что она могла заразиться ветряной оспой или чем-то в этом роде.

Она была фейри. Разве фейри не исцелялись от человеческих болезней?

— Шериф Джонс хотел бы, чтобы твой отец подтвердил причину смерти.

— Это не... не совсем моя область знаний, — сказал папа.

— Я знаю, но, может быть, вы могли бы поделиться с нами своими мыслями. Можем ли мы привезти её сюда?

— Конечно, но...

Джимми уже разговаривал по телефону, так что папа замолчал.

— Скорая помощь уже в пути, — сказал Джимми после отключения.

— Где её внучатый племянник? — спросил папа.

— Я не знаю. Он казался расстроенным. Что, я полагаю, нормально, учитывая обстоятельства. Он сказал, что встретит нас на ферме, но так и не сделал этого.

Папа украдкой бросил на меня тревожный взгляд.

— У вас было время допросить его в участке?

— Как я уже сказал, он был расстроен. А потом, когда мы спросили его об алиби, он сказал, что был с Катори весь день.

Мои щёки запылали, единственное тёплое место на моём замёрзшем теле.

— Её машина сломалась в паре миль отсюда, так что им пришлось забрать её у эвакуаторной компании, — объяснил папа. Он заглянул за спину Джимми, прищурившись, в темноту. — На самом деле, где твоя машина, Кэт?

— Я, ух... она не была готова, — солгала я, пульс бешено колотился.

Я ненавидела лгать своему отцу, и всё же, с тех пор как умерла мама, с тех пор, как я узнала о фейри и охотниках на фейри, я кормила его ложью почти каждый день. Я называла это защитой его от правды.

И всё же, это ложь.

— Я думал, у тебя кончился бензин, — сказал он.

— На самом деле там проблема с датчиком топлива.

Лгунья. Лгунья. Лгунья. Когда Эйс позвонил нам, чтобы сказать, что Айлен и папа копают могилу охотника, у меня было всего несколько минут, чтобы добраться до кладбища. Машины не двигались так быстро. Но охотники могли. Поэтому я бросила машину на обочине дороги и позволила Каджике отнести меня домой.

Папины брови поползли вверх.

— Они сказали, что всё будет готово завтра, — добавила я.

Шины захрустели по гравию, отвлекая внимание от моей пропавшей Хонды. Мерцающий красный свет озарил ночь. Даже гостиная стала красно-бордовой от мощных вспышек.

— Ты провела день с Каджикой, Кэт? — спросил Джимми.

Я сглотнула.

— Да.

— Ты же не покрываешь его, не так ли? — продолжил он.

Я вскочила с дивана.

— Абсолютно нет. Каджика не стал бы убивать Холли.

Папа нежно положил руку мне на плечо.

— Никто ничего не говорил об убийстве, милая.

Ни его рука, ни его слова не успокоили меня, и когда они вкатили Холли, эмоциональные американские горки, на которых я каталась весь день, приняли ещё один предательский оборот. Я подошла к носилкам. Они забыли мешок для трупа. Вместо этого они завернули её в толстое одеяло, которым Гвен укутывала ослабевшее тело Холли.

Ужасная сыпь покрыла её обнажённую кожу, включая кожу головы. Розовые бугорки

перемежались с её редкими белыми волосами.

Я подавила вздох.

— Милая? — папа приподнял мой подбородок пальцем. — Почему бы тебе не помочь Айлен приготовить чай?

Я была почти уверена, что Айлен справится с чайником самостоятельно.

Возглавляя небольшой кортеж, он открыл дверь, ведущую в морг. Я не последовала за ними. Я также не заваривала чай. Я достала телефон из кармана свитера, чтобы набрать номер Каджики, но поняла, что у него нет было телефона. Мои руки дрожали. Моё сердце дрогнуло. Своевременность смерти Холли раздражала меня. Да, ей было девяносто девять лет, и она была больна, но как удобно, что она умерла в тот день, когда Стелла Сакар украла "Дерево Ведьм" — книгу, в которой хранились все её секреты... все мои.

Метка, которую Круз Вега выжег на верхней части моей левой руки, вспыхнула, оставив огненный след в форме буквы V. Я ненавидела эту метку. Это был не более чем магический поводок, который держал меня на связи с фейри, которого я презирала, позволяя ему отслеживать моё настроение и движения. Прошлой ночью он пытал меня, чтобы узнать, где я держу книгу, пытал меня из-за волшебной сделки, которую я непреднамеренно заключила. И он вытянул это из меня, потому что боль от заявленного гаджой была худшей физической болью, которая существовала, сродни тому, чтобы быть одновременно четвертованной и раздавленной.

Моя метка стала горячее, ярче при этом отвратительном воспоминании.

Я не знала, кого я ненавидела больше в тот момент — Круза или Стеллу. Там, где Круз никогда не был другом, Стелла была почти семьёй. Там, где мы с Крузом провели вместе несколько часов, Стелла и я провели вместе девятнадцать лет. Там, где я никогда не любила Круза, я любила Стеллу.

Я действительно знала, кого я ненавидела больше.

Стеллу.

Когда шкафы открывались и закрывались, а на кухне поднимался пар от воды, я вышла через парадную дверь. Гнев и напряжение наполнили меня раскалённой добела яростью. Я не думала, что свежий воздух охладит меня, но это было лучше, чем сидеть в гостиной, снова и снова прокручивая двуличие Стеллы.

Я пнула балку, поддерживающую наше крыльцо, но это мало помогло снять напряжение с моего тела.

— Что этот бедный кусок дерева сделал тебе, Китти-Кэт?

Я резко обернулась, сердце подскочило к горлу.

Эйс стоял, прислонившись к перилам, сложив руки на груди, его кожа сияла, как луна.

ГЛАВА 2. ОБВИНЕНИЯ

Левая сторона лица Эйса была залита красным от вспышек света на крыше фургона скорой помощи. Хотя все спасатели были в морге внизу, они оставили свет включённым.

Его глаза сверкали, как огранённые голубые топазы.

— Ты в порядке?

— Отлично.

Его пристальный взгляд пробежался по моему лицу.

— Ты уверена?

— Холли только что умерла, — выпалила я.

— Я знаю, — его губы едва шевелились, когда он говорил.

— Ты знаешь?

— Это одна из причин, почему я здесь. Я пришёл забрать её.

Мурашки побежали по моим рукам.

— Забрать её?

— Фейри распадаются.

— Что? — я ахнула, но затем добавила: — Тсс, — так как вспомнила, что Айлен была на кухне, всего в нескольких футах от меня. Моя тётя ничего не знала о фейри и охотниках.

— Кэт, если ты не хочешь оказаться с кучей серого пепла в своём подвале, мне нужно забрать её.

— Как получилось, что она ещё не трансформировалась?

Он развёл руки и двинулся ко мне. Вероятно, чтобы пройти мимо меня. Я прижала ладонь к его торсу, чтобы остановить его.

— Там внизу куча людей.

Он посмотрел вниз на мою растопыренную руку, затем снова поднял глаза, и я могла бы поклясться, что его разноцветные радужки запульсировали.

— Должно быть, в её венах всё ещё есть немного огня. Но он скоро догорит.

Покраснев, только Великий Дух знал почему, я отдёрнула руку. Что я делала, прикасаясь к Эйсу Вуду? Мои пальцы покалывало от бешеного пульса, который освещал моё дурацкое клеймо. Тьфу.

— Как ты вообще узнал, что она мертва? — спросила я, глядя на огненную букву V.

— Грегор послал меня спросить её, как читать книгу. Знаешь, ту, которую ты не хотела мне давать, потому что не доверяла мне.

Я снова перевела взгляд на его лицо.

— Я не хотела отдавать её тебе, потому что она была моей.

— Кэт, с кем ты разговариваешь? — крикнула Айлен из гостиной.

— Ни с кем, — крикнула я в ответ, надеясь, что она не придёт проверять, но это была Айлен. Моя тётя никогда не упускала случая вмешаться в разговор.

Что-то разбилось позади меня. Айлен ахнула, когда обжигающий чай забрызгал её джинсы. Или, может быть, она ахнула, потому что Эйс стоял перед ней. К счастью, она не могла видеть, как он светится, как я, потому что у неё не было взора. Она была джингави, как и я, но её сторона фейри была доминирующей, поэтому она не могла видеть сквозь волшебную пыль, как я, один из многих потрясающих даров охотника, дарованных мне. Другой подарок для фейри запах разлагающейся плоти.

— О... Великий... долбаный... Дух, ты Эйс Вудс, — почти взвизгнула она.

Это напомнило мне о том, как она встретила Лили в "Местечке Би". Она была совершенно очарована своим определением знаменитостей. Вудсы были для людей как голливудские звёзды: богатые, могущественные и красивые. Люди не знали, что они обладают магией. Мне было интересно, как бы они отреагировали на эту информацию. Испугались бы? Или дальше восхищались?

— Айлен, верно? — сказал Эйс. — Катери так много рассказывала мне о вас.

Айлен отмахнулась, затем придвинулась ближе к нам и протянула руку.

— Мне жаль. Я не пожимаю рук, — сказал он. — Это моя старая больная тема, — Айлен надулась, и Эйс улыбнулся. — Один сумасшедший фанат однажды пытался отравить

меня.

— Этот сумасшедший фанат был охотником? — пробормотала я.

Айлен не отреагировала на мой комментарий, слишком поражённая. С другой стороны, я не сказала "охотник на фейри". Это, вероятно, вызвало бы у неё реакцию.

Губы Эйса слегка изогнулись. То ли в ответ на мой вопрос, то ли просто ради Айлен, я не знала.

— Приятно познакомиться с вами, Айлен.

Это вызвало широкую улыбку на лице моей тётки.

— Мне тоже приятно с вами познакомиться. На самом деле, это гораздо больше, чем удовольствие. Это большая честь для меня! Кэт, ты не сказала мне, что Эйс Вуд — твой друг, — сказала она громким, сценическим шёпотом.

— На самом деле мы не друзья.

Я тут же пожалела, что произнесла эти слова. Они не были правдой. Или так оно и было? Извинение вертелось у меня на кончике языка.

— Она права. Мы не друзья. Просто знакомые, — сказал он с резкостью в голосе. Он провёл рукой по своим тёмно-русые волосы, которые были коротко подстрижены по бокам и длиннее на макушке.

Извинения растворились.

— Могу я задать крошечный вопрос? — Айлен встала передо мной и перевела свои подведённые тушью глаза на Эйса. — Я кое-что читала о том, что вы ждёте первого ребёнка осенью. Это правда?

— У тебя будет ребёнок? — пискнула я.

На его челюсти дёрнулся мускул.

— Я не жду. Моя невеста ждет, — сказал он, едва открыв рот.

— Так это правда, — воскликнула Айлен. — О, Боже мой, о, Боже мой, о, Боже мой. Мне нужно позвонить своим друзьям, — она хлопала ладонью перед своим ртом. Её кольцо с опалом мерцало в ночи.

Вот почему он не пожал ей руку. Опал, несомненно, был оправлен в железо, а железо обжигало фейри.

— Вы не возражаете, если я скажу им, мистер Вуд?

Эйс покачал головой.

— Это не секрет.

И всё же я об этом не слышала. С другой стороны, я не читала колонки светской хроники.

— Они просто сойдут с ума, — она вытащила свой мобильный телефон из кармана джинсов. — Могу я сфотографироваться с вами?

Прежде чем Эйс успел ответить, она подняла свой телефон в воздух и сделала селфи. Она снова опустила телефон и начала яростно печатать на нём, вероятно, публикуя фотографию во всех социальных сетях. Я подумала, не возражает ли Эйс.

— Эй, чика, ты никогда не поверишь тому, что я только что услышала... — она обошла лужу, усеянную керамическими осколками. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что это были остатки кружки, которую она несла.

Я опустилась на колени, чтобы убрать беспорядок, когда заметила слово "Мама", написанное белыми буквами. Я подняла осколок и положила его на ладонь, желая, чтобы та маленькая магия фейри, которой я обладала, могла чинить предметы, но магия фейри

действовала только на живых существ.

Что напомнило мне...

Я мотнула головой в сторону Эйса.

— Ты можешь призвать её душу обратно? — истинные фейри — не полукровки, как я — могли воскрешать мёртвых.

— Уже слишком поздно.

— Ты даже не пытался.

— Это должно произойти в течение нескольких секунд после смерти человека. Кроме того, ты действительно хочешь быть у меня в долгу?

— Это не я заключала сделку, Эйс. Я просто прошу тебя быть добрым. Сострадательным.

— То же самое. Другая формулировка.

Холли действительно исчезла. Совсем как мама. Совсем как Блейк.

— Она была больна, — сказал Эйс. — Я сомневаюсь, что она захотела бы вернуться...

Я судорожно вздохнула. Возможно, он был прав, но действительно ли ей пришло время умереть? Я уставилась на тёмно-синие осколки у своих ног. Всё вокруг меня разваливалось на куски или ломалось. Дрожащими пальцами я начала собирать остатки разбитой кружки.

Эйс присел передо мной на корточки.

— Ты плачешь? — обжигающий жар от его кожи пронёсся по воздуху и лизнул мою кожу.

— Нет, — шмыгнула я носом.

— Лгунья.

Я купила кружку на свои карманные деньги, когда мне было девять.

— Всё, что мне дорого, умирает или ломается. Может быть, мне стоит просто перестать беспокоиться... — я вздохнула, выпустила синие осколки и встала. — Я схожу за метлой.

— Я понял, — его рука зависла над обломками. Голубое пламя вспыхнуло на его коже, а затем рассеялось по толстому фарфору, испепеляя его прямо у меня на глазах. Вместо того чтобы превратиться в пепел или растаять, все следы разбитой кружки испарились в воздухе.

Я уставилась широко раскрытыми глазами на пустое пространство.

— Как получилось, что половицы не загорелись?

— Мы фокусируем наш огонь на том, что нам нужно сжечь.

Вот как Круз заставил рвоту исчезнуть из катафалка в ту ночь, когда я встретила его. Вот как он убрал битое стекло на нашей кухне. Размышления о Крузе побудили меня спросить.

— Он рассказывал тебе обо мне?

Эйс развернул своё длинное тело.

— Ты помнишь, как я помешал тебе съесть кекс в "Астре"?

Он сказал Стелле, что у меня аллергия на свеклу, чтобы мне не пришлось пробовать её кексы с мальвой перед фейри. Мальва была галлюциногенной травой, которая не влияла на охотников, но заставляла фейри кайфовать, а людей переедать.

— Ты знал?

— У меня были подозрения.

— Из-за того, как я пахла?

— Сначала я подумал, что ты пахнешь по-другому, потому что ты наполовину человек, но люди более резкие... и не в хорошем смысле.

— Не говори этого всем своим человеческим любовникам.

Он фыркнул.

— Итак... как я пахну? — спросила я.

Он пристально посмотрел на меня своими пронизательными глазами.

— Приторно сладко.

— Приторно сладко? Вау. Отлично.

Он посмотрел на меня, а потом уставился на половицы под моими ботинками.

— Я слышал, что ты можешь выбирать. Как твой предок.

— Я могу, но я не буду.

Его глаза вернулись к моим.

— Что произойдёт, если ты этого не сделаешь?

Я потёрла татуировку на руке — слово, которое я набила на коже руки. Человек.

— Я останусь такой, какая я есть.

— Как это может быть хорошим решением?

Желая положить конец этому разговору, я спросила:

— Значит, фейри не умеют читать по-английски?

— Что?

— Ты сказал, что пришёл в Роуэн, чтобы спросить Холли, как читать книгу.

Он ухмыльнулся.

— Мы знаем, как читать по-английски.

— Тогда я не понимаю.

— Страницы пустые.

Моё сердце бешено заколотилось. Я читала истории на этих страницах. Я видела слова.

Я даже видела схему. Неужели я всё выдумала? Нет, Айлен тоже кое-что видела.

— Разве Стелла не читала книгу вместе с Айлен?

Эйс внимательно взгляделся в моё лицо.

— Стелла сказала, что Айлен читала ей что-то вслух. Так что я предполагаю, что чернила появляются только для тех, у кого есть взор.

— За исключением того, что Айлен не...

— Она может открываться охотникам.

— Я не охотник.

— О, ты знаешь, что я имею в виду, — он вытащил что-то из кармана и протянул мне. Это был разорванный клочок бумаги.

Мой взгляд скользнул по словам:

Дерево Ведьм.

Copyright © 1938

А ещё там был маленький символ дерева. Я предположила, что это должно было быть изображение рябинового дерева.

— Ты что-то видишь? — прошептал он.

Я подумывала сказать ему, что там пусто, но решила сказать правду. Если Стелла знала, что Айлен может это прочитать, значит, это не было секретом. И, возможно, это заставило бы их вернуть книгу мне.

— Я так и думал, — сказал он после того, как я прочитала несколько напечатанных слов вслух.

— Внутри всего лишь просто куча мифов и легенд, Эйс.

— Если бы это было всё, что там было, тогда почему Холли сделала текст невидимым для фейри? — его взгляд метнулся к моей руке. — А почему твоя рука светится?

— Может быть, это было только для глаз моей семьи. И моя рука светится, потому что я человек, и у меня есть пульс, сердце. И оно бьётся. Ты знаешь, чтобы сохранить мне жизнь? Разве у тебя его нет?

— У меня? Для чего мне нужно сердце?

— Верно. Это просто мешало бы. Прямо как совесть, да?

Металлический лязг носилок предупредил нас о компании. Эйс заглянул внутрь дома. Я изучала его профиль, жёсткость его рта и челюсти, яркий блеск его глаз.

— Пожалуйста, Кэт, что ты увидела в книге?

— Верни её, и я тебе скажу.

Он потёр затылок.

— Она не моя, чтобы возвращать.

— Ну, во-первых, она была не твоей, чтобы отдавать.

— Мне жаль.

— Мне тоже. Прости, что доверилась тебе, — контуры его лица стали расплывчатыми. — Разве Грегор не приказал тебе убить Холли? — спросила я, вспомнив тот день, когда мы сидели вместе на моём чердаке, пока я перебирала мамину одежду и обувь.

Он отступил на шаг.

— Я не могу поверить, что ты думаешь, что я способен на это, Катори, — Эйс никогда не называл меня Катори. Его любимое прозвище было Китти-Кэт. Я догадалась, что не ошиблась, когда сказала Айлен, что мы с Эйсом не были друзьями. Верить в то, что фейри могут дружить с охотниками или людьми, или с кем бы я ни было, чёрт возьми, было идиотизмом.

Внезапно он поднялся в воздух.

Два врача скорой помощи были в моей гостиной. Через секунду они доберутся до входной двери. Я знала, что фейри маскировались, летая с пылью, либо маскируясь, либо создавая иллюзию, что они уходят, и всё же я беспокоилась.

— Ты сам сказал мне, что Грегор хотел её смерти, если она не будет сотрудничать. Ты сказал...

— Я знаю, что я сказал. Точно так же, как я знаю, что я сделал, — он взмыл в небо прежде, чем я успела ответить.

Что-то металлическое блеснуло в воздухе, затем упало вниз и с тихим звоном ударилось о половицы. Неужели монета выпала из кармана Эйса?

Я прищурилась. Это не было монетой.

Я бросила взгляд в сторону катафалка.

Рядом с ним стояла моя "Хонда".

Эйс вернул мою машину обратно.

Как раз перед тем, как носилки прокатились бы по моим ключам от машины, я подняла их с пола и крепко сжала.

Теперь моё обвинение было горьким на вкус.

Сжимая ключи, я посмотрела в почерневшее небо. То, что он проявил ко мне доброту, не означало, что он проявил её к Холли.

Верно?

ГЛАВА 3. ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ТЕЛО

После того, как Джимми и врачи скорой помощи ушли, после того, как мой отец лёг спать, не установив причину смерти, Айлен осталась со мной.

— Знаешь, мама рассказывала нам с Новой эту сказку — эту легенду — перед сном. Что Готтва использовали специальную древесину для погребения своих мертвецов. Рябиновое дерево. Очевидно, оно обладает магическими свойствами. По крайней мере, так считало наше племя.

Я отвела взгляд.

— Они также заворачивали своих больных в рябиновую кору и помещали их в парилки. Очевидно, рябиновый дым творил чудеса с новыми болезнями, которые поселенцы привезли с собой из Европы.

Глазами я проследила вишнёвый узор на керамической чаше, которую нарисовала во время вечеринки по случаю седьмого дня рождения Касс. Она стояла посреди нашего деревянного журнального столика, ярко-красная рана в нашей гостиной в военно-морском стиле.

Айлен присела на корточки перед камином, поднося длинную спичку к пушистому ворсу, который она соскребла с фильтра нашей сушилки. Огонь разгорелся и поглотил серый пух, прежде чем перекинуться на бревна.

— Я разжигаю костёр из рябиновых дров в честь Холли. Очевидно, дым поможет направить её к Великому Духу.

Холли решила стать фейри. Я сомневалась, что Великий Дух хотел иметь с ней что-то общее. Но, может быть, наш Великий Дух был всепрощающим.

Айлен села на пятки и устала на белый огонь.

— Безумно думать, что такое большое племя было полностью уничтожено. Что мы последние. И мы даже не чистокровные Готтва. Такое ощущение, что мы почти последние в своём роде. Может быть, так чувствовали себя динозавры.

Я улыбнулась её сравнению. Но потом я подумала об этом и сказала:

— Или ты могла бы посмотреть на это так, как будто мы первые в новом роде.

Она улыбнулась мне.

— Посмотрите, кто стал оптимистом.

Оптимист? Я была оптимистом? Или я была просто научным наблюдателем?

Айлен подошла ко мне, поцеловала в лоб и сказала, что идёт спать. После того, как она закрыла дверь в комнату для гостей, я села на диван и стала смотреть на огонь. Я думала об Эйсе, но мысли о фейри действовали мне на нервы. Мой взгляд поднялся к стене над камином, где мама повесила медный таз моей бабушки.

Каждое лето бабушка Вони варила варенье в этом тазу, наполняя дом запахом сиропа и сока. Она всегда добавляла съедобные цветы в свои варенья. Поиск цветов был моей работой. Она совала дневник, заполненный акварельными рисунками съедобных растений, в мои маленькие ручки и отправляла меня на поле Холли собирать их. Иногда Блейк ходил со мной. Мы воображали, что отправились на поиски сокровищ. Мы бродили по полю, проверяя и перепроверяя страницы, надеясь найти точные совпадения. Когда нам это удалось, мы чувствовали такой восторг, как будто выиграли приз.

Наполнив сумку лиловыми цветами анжелики или лепестками календулы, мы лежали в траве и смотрели, как неугомонные пчёлы потягивают нектар и пьяно носятся по

потрескивающему воздуху.

Огонь вспыхнул, унося меня прочь от гудящего голубого поля, прочь от Блейка. Обугленное полено упало и зашипело, разбрызгивая искры по ковру. Я вскочила, вытащила противопожарную заслонку, которую Айлен забыла поставить на место, и смахнула пепел с ковра щёткой для камина.

Убедившись, что через экран больше не полетит пепел, я спустилась в подвал. Мне потребовалось две попытки, чтобы найти холодильную камеру, в которой находилась Холли. Они развернули одеяло вокруг её тела, но не сняли с неё белую хлопчатобумажную ночную рубашку.

Вид её такой хрупкой скрутил мои внутренности. Я полностью выдвинула ящик и посмотрела вниз на пожилую садовницу. Я не была уверена, было ли это из-за того, что Эйс сказал мне, что она превратится в пепел, но казалось, что её кожа приобрела серебристый блеск.

— Что с тобой случилось, Холли? — пробормотала я, блуждая глазами по её неподвижному лицу. — Ты действительно подхватила что-то такое человеческое... как ветрянку?

Я не получила никакого ответа. Не то чтобы я этого ожидала. Мой взгляд скользнул вниз по её рукам. Они были покрыты теми же рубцами, что и её лицо. Даже длинный шрам, тянувшийся от костяшки большого пальца до запястья, был покрыт розовыми бугорками. Странно, но какой бы инфекцией она ни заразилась, она не распространилась на грудь и ноги. Я была почти уверена, что ветряная оспа не была локализованной болезнью, но, возможно, она влияла на фейри иначе, чем на людей.

Моя мама мало чему научила меня об осмотре трупов — в основном потому, что я всегда прижимала ладони к ушам и громко напевала, когда они с папой обсуждали это, — но я видела достаточно шоу криминалистов, чтобы определить признаки борьбы.

Не осмеливаясь прикоснуться к Холли, на случай, если это инфекционное заболевание, я проверила её шею на наличие синяков, но ничего не обнаружила. Мой взгляд скользнул вниз к кончикам её пальцев. Из того, что я могла видеть, под её ногтями не было никаких следов. Хватило бы у неё сил вцепиться в нападавшего?

Я огляделась вокруг, пытаюсь найти перчатки, чтобы переложить её, когда заметила движение на лестнице. Я дёрнулась в сторону так быстро, что врезалась в металлический стеллаж. Моё сердце колотилось так же громко, как хирургические принадлежности позади меня, и моя отмеченная рука вспыхнула.

— Каджика, — воскликнула я, прижимая руку к сердцу.

— Я не хотел тебя пугать, — сказал он, подходя ко мне. Его тёмно-карие глаза были розовыми от лопнувших кровеносных сосудов, а ботинки были испачканы грязью. Я заметила дыру в рукаве его толстовки и грязную царапину на щеке.

Я заглянула ему за спину, наполовину ожидая, что появится Эйс... наполовину желая, чтобы появился Эйс. Несмотря на то, что моя метка связывала меня с Крузом, всегда появлялся Эйс, потому что мы с Крузом не были в хороших отношениях. Он знал, что ко мне нельзя подходить.

Однако на этот раз Эйс не появился. Постепенно мой бешеный пульс успокоился, и я оттолкнулась от стеллажа.

— Ты что, подрался?

— Нет.

Каджика провёл рукой по своим шелковистым чёрным волосам. Костяшки его пальцев были ободраны и покраснели.

Я подошла к нему и взяла его за руку, чтобы осмотреть костяшки пальцев.

— Тогда почему у тебя кровоточит рука? Почему у тебя порван свитер?

— Она ушла, Катори, — пробормотал он.

Я посмотрела на него снизу вверх. Я была высокой, но он был выше. Намного выше.

— Я знаю, Каджика.

— Ты знаешь?

Я нахмурилась и наклонила голову в сторону Холли.

— Она здесь.

Он оглядел тускло освещённую комнату.

— Где?

Разве он не мог видеть Холли? Я указала на неё.

— Прямо здесь.

— Я говорю не о Холли. Я говорю о Гвенельде. Когда я вернулся в дом, Холли была мертва, а Гвенельда исчезла, — его вздох отразился от дверей из нержавеющей стали. — Что, если она...

— Убила Холли?

— Нет! — он выдернул свою руку из моей и расправил плечи. — Нет. Гвенельда не убийца. Она заботилась о Холли. Больше, чем ей следовало бы.

У меня пересохло во рту.

— Почему она не должна была заботиться о ней?

Секунды тикали. Я слышала, как они щёлкают в часах, которые мама прибила к стене. Ей так нравилось проводить время с мёртвыми, что она часто теряла счёт времени. Трупы успокаивали её. Я никогда этого не понимала. Я имею в виду, да, они были тихими, но они также были пустыми, зловонными оболочками. Инстинктивно я понюхала воздух. Запах влажной земли смешивался с запахом остывших углей.

Либо плоть Холли впитала дымный аромат камина в её спальне, либо её собственный огонь почти погас.

— Почему она не должна была заботиться о ней? — повторила я.

Каджика уставился на меня своими покрасневшими глазами.

— Ты знаешь почему.

— Потому что они были врагами? — некоторое время я молчала. И он тоже. — Кем это делает меня, Каджика? Кем, чёрт возьми, это делает меня?

Он закрыл глаза и сделал хриплый вдох.

— Пожалуйста, Катори, я не хочу, чтобы мы спорили об этом. Не надо заводить это снова. Ты другая. Ты не такая, как они.

— Но я и не такая, как ты.

— Может быть, однажды ты станешь такой, как я.

Я повернулась обратно к Холли. Я не хотела спорить о своей природе. Не рядом с Холли. Несмотря на то, что её уже не было в живых, она заслуживала уважения. Мёртвые заслуживали уважения живых.

— Катори...

— Ты на сто процентов уверен, что Гвенельда её не убивала? — спросила я, стараясь контролировать свои голосовые связки настолько, насколько это возможно для человека.

— Посмотри на неё! У неё сыпь на руках и голове. Только гассен вызывает такую сыпь, как эта, — он тяжело дышал. — Эйс был в доме. Я видел его, когда приехал. Он улетел прежде, чем я успел его допросить, но я его видел. Если кто-то и убил её, то это был он, Катори.

Меня трясло от гнева и паники. Была ли я права? Неужели Эйс задушил Холли своей пылью? Я стояла спиной к охотнику, но всё же почувствовала, как он сделал шаг ко мне. А потом я почувствовала, как он положил ладони мне на плечи.

— Я знаю, я сказал, что буду работать с фейри, — тихо проговорил он, — но я не думаю, что могу доверять ему. Я не думаю, что мы можем доверять ему.

Эйс работал с Грегором. Возможно, ему и не нравился варифф — комендант фейри, — но он, тем не менее, выполнил его приказ. Очевидно, то, что ты был принцем Неверры, не делало тебя выше правящего вариффа. По крайней мере, так объяснила Лили.

Я позволяю своим векам сомкнуться над моими усталыми глазами, а затем позволяю его словам устаканиться в моем мозгу. Они огорчали моё и без того колеблющееся сердце.

— Или она умерла естественной смертью, — сказала я без особой убеждённости.

Каджика развернул меня к себе.

— Я не хочу, чтобы ты считала меня бесчувственным, но в данный момент я больше беспокоюсь о Гвенельде, чем о ком-либо другом. Ты сможешь мне найти её, Катори?

Спустя долгое время я кивнула.

— В конце концов, для этого и существуют друзья.

Губы Каджика изогнулись в печальной улыбке. Он хотел видеть во мне больше, чем друга, но я не была готова к этому. Последний мужчина, которого я целовала, был фейри. Он был помолвлен. Я не хотела сожалеть о следующем поцелуе, которым я обменялась бы.

— Где ты уже посмотрел? — спросила я.

— В лесу. Она оставила много следов во многих направлениях, как будто за ней гнались.

Воспоминание о туристе, которого много лет назад привезли в морг, чтобы установить причину смерти — его растерзал медведь, — всплыло в моём сознании.

— Были ли там отпечатки лап?

Он приподнял бровь.

— Никаких других отпечатков, кроме её собственных. Я думаю, что за ней гнались фейри.

Изображение хищного медведя исчезло, сменившись пылающими голвинимами — волшебными стражами, которые могли превращаться в светлячков. Однажды они уже напали на Гвенельду. Они убили её, но Круз вернул её душу после того, как избавил её тело от их ядовитой пыли. Он вернул её к жизни. Тогда я была так благодарна, так потрясена. Я и не подозревала, что, попросив его спасти охотницу, я заключила сделку. А фейри — как я быстро выяснила — всегда получали выгоду от своих сделок.

Была ли я должна Эйсу за то, что он вернул мою машину? Так вот почему он её нашёл? Я провела рукой по своим длинным волосам.

— Если они не добрались до неё, она придёт и найдёт тебя, Каджика. К кому ещё ей бежать?

— Но что, если они... что, если они схватили её? Что, если они уже убили её? — он опустил глаза на блестящий пол.

— У меня есть кое-что, чего хотят фейри, — сказала я категорично.

Его глаза метнулись к моим.

— Я могу прочитать книгу Холли.

— Книга Холли?

— Помнишь, когда Айлен упомянула, что видела твоё лицо в книге? Холли написала книгу с легендами о фейри и охотниках. "Дерево Ведьм". Этого Круз хотел в Бостоне. Он послал Стеллу украсть её из моего дома, когда мы возвращались.

— Что им нужно от книги об адсукинах?

— В последний раз, когда я смотрела на неё, я видела диаграмму, что-то вроде плоской голограммы. Чем больше я думаю об этом, тем больше верю, что это схема захоронения. Где похоронен каждый из вас... был похоронен. Так что я предполагаю, что это то, что им нужно. Поднять Негонгву, чтобы отменить правило про пыль, не будя остальных.

Каджика приподнял одну из своих тёмных бровей.

— Потому что они всё ещё верят, что наш вождь простит их проступки и позволит им неограниченный запас пыли? Паганам повезло, что у них всё ещё есть доступ к их пыли. Если бы это зависело от меня, я бы попросил Великого Духа удалить её из их тел.

— А он мог бы?

— Она. Великий Дух — женщина.

— Я не имела в виду Великого Духа. Я имела в виду Негонгву... У него было так много власти?

Каджика ухмыльнулся.

— Он мог напрямую разговаривать с Великим Духом, а Она всемогуща.

Я прикусила нижнюю губу, задаваясь вопросом, может ли человек действительно обладать такой же силой, как божество. Потому вот чем был Великий Дух для Готтвы... божеством.

— Ты уверена, что они не могут прочитать книгу?

Я покачала головой.

— Эйс сказал мне, когда он пришёл...

— Эйс Вуд приходил сюда?

Я кивнула.

На виске Каджики пульсировала вена.

— Когда?

— Час или около того назад.

— Зачем?

— Он хотел забрать тело Холли. Он сказал, что она распадётся, как только в ней погаснет огонь.

Почти испугавшись, что мои слова вызовут это явление, я повернулась обратно к Холли. Она всё ещё была там, но её кожа теперь была серо-стальной, а волосы, которые были спутаны, когда её вкатили в мой дом, исчезли. Я отбросила осторожность — надеюсь, что её сыпь не была заразной — и провела пальцем по её голове. Она оказалась покрыта запёкшейся свинцовой пылью. Холодок пополз у меня по спине, когда я уставилась на него. Была ли это кожа или её отсутствующие волосы?

Волна тошноты прокатилась по мне. Я подбежала к раковине в углу и схватилась за её край. Прохладный пот увлажнил мой затылок, когда я наклонилась над раковиной из нержавеющей стали. Я несколько раз глубоко вздохнула, прежде чем тошнота отступила настолько, чтобы я могла открыть кран. Я вымыла и снова вымыла руки розовым

антисептическим мылом. И всё равно они не казались чистыми.

— У тебя есть сумка, Катори?

— Сумка?

— Чтобы вынести её из дома.

Я всё ещё смотрела в раковину, всё ещё чувствуя тошноту.

— Ты имеешь в виду мешок для трупа?

— Подойдёт любая сумка, достаточно большая, чтобы вместить её тело.

Когда я представила, как Каджика запикивает Холли в одну из маминых сумок из ткани, пригодной для вторичной переработки, желчь покрыла мой язык и небо.

— Забудь об этом. Уже слишком поздно её переносить.

— Слишком поздно? — прохрипела я.

Держа одну руку на раковине, я повернулась к Холли. Верхний слой её тела отслаивался, как будто в нём обитали термиты. Я вздрогнула. Больше никакого носа, больше никакого подбородка, больше никакой груди, больше никаких пальцев на ногах. Ещё один слой отслоился. А потом ещё один. С мерзким интересом я наблюдала, как плоть Холли превратилась в пепел, как пепел осыпался с её округлой формы, как сухой песок, соскальзывающий с зубчатых краёв замка из песка. Эрозия заняла несколько минут, но казалась дольше, как будто время остановилось, чтобы замедлить течение жизни.

Когда всё закончилось, всё, что осталось от Холли, — это дюны серебристого песка.

ГЛАВА 4. БОЙКОТ

— Как я собираюсь объяснить это отцу? — спросила я Каджику, когда он вынес прах Холли на освещённое звёздами кладбище.

Каджика замёл моего родственника в раскрашенную вручную вишнёвую вазу. Я была слишком потрясена, чтобы делать что-то ещё, кроме как тарашиться и предлагать использовать чашу с широким горлом. Я не хотела, чтобы Холли была упакована в пакет из супермаркета. Это казалось неправильным. Несмотря на то, что её там больше не было, самое меньшее, что я могла сделать, это почтить её значимым сосудом.

— Скажи ему, что мы кремировали её. Это же так называется? Кремировали?

— Да. Но мы не делаем этого в нашем доме. У нас нет печи...

— Скажи ему, что я забрал тело с собой. Что её предсмертным желанием было не задерживаться после того, как её дух покинул тело.

Я положила ладонь на его предплечье, как только мы остановились перед надгробием Леи.

— Здесь.

Я всегда представляла, что мать Холли лежит под землёй, но она также была фейри. Был ли там вообще гроб? Она умерла ещё в шестидесятых, задолго до моего рождения, почти за десять лет до рождения мамы.

Каджика начал опрокидывать чашу, но прежде чем Холли успела высыпаться, я схватила керамический сосуд. Он нахмурился. Мягкий, прохладный ветерок обдувал нас. Серебряные пылинки кружились над чашей, поднимаясь, как дым из потухшего фитиля.

— Я бы хотела похоронить её. Не мог бы ты принести лопату? — спросила я. — Я положила её в сарай.

Выражение лица Каджики напряглось при мысли о том, чтобы почтить фейри

похоронами. Тем не менее, он пошёл в сарай за лопатой. Он держал её двумя пальцами, как будто прикосновение к ней причиняло боль. Возможно, так оно и было. Возможно, было бестактно посылать его за ней. В конце концов, он использовал её, чтобы похоронить свою приёмную мать после того, как Айлен и мой отец раскопали её могилу.

По правде говоря, я не доверяла ему прах Холли.

Он протянул мне лопату. Я поставила вишнёвую вазу на тонкую корку снега, взяла у него лопату и начала копать. Несмотря на холод, земля поддалась под лезвием. Мои лопатки заныли к тому времени, как я вырыла достаточно глубокую яму.

— Что это была за погребальная песня, которую Гвен пела для своей матери? Как это происходит? — спросила я Каджику, прежде чем засыпать её.

— Это песня охотника.

— Песня охотника? Или песня Готтвы?

Он пристально посмотрел на меня.

— Я не буду петь это для Холли, потому что она перестала быть Готтва, когда решила стать фейри, — его глаза купались в багровых тенях. Где была доброта, мягкость, которые он демонстрировал ранее в домике на дереве? Где было сострадание?

— Она говорила на Готтва. Собрала истории твоего племени. Ты мог бы проявить к ней такую малость милосердия?

Он перевёл взгляд на меня.

— Не проси меня петь для фейри. Я не могу. Я просто не могу.

Слова Каджики ранили моё сердце так же сильно, как маленькая балерина в моей музыкальной шкатулке. Но в отличие от балерины, когда он замолчал, моё сердце болезненно сжалось.

— Ты не пережила Гизхи Макудева. Ты не имеешь права судить меня, Катори.

— Я знаю, что я этого не делала, но Холли тоже не делала. Она не убивала Ишту. Я не прошу тебя петь для Лио Веги или Борго Лифа, — двух ненавистных фейри, которые убили пару Каджики. — Я прошу тебя спеть для двоюродной сестры моей бабушки.

Его глаза метнулись к моему лицу.

— Я останусь с тобой, пока ты будешь хоронить её, но я не буду петь.

Я прикусила нижнюю губу и опустила взгляд на вазу. Вишни поплыли у меня перед глазами, слипшиеся и шевелящиеся, как красные кровяные тельца, путешествующие по плазме. Несмотря на то, что его отказ огорчил меня, я уважала его. Когда я склонила чашу над отверстием, моё сердце начало раскручиваться в медленных оборотах. Я уставилась на кучку серого пепла, смаргивая слёзы.

— Прощай, Холли, — прошептала я. Я уже собиралась засыпать её холодной землей, когда пепел стал жидким, как расплавленное серебро. Частицы мерцали, когда поток тёк по бороздкам перевёрнутой земли, наконец, погружаясь в неё. — Ты это видел? — прошептала я Каджике, запрокидывая голову, чтобы посмотреть на него.

— Да.

Он спокойно смотрел на испещрённую прожилками землю.

— Фейри ядовиты, как и их кровь.

Я нахмурилась.

— Значит, я просто вылила яд на могилу Леи?

— На этом месте когда-нибудь росла трава?

— Я не знаю.

Весной и летом кладбище было ярко раскрашено, так что прах Леи не мог загрязнить всю территорию. А это означало, что прах Холли тоже не будет. Верно?

— Я надеюсь, что это не испортит вашу воду.

Я отпрянула.

— Может быть, пепел не каждый раз становится жидким. Может быть, Холли была... особенной? Что случилось с дедушкой Эйса, когда ваши люди убили его?

— Я не стоял достаточно близко, чтобы наблюдать за его трансформацией.

Я устала в землю, надеясь, что не сделала какой-нибудь глупости. По крайней мере, не слишком глупо. Казалось, это был единственный способ, которым я действовала в эти дни. Наверное, мне следовало передать тело Холли Эйсу.

Дрожащими руками я засыпала пустую яму землёй, надеясь, что не поставила под угрозу флору кладбища. У меня было видение высохших кустов и желтеющей травы, потрескавшихся надгробий и осыпающихся деревьев. Я огляделась, чтобы убедиться, что рябины всё ещё стоят, безлистные, но крепкие, что надгробия были гладкими и прямыми, что многолетние кусты всё ещё были пышными и блестящими.

Ничего не изменилось. Ещё.

Несмотря на то, что я уговаривала его немного поспать, Каджика направился в лес в противоположном направлении от дома Холли. Я представила себе, как он будет бродить в ночи в поисках Гвенельды. Должна ли я была предложить пойти с ним? Я не думала, что была бы очень полезна. Я бы, наверное, удержала его или встала бы у него на пути.

Или снова сделала какую-нибудь глупость.

Кроме того, я не была уверена, что думать о Гвенельде. Да, она спасла мою тётю и отца раньше — она помешала им прочитать заклинание, выгравированное на гробу, которое возвращало охотников к жизни, — но я могла сказать по рыданиям, которые вырвались из неё позже, что она ненавидела каждую секунду этого. Она скорее воскресила бы свою мать, чем спасла моего отца. Могла ли я винить её? Что бы я сделала, если бы это была моя мать?

Я вернула лопату в сарай, вымыла вишнёвую вазу горячей водой с мылом, пока эмалированное дно не засияло, а затем прокралась в свою спальню, вздрагивая каждый раз, когда скрипела ступенька. Однако ни папа, ни Айлен не пошевелились. Я задёрнула шторы и приняла горячий душ. Как бы мне хотелось понежиться в горячей ванне, но у Айлен была единственная комната в доме с ванной. Придётся принять душ. Она уезжала во второй половине дня. Я могла бы принять ванну завтра. И каждый день после этого.

Быстро приняв душ, я натянула фиолетовую футболку с надписью "О-ла-ла". Я была не в настроении "О-ла-ла", но ни одна из моих других вещей не была чистой, а чемоданы, которые я упаковала, всё ещё были в машине. Если только их не украли. Что было вполне реальной возможностью. Не желая больше плохих новостей, я решила подождать до утра, чтобы посмотреть.

Я рухнула на кровать, затем ворочалась и ворочалась, то сбрасывая свои слишком тёплые одеяла, то натягивая их обратно на себя. Охваченная беспокойством, я включила телефон и просмотрела список контактов.

Мой палец завис над именем Эйса.

Не сегодня.

Я напечатала:

"Спасибо, что нашел мою машину".

А затем выключила телефон.

Пока я не узнаю, отравил ли он Холли, я буду держаться подальше от фейри.

Работал ли его телефон вообще в Неверре?

Установили ли фейри вышки сотовой связи в Баситогане, или они принимали звонки только тогда, когда были на Земле? Был ли у них волшебный способ общения? Там, в Бостоне, на их запястьях загорелся золотой круг, прорезанный линиями. Я вспомнила, как подумала, что это похоже на солнца, которые я рисовала в детстве, те, о которых мама рассказывала и прикрепляла к нашему холодильнику.

Когда появился круг, фейри сказали, что они нужны в Неверре... Так ли они общались? С помощью магии?

У меня было так много вопросов. Иногда мне хотелось, чтобы магия исчезла из моей жизни, чтобы фейри оставили меня в покое. Иногда мне хотелось остановить время, чтобы расспросить об их мире, их магической системе. Расскажут ли они мне об этом вообще?

Будучи малышкой, я спрашивала своего дедушку, сколько кирпичей он использовал, чтобы построить нашу школьную столовую. Он сказал, десять тысяч. Я подумала, что число слишком круглое, чтобы быть правдой, и бросила ему вызов. Мы провели целый летний день, считая кирпичи. Оказалось, что правильное число составляло три тысячи двести двадцать шесть кирпичей.

Я задавалась вопросом, есть ли у фейри Интернет.

Я задавалась вопросом, есть ли у них кладбища.

Я задавалась вопросом, есть ли у них фермы.

Я задавалась вопросом, есть ли у них больницы.

Должно быть, в ту ночь я задавалась вопросом о сотне разных вещей. В какой-то момент я перестала думать и, наконец, заснула.

ГЛАВА 5. СУДМЕДЭКСПЕРТ

Я проснулась с самой страшной причёской. Спать на мокрых волосах было не самой мудрой идеей. Мои волосы были более объемными, чем у кинозвезды шестидесятых. Я намочила расчёску и пригладила свои локоны, как могла. Я не только выглядела как утонувшая крыса, но и мои глаза светились, как у крысы, налитые кровью и похожие на бусинки. Я закапала глазные капли, затем нанесла немного консилера, чтобы выглядеть свежее, чем я себя чувствовала.

Я протопала на кухню в тапочках и открыла холодильник. Я долго стояла перед ним. Наконец я взяла коробку с яйцами, молоко и масло. Тяжёлая дверь хлопнула с такой силой, что внутри завибрировали стеклянные буфеты. Я положила всё на стойку, вынула муку и разрыхлитель из буфета и вытащила миску из-под раковины. Я разбила яйца и смешала их с молоком и сухими ингредиентами, пока тесто не загустело, как взбитые сливки.

Я подумала о Холли, о том, как она разлагалась у меня на глазах всего несколько часов назад, и поёжилась. Я рванула сильнее, выталкивая воспоминание из головы, но её измождённое лицо, её мягкий голос, её посеревшая плоть глубоко запечатлелись в моём сознании. Немного трясущимися руками я вылила смесь на сковороду и посмотрела, как она вспенивается, прежде чем перевернуть её. Первый блин не стал золотистым, поэтому я откусила его, пока готовила остальное тесто. К тому времени, как Айлен вышла из комнаты для гостей, а папа спустился вниз, я уже выложила блюдо с блинами.

По тёмным кругам у него под глазами я поняла, что папа спал столько же, сколько и я.

На Айлен было слишком много косметики, чтобы сказать, как прошла её ночь.

— Круз приедет сегодня утром, — сказал папа, его ножки стула царапали пол, когда он придвинулся ближе к столу.

Я так резко заёрзала на стуле, что моё колено врезалось в стол.

— Круз?

— Да. Чтобы приготовить Холли.

— Папа, Холли внизу нет, — я посмотрела на золотисто-коричневые блины. — Каджика пришёл, чтобы забрать её тело прошлой ночью. Он сказал, что она хотела, чтобы её кремировали, поэтому отвёз её в крематорий.

Папа, который пил свой апельсиновый сок, закашлялся. Сок брызнул у него изо рта, из носа. Он поставил стакан, затем вытер лицо.

— Что?

Я не осмеливалась поднять глаза.

— И ты позволила ему забрать её? — сказал он громким голосом.

— Я...

— Мы даже не провели вскрытие!

Я съёжилась.

— Мне жаль. Я пыталась остановить его.

— Какого чёрта ты меня не разбудила? — закричал он.

Айлен ахнула от суровости голоса моего отца. Он никогда не повышал голоса. Никогда. Мама была сторонницей дисциплины, а не мой отец. И он никогда не употреблял ругательств.

— Мне действительно жаль, — пробормотала я.

Какое-то время единственным звуком на кухне было жевание Айлен.

— Я очень, очень разочарован тобой, — ножки папиного стула заскрежетали.

— Я сожалею, — прошептала я.

— Я тоже. Я тоже, — он вскочил на ноги и вышел из кухни.

Ступеньки заскрипели под его быстрыми шагами. Я прижала ладони к своим горящим глазам и резко вдохнула.

Айлен схватила одну из моих рук и сжала.

— Он быстро успокоится.

Я кивнула, а затем отодвинулась от стола. Я отнесла тарелку к раковине и вымыла её, налив слишком много средства для посуды. Оно пузырилась и заполняло пеной всю раковину. Затем я почистила миску и венчик, затем вытерла металлический таз и вытерла его кухонным полотенцем, пока каждая сторона не стала отражающей, как зеркало. Ничто из этого не помогло облегчить мою гложащую вину.

Зазвонил дверной звонок, раскатистый, как гром, в слишком тихом доме.

О, Боже. Круз. Забыв, что у меня мокрые руки, я закрыла лицо руками.

— Не могла бы ты впустить его, пожалуйста? — спросила я Айлен, не отворачиваясь от раковины.

— Конечно.

Её шаги лёгким эхом отдавались по половицам, а затем дверь застонала, когда она потянула её на себя.

На ступеньках раздались шаги. Я обернулась.

Папа остановился у подножия лестницы, засунув руки глубоко в карманы. Он посмотрел

на меня, но не пошевелился, поэтому я подошла к нему и обняла.

Он не обнял меня в ответ, но вздохнул.

— Давай. Пойдём, скажем судмедэксперту, что тела для осмотра нет.

Я отпустила его, и хотя мне действительно не хотелось встречаться с Крузом, я проводила папу до двери.

Фейри стоял на крыльце с Айлен, погруженный в беседу. Я несколько раз уловила слово Лили, поэтому предположила, что они обсуждали его невесту.

— Привет, — сказал он, увидев меня. — Здравствуйте, мистер Прайс.

— Привет, Круз, — они пожали друг другу руки.

Я не предложила пожать ему руку. Я держалась от него как можно дальше.

Рука Круза прошла по его обнажённому предплечью, где образовались маленькие рубцы, похожие на укусы муравьёв. Они напомнили мне те, что были на руках Холли. Было ли это заразно?

— Так что мы на самом деле... — папа вздрогнул. — В конце концов, нам не понадобятся твои услуги.

Брови Круза взлетели вверх. Он почесал руку.

— Каджика отвёз её в крематорий прошлой ночью, и, ну... — папа взглянул на меня, затем отвёл взгляд, — её кремировали.

Мою руку начало покалывать. Я бросила взгляд вниз, ожидая увидеть сыпь, но моя кожа была идеально гладкой. Я пришла к выводу, что это был психосоматический зуд, как в тот раз в средней школе, когда в классе были вши, и моя кожа головы чесалась целую неделю.

— Мне жаль, что ты зря проделал весь этот путь, Круз, — добавил папа.

— Это не проблема, — спокойно сказал фейри. — Я пойду, найду Каджику и узнаю, от чего, по его мнению, она умерла.

Моё внимание переключилось с моей руки обратно на фейри.

— Он скорбит, Круз. Не беспокой его.

Круз бросил на меня острый косой взгляд, затем вернулся в свой сверкающий чёрный "Мазерати". Это была та же самая машина, на которой он приехал в Роуэн в ночь, когда умерла мама.

Если бы только у меня был способ связаться с Каджикой, предупредить его о визите фейри. Я переместила это в начало своего списка. Купить охотнику мобильный телефон и надеяться, что он научится пользоваться им так же быстро, как научился водить машину.

Когда он отъезжал, папа издал тихий звук.

— Твоя машина здесь, Кэт. Когда вернула её?

Я совсем забыла о своей машине.

— Эйс оставил её, когда приходил вчера.

— Эйс Вуд пригнал твою машину? — Айлен моргнула, глядя на меня.

— Да, — я собиралась добавить, что он случайно проходил мимо штрафстоянки, чтобы понять, что знаменитость забирает мою машину, но я решила, что уже достаточно солгала.

— Как это мило? — сказала она очень громко, но затем её волнение улеглось, и её подведённые брови очень высоко поднялись. — Я думала, вы даже не друзья.

Почему у моей тёти должна была быть такая хорошая память?

К счастью, папа предложил помочь мне с сумками, что на время положило конец этому разговору. Он взял ключи с крючка у двери и спустился по ступенькам крыльца. Я последовала за ним, молясь, чтобы сумки всё ещё были там. Я затаила дыхание, пока он не

открыл багажник.

Мои три чёрные нейлоновые сумки стояли прямо там.

Я выдохнула так громко, что папа обернулся и нахмурился.

— Я подумала, что их могли украсть, — пробормотала я.

— Респектабельные эвакуаторные компании не крадут чужие вещи. Тебе следует немного больше доверять людям, Кэт.

Да. Но каким именно, папа? Я, очевидно, не сказала этого вслух. Это был не тот вопрос, на который он мог ответить.

ГЛАВА 6. ДОЧЕРИ И МАТЕРИ

Распаковав свои вещи, я поехала с Айлен в торговый центр, чтобы купить Каджике мобильный телефон. Конечно, я ей этого не сказала. Я сказала ей, что мне очень хочется пиццы, а Ломбарди в торговом центре готовил самые лучшие кусочки.

На обратном пути в город Айлен спросила, можем ли мы заехать к Стелле домой.

— Я звонила ей раз шесть, а она не берёт трубку. Я просто хочу попрощаться.

Я так сильно прикусила губу, что была почти уверена, что у меня пошла кровь. Но это лучше, чем кричать. От одного упоминания имени Стеллы мне захотелось закричать. Я ненавидела её за то, что она украла мою книгу, за то, что лгала мне, за то, что использовала меня, и за то, что всю жизнь притворялась подругой, когда ей было наплевать на мою семью. Впервые в жизни мне стало жаль Фейт.

К тому времени, как мы свернули с шоссе в сторону Роуэна, небо стало алым. Вместо того чтобы повернуть налево к кладбищу, я свернула на дорогу, которая вела мимо старого дома Блейка, и доехала до самого тупика.

Дом Стеллы представлял собой двухэтажное кирпичное строение, увитое плющом. Это был один из самых красивых домов в Роуэне, с пейзажным бассейном и ультрасовременным домиком у бассейна, который перешёл Фейт, когда ей исполнилось пятнадцать. Она устраивала лучшие вечеринки в этом домике — в чём я никогда ей не признавалась.

Я проводила Айлен до входной двери, хотя и не думала, что Стелла будет дома. Конечно же, никто не открыл дверь.

— Фейт сказала мне, что её не было в пекарне, — Айлен обошла дом сбоку. — Стелла, — крикнула она. — Стелла!

Я последовала за тётей вокруг кирпичной стены, мимо каменного двора с причудливой мебелью из тикового дерева и уличной трубой. Пока Айлен вглядывалась в стеклянные двери, ведущие в просторную бежевую гостиную, я отступила, чтобы осмотреть второй этаж. Я наполовину ожидала, что на меня взглянет чьё-нибудь лицо, но на меня смотрело пустое пространство.

Я держала пари, что Стелла была в Неварре.

С Грегором.

С моей книгой.

Когда мы направились обратно к машине, Фейт приехала на своей. Она припарковала свой белый внедорожник рядом с нами, ключи от машины болтались в её сжатом кулаке. Её длинные янтарные волосы были собраны сзади в тугий конский хвост, отчего её челюсть казалась шире. Я задавалась вопросом, почему эта деталь её анатомии удивила меня. Не то чтобы я никогда не видела её с поднятыми волосами, не так ли?

Когда она подошла к нам, её голубые глаза сузились до щёлочек. Она обратила их сначала на меня, а потом на мою тётю. Я очень сильно ненавидела Стеллу, но была благодарна, что она не рассказала дочери о своём наследии, хотя мне было интересно, почему. Беспокоилась ли она о том, что её дочь, будучи более чистой фейри, окажется сильнее, чем была она, или она защищала Фейт от изучения этого параллельного мира?

— Мамы нет дома, если ты здесь из-за этого, — голос Фейт был таким же напряжённым, как и её застёгнутое на молнию белое пуховое пальто. Плохо сидящий жакет образовал несколько складок на груди, ткань сдавливала тело. Либо это была очень старая куртка, либо Фейт сделала операцию на груди ещё в Нью-Йорке.

— Ты не знаешь, где я могу её найти? — спросила Айлен.

— Может быть, в Тимбукту.

— Тимбукту? Зачем ей туда идти?

— Я сказала "Тимбукту" так, как могла бы сказать "Багамы". Она никогда не говорит мне, куда едет. Никогда не приглашает меня с собой.

— Это потому, что она пытается познакомиться с женщиной, дорогая, и она не думает, что брать с собой дочь — это очень здорово.

— Значит, по сути, мама — секс-туристка средних лет? Это просто здорово.

— Нет. Это не...

Фейт повернулась спиной и достала ключи. Ничуть не смутившись, моя тётя обошла её и положила руку ей на плечо. Хотя она и не оттолкнула Айлен, спина Фейт напряглась.

— Дорогая, это прозвучало неправильно.

— Ты думаешь?

— Я просто подожду в машине, — сказала я им.

В моей жизни было достаточно драмы; мне действительно не нужно было добавлять что-то ещё. Плюс Фейт была силой, с которой приходилось считаться, если она думала, что ты подслушиваешь или вмешиваешься. Я была там, сделала это — однажды я спасла её от того, что она подавилась куском мяса. Вместо того чтобы поблагодарить меня, она обвинила меня в том, что из-за меня у неё на ребрах синяк. Маленькая, злая часть меня сожалела о том, что вмешалась в Мать-Природу. Неужели это сделало меня ужасным человеком? Возможно. Более ужасной, чем Фейт? Скорее всего, нет.

Я вернулась в "Хонду" и открыла пакет с новой сим-картой и телефоном, которые купила Каджике. Когда я включила телефон и сунула карточку внутрь, в сумке Айлен что-то звякнуло. Я вообразила, что это одна из её дочерей пытается дозвониться до неё. Когда он снова зазвонил, я положила телефон охотника себе на колени и достала телефон Айлен.

Что, если Стелла была тем человеком, который писал моей тётке?

Вряд ли. Это была одна из подруг моей тётки. Она прислала свою фотографию с огромной подписью "маргарита": "Боже, это бомба из всех текиловых бомб". Мой палец, должно быть, коснулся экрана, потому что мне было предложено ввести шестизначный код доступа Айлен. Любопытно посмотреть, насколько хорошо разбирается в безопасности моя тётка, и я ввела день её рождения. Сюрприз, сюрприз, это был её пароль.

Это привело меня прямо к их теме сообщений. Я уже собиралась выключить телефон, когда увидела фотографию, которую она сделала с Эйсом в верхней части темы. Я была удивлена, что он появился на фотографии. Эйс не вампир, напомнила я себе. Он не нежить. Он даже не был мёртв. Я задавалась вопросом, появится ли Каджика на фотографии. Эта мысль пробрала меня до глубины души.

Я сосредоточилась на картинке. Эйс не светился. Примечание для себя: волшебный огонь не появляется на снимке. Я взглянула в пассажирское окно. Фейт и Айлен всё ещё разговаривали. Судя по напряжению, исказившему черты лица Айлен, я вообразила, что Фейт перечисляет все ужасные поступки Стеллы. И снова я почувствовала укол жалости к своему заклятому врагу. Моя мать была такой, какой должна быть мать: заботливой, щедрой, честной, отзывчивой.

Голос Фейт стал громче. Она что-то крикнула тёте. Что-то про непонимание. Айлен попятилась. Я сунула телефон обратно в её сумку как раз в тот момент, когда она распахнула дверцу машины.

— Так что же твои друзья подумали о той фотографии, которую ты сделала с Эйсом? — спросила я, чтобы отвлечь её от мыслей о Фейт.

Она фыркнула, пристегиваясь ремнём безопасности.

— Они завидовали, что я познакомилась с ним. Он редко позирует для фотографий, — проворчала она. Я знала, что её отсутствие волнения было связано только с её разговором с Фейт и никак не связано с её фотосессией с Эйсом.

— Ты можешь показать её мне? — спросила я, отъезжая от тротуара.

Она кивнула. Её дыхание выровнялось. Она набрала свой код и вывела картинку.

— Тебе не следует указывать свой день рождения в качестве пароля, Айлен.

— Я знаю, но у меня такая дерьмовая память, что я могу забыть любой другой пароль.

Я взглянула на экран.

Она провела пальцем вправо, к следующей картинке.

— Я забыла послать тебе вот это! — это был снимок её и папы на озере. Должно быть, они сделали его, пока я была в Бостоне. Папа улыбался. Он мог бы подумать, что Айлен была проблемой, но, по крайней мере, она была приятной проблемой. Внезапно она вздохнула и начала печатать.

— Всё в порядке? — спросила я её.

— Сати хочет пойти в торговый центр со своими друзьями в эти выходные, но она не хочет, чтобы её сестра приходила. Что я должна делать?

Я ничего не сказала, потому что, во-первых, я не думала, что она действительно хотела моего совета, а во-вторых, я, честно говоря, не знала ответа.

— Мама часто жаловалась на меня? — спросила я вместо этого.

— Твоя мама слишком сильно любила тебя, чтобы жаловаться на тебя. Ты была её идеальным ребёнком.

Подобно тому, как один лист мяты может придать аромат кувшину с водой, любовь моей матери ко мне изменила её впечатление обо мне. Она думала, что я идеальна... Мама была слепой. Ослеплённой любовью.

Мы забрали сумки Айлен из дома, а затем отправились в аэропорт. Во время поездки Айлен рассказывала мне истории о них в детстве. Ну, когда Айлен была ребёнком, а мама — подростком. У них была разница в возрасте семь лет, так что самые ранние воспоминания Айлен начались, когда маме было тринадцать. Она рассказала мне о том, как у мамы впервые начались месячные. Как она завидовала. Поэтому мама дала ей макси-прокладку, и Айлен надела её.

— Нова была лучшей сестрой, — она смахнула слезу с глаз. — Знаешь, однажды она повела меня на вечеринку у костра на пляже. Она не должна была приводить меня, но у неё были обязанности няньки, а не хотела пропустить. Нова, должно быть, много выпила той

ночью, потому что в какой-то момент она увидела, как Астра запирает пекарню, и спросила её, что она нанесла на свою кожу.

Я нахмурилась.

— Что она нанесла на свою кожу?

— Нова сказала, что она светилась.

Я сглотнула так быстро, что подавилась слюной, которая перешла в приступ кашля.

— Ты в порядке?

Я кивнула.

— Что сказала Астра?

— Она спросила Нову, сколько пива она выпила, — ухмыльнулась Айлен. — Нова так боялась, что Астра расскажет маме...

Когда я свернула на полосу "поцелуй и лети", чтобы высадить Айлен, моё горло сжалось и разжалось. Я вытащила её чемодан из багажника и подкатила его к ней. Мы обнялись. Она заставила меня поклясться посылать ей новости и сообщать, если она мне снова понадобится.

— Постарайся навестить меня в Аризоне, хорошо?

Я кивнула, когда она притянула меня к себе для ещё одного объятия. От неё пахло цветами анжелики и нагретой солнцем малиной — любимое сочетание варенья бабушки Вони. Айлен поцеловала меня в последний раз, а затем повернулась к оживлённому терминалу и вошла внутрь. Я уже собиралась вернуться в свою машину, когда моё внимание привлекло свечение нечеловеческой кожи.

У входа в аэропорт стоял фейри. Я никогда его раньше не видела. И это — он — смотрел прямо на меня.

ГЛАВА 7. СТРЕЛЫ

Фейри светился так ярко, что я огляделась вокруг, чтобы посмотреть, заметил ли кто-нибудь. Как они могли этого не видеть? Он был человеческим инферно, собственной звездой. Серебристые волосы были разделены на пробор и аккуратно причёсаны. Я подозревала, что он либо решил жить за пределами Неверры, как Холли — за пределами Бакситогана фейри старели со скоростью человека, внутри они жили в пять раз дольше — или он был действительно стар. Может быть, это Грегор? Было ли Грегору за семьдесят? Был ли у него белый шрам, идущий по всей длине ключицы? Что могло создать такой рваный, похожий на гусеницу шрам? Не нож. Или, если это был нож, у него было тупое лезвие.

Он пошевелился, и мой взгляд метнулся вниз к его ботинкам. Я ожидала, что они будут парить. Чего я не ожидала, так это того, что они будут сделаны из коричневой крокодиловой кожи. Это показалось мне странным нарядом для фейри... Но что я знала о моде фейри? Лили всегда была суперстильной, а Круз и Эйс оба одевались как обычные человеческие парни — хотя и богатые — в одежде, которая сидела так идеально, что могла быть соткана из магии.

Я сделала шаг назад, как будто добавление нескольких дюймов между нами спасло бы меня от возможного нападения. Он не двигался, не приседал, не левитировал... Он не сделал ничего, чтобы заставить меня поверить, что он хотел наброситься на меня. И всё же было что-то странное в том, как он смотрел на меня. Я коснулась ключицы, желая, чтобы мои

пальцы почувствовали холодный металл, но я не надела опаловое ожерелье, которое подарила мне Гвенельда. Что означало, что он, вероятно, мог почувствовать, кем я была... Ну, то, кем я была наполовину.

Я надевала это ожерелье всего несколько раз, потому что мне казалось, что я выбираю чью-то сторону. Сейчас всё обстояло так, что единственным человеком, которому я по-настоящему доверяла, был Каджика. После имён всех остальных стояли большие жирные вопросительные знаки. Гвен? Эйс? Круз? Лили? Стелла?

Позади меня раздался автомобильный гудок. Я подпрыгнула, и моя рука взорвалась обжигающим клеймом в то же время, как моё сердце угрожало сойти с рельсов. Как долго я стояла, наблюдая за фейри? Я посмотрела на машину позади моей, подняла открытую ладонь, чтобы извиниться перед водителем, и отступила к своей машине. Когда я оглянулась в сторону терминала, фейри исчез.

Внезапно напрягшись и дрожа, я села за руль своей машины и вытащила телефон из подстаканника. Моя рука так сильно дрожала, что мне было трудно найти значок контакта на экране. Мне не следовало печатать и водить машину, особенно в людном месте, но мне нужно было позвонить Айлен, нужно было сказать ей, чтобы она не разговаривала с... Что бы я ей точно сказала? Остерегайся старика, одетого в джинсы и ботинки из крокодиловой кожи? Кроме того, на ней было кольцо с опалом. Он не знал бы о потенциале охотника, скрывающемся под её кожей.

Если только он уже не знал, кем были её предки.

Наша семья не была неизвестна фейри, даже несмотря на свое смешанное происхождение. Фейри чувствовали, что мы отличаемся, но они думали, что это потому, что наша магия охотника была разбавлена человеческой кровью. Они не знали, что Тэева, последний охотник, женился на дочери базаш, которая выращивала волшебные розы, сохранявшие тела спящих охотников.

Мой палец завис над именем Айлен. Я всё равно набрала её.

— Просто звоню, чтобы проверить, вовремя ли будет твой рейс, — мой голос звучал раздражённо. Я надеялась, что она не догадается.

— Да. Только что прошла проверки. Они заставили меня всё снять. Клянусь, в следующий раз я буду путешествовать гольшом.

Я улыбнулась, и это напрягло мои губы, но также помогло снизить частоту сердечных сокращений. Кстати говоря, ни Эйс, ни Круз так и не появились. Был ли старый фейри моим новым хранителем? Нет. Моя рука засветилась после того, как он появился, не раньше.

Я ехала быстро. Слишком быстро. На то, чтобы вернуться в Роуэн, у меня ушло вдвое меньше времени, чем на то, чтобы добраться до аэропорта. Я поехала прямо на ферму Холли, надеясь, что Каджика будет поблизости. Её серый пикап, на котором ездил Каджика, был припаркован впереди, и в гостинной горел мягкий свет.

Сжимая в руке его новый сотовый телефон и зарядное устройство, я вышла из машины и подошла к входной двери, которая, как я подозревала, была не заперта. Холли никогда не удосуживалась запереть её, и я сомневалась, что Каджика начнёт, так как замки не защищали его врагов.

Как и ожидалось, дверь была открыта.

— Каджика, — позвала я, входя в небольшую прихожую.

Никакого ответа.

— Каджика?

Я вошла в гостиную, залитую перламутровым сиянием горящих поленьев. Он жёлт рябиновые дрова?

Позади меня послышались лёгкие шаги. Я резко обернулась. Каджика был мокрым и был одет почти так же мало, как в ту ночь, когда вышел из своей могилы из лепестков роз в набедренной повязке. Сегодня вечером он обернул полотенце вокруг своей точеной талии. Я старалась не смотреть на дорожку тёмных волос, которая исчезала под ним.

Вода капала с его чёрных волос и стекала по мускулистым плечам, вниз по грудным мышцам, вырезанным из гранита. Чёрные завитки были вытатуированы чернилами на его коже — захваченный гассен. Когда фейри вели себя плохо, охотники могли конфисковать их волшебную пыль. Они хранили это в виде татуировок. Когда я уставилась на замысловатые арабески, мне показалось, что я вижу, как они меняются, искрятся.

— Метки движутся?

— Да. Гассен процветает под нашей кожей.

Одна петля перешла от чёрного к антрацитовому, затем к серебристому, а затем обратно к чёрному.

— Как это тебя не отравляет? — спросила я, возвращая свой пристальный взгляд к его.

— Великий Дух делал нас на совесть.

И это всё? В этом причина? Что охотники хорошо сделаны?

— Должно быть научное...

— Наука и магия сосуществуют, как охотники и фейри, но они не смешиваются. По крайней мере, они не должны этого делать.

Как я? Я хотела спросить, но не стала. Каждый раз, когда мы поднимали тему моего наследия, мы ссорились. Я пришла сюда не для того, чтобы ругаться.

— Я принесла тебе это, — я протянула ему телефон и зарядное устройство. — У тебя есть неограниченный трафик и звонки по всей стране.

— Ты купила мне телефон? — напряжение в его чертах ослабло, а губы изогнулись. Почти улыбка, что было подвигом для Каджика, который, казалось, разучился улыбаться во время своего двухвекового сна.

— Я хочу иметь возможность связаться с тобой, когда ты отправишься на поиски Гвенельды.

Его глаза сверкали в серебристом свете огня. В них был странный блеск, от которого воздух в комнате стал разрежённым. Когда он взял телефон и кабель из моей руки, его пальцы задели мои, задержавшись слишком долго. Сначала я убрала руку, а затем засунула обе ладони в задние карманы своих выцветших джинсов.

— Так ты не пойдёшь со мной? — спросил он.

— Я хочу помочь, но боюсь оставлять кладбище без присмотра.

— Фейри не могут проникнуть в круг.

— Я знаю... Но они могут проникнуть в наш дом. Я беспокоюсь за своего отца, Каджика.

Мгновение он, молча, изучал моё лицо.

— Я понимаю, — сказал он, прежде чем заняться поиском розетки.

По крайней мере, он знал, как пользоваться моим подарком. Было ли это тоже остатком памяти Блейка? Меня всё ещё тошнило от мысли, что он поглотил разум моего лучшего друга. Что, однако, сделало мне ещё больнее, так это осознание того, что Гвенельда впитала в себя мою мать.

— Ты... нашёл какие-нибудь её следы? — спросила я, когда он присел, чтобы подключить его.

Когда он встал, полотенце чудесным образом всё ещё было на месте, он покачал головой, и длинная прядь волос упала в его расплавленные янтарные глаза.

— Ещё нет.

— Ты спрашивал Эйса или Круза, слышали ли они что-нибудь?

Он снова внимательно посмотрел на меня, а затем покачал головой.

— У меня не было контакта с фейри. А у тебя?

— Нет. По крайней мере, не с Эйсом и Крузом.

— Но у тебя был контакт с другим?

Я переступила с ноги на ногу, переступая с одного чёрного ботинка на другой. Я вынула руки из задних карманов и вместо этого просунула пальцы в петли джинсов.

— У меня не было никакого контакта, как такового, если только дуэль взглядов не является контактом.

— Дуэль взглядов?

— Я видела фейри сегодня вечером в аэропорту. Когда я высадила свою тётю, там был этот старик, который светился очень ярко.

— Старик?

— Да. У него были седые волосы и множество морщин.

Каджика тревожно замер. Даже его дыхание, казалось, остановилось.

— Старейшины выходят из Бакситогана. Это нехорошо.

— Старейшины?

— Древние фейри.

— Холли была древней, — сказала я.

— Холли была базаш. Она слабо светилась. Если это существо, которое ты видела, ярко светилось, то оно должно быть чистокровным обитателем баситогана.

Может быть, именно поэтому я никогда не замечала, чтобы Стелла или Холли светились. Потому что они не были чистокровными фейри.

Он откинул волосы назад.

— Опиши его подробно, Катори.

— Эм. На нём были ковбойские сапоги.

Каджика фыркнул.

— Какого он был роста? У него были какие-нибудь отчётливые отметины?

Я попыталась вспомнить его рост. Был ли он выше, чем проходившие мимо него путники? Нет.

— Среднего роста. Я бы сказала, что ему было под шестьдесят.

— Катори, дай мне что-нибудь, что я могу использовать, — Каджика почти зарычал.

Я перестала ёрзать.

— У него был белый шрам на ключице. Как шрам от ножа, но плохо заживший.

Глаза Каджики расширились и загорелись яростным блеском, который соперничал с белым пламенем, танцующим в камине.

— Что?

Он закрыл глаза.

— Что? — снова спросила я, уставившись на его закрытые веки, как будто его мысли могли волшебным образом материализоваться на них.

— Я оставил ему этот шрам.

ГЛАВА 8. ДАРТС

— Давным-давно я перерезал горло фейри железным лезвием, — объяснил Каджика. Мурашки волнами поднимались и опускались по моей коже. Даже моё горло казалось покрытым ими.

— Это... это Грегор?

Глаза Каджики распахнулись.

— Он хуже, чем Грегор.

— Кто...

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о Борго Лифе?

— Фейри, который убил Ишту?

Ноздри Каджика раздулись.

— Да. Сообщник Лио Веги.

Мой взгляд упал на его татуировки. В одном из них содержалась магия Борго.

— У него нет пыли, так что он не слишком опасен, верно?

— У него нет пыли, и всё же он осмеливается покинуть Баситоган после того, как я восстал? — Каджика издал насмешливое фырканье. — Он либо сошёл с ума, либо верит, что сможет вернуть свою магию.

— Как? Сражаясь с тобой?

— Если бы фейри играли честно, я бы сказал "да", но эти существа играют нечестно. Я боюсь, что если он показался тебе, то планирует использовать тебя против меня.

— Меня? — пискнула я.

Каджика уставился на потрескивающий огонь.

— Ты похожа на Ишту, Катори.

— И что?

— Значит, он может подумать, что мне удалось спасти её, и он пришёл, чтобы закончить работу.

— Люди слышали обо мне в Неверре. Он не может думать, что я Ишту.

— Они не люди.

Я с трудом сглотнула. Я была не в лучших отношениях с фейри, но всё же.

— Жги рябиновые дрова в камине, Катори. Всю ночь и весь день. Это удержит их от проникновения внутрь.

Он подошёл к дивану в цветочек, приподнял одну из потёртых жёлтых подушек и достал что-то из-под неё. Он протянул мне свёрнутую тряпку для мытья посуды. Внутри три маленькие белые деревянные стрелы стучали друг о друга. Не толще карандашей, они были увенчаны коричневыми перьями на одном конце и металлическим наконечником на другом.

— Я не думаю, что ты могла бы убить фейри с их помощью, поскольку твоя кровь ещё не содержит чистого железа, как у меня, — но они должны обездвигить фейри достаточно долго, чтобы ты могла уйти.

Металлический привкус страха покрыл моё нёбо. Я зажала стрелу, подняла, почувствовала её вес или его отсутствие, повертела её между пальцами. Она была гладкой и невещественной, как будто сделана из пара, а не из дерева. Неужели он вырезал их в тот день, когда Холли рассказала мне об истории моей семьи? Он рубил дрова. Тогда я думала,

что это дрова — и, возможно, часть из них была дровами, — но потом он сказал мне, что начал пополнять свой арсенал.

— Я положу поленья рябинового дерева в твою машину. Жги их, — властность в его голосе заставила меня вздрогнуть. — Мы должны позвонить Эйсу.

— Разве ты не говорил, что он убил Холли? — спросила я.

— Да.

Я оцетинилась.

— Но ты хочешь попросить его о помощи?

— Нет. Я хочу знать, почему Борго вышел наружу, — он вздохнул, глубокий рокочущий вздох. — Как я должен отправиться на охоту за Гвенельдой, если фейри здесь?

Я заправила прядь волос за ухо.

— Я большая девочка, Каджика, и теперь у меня есть оружие.

— Ты не можешь защититься от фейри.

— Как ты думаешь, насколько я слаба...

Моё дыхание со свистом вырвалось из меня, когда Каджика обхватил моё горло одним твёрдым, как камень, предплечьем. Инстинктивно я толкнула его локтем, но мои локти едва коснулись его обнажённого торса. Я попыталась стряхнуть его, но его рука сжалась сильнее, пригвоздив меня к месту. Я замахнулась ногой назад, но пнула воздух. Одна из его рук метнулась к моим волосам. Схватив их, он сильно потянул. Моя шея хрустнула, когда он дёрнул её назад.

— Отпусти! — прохрипела я.

И он сделал это. Я зашипела и закашлялась.

— Ты не сильная, — сказал Каджика.

Я дотронулась до своего горла. Обхватила его ладонью.

— Ты причинил мне боль, — мои глаза стали такими же влажными, как и моё эго.

— Мне жаль. Моим намерением было просто доказать, что ты не можешь защитить себя.

— Научи меня, Каджика. Научи меня защищать себя.

— Скоро взойдёт голубая луна. Выбери сторону охотника, и ты станешь сильной за одну ночь.

Я стиснула челюсти.

— Я могу стать сильной, не становясь охотником.

— Ты никогда не станешь достаточно сильной, если не выберешь.

— Научи меня!

Он сложил руки на голом торсе. Его грудь поднималась и опускалась так же отчаянно, как и моя собственная. Ладно, возможно, не так отчаянно, как у меня. Я не только запыхалась, но и всё больше приходила в ярость, и гнев имел тенденцию замораживать меня.

— А что, если ты выберешь их? — спросил он. — Тогда всё, чему я тебя научу, ты используешь против меня.

Я ответила ему оглушительной тишиной, затем развернулась и направилась к своей машине.

Он последовал за мной в одном своём дурацком полотенце.

— Ты сказала мне, что ты сомневаешься!

— Сомнения не означают, что я отвернусь от тебя! Кроме того, у меня больше нет сомнений, — я подняла руку, ударив кулаком по воздуху, чтобы он мог прочитать слово,

отпечатанное на моей коже. Другая моя рука всё ещё сжимала стрелы. Я подумывала о том, чтобы отпустить их, но это было бы глупо. Может быть, я не была такой сильной, как он, как феири, но, по крайней мере, я была вооружена.

— Ты забрала свою машину, — сказал он, как ни в чём не бывало.

Я не ответила. Я просто села внутрь, бросила стрелы на пассажирское сиденье и захлопнула дверь.

Одна вещь, которую я быстро усвоила в этом моём новом мире, заключалась в том, что я должна была быть в безопасности. Я не была девицей в беде, да и не хотела ею быть. Мне нужно было научиться метать эти стрелы. Поскольку я жила в Роуэне, а не в мрачной вселенной, я не понимала, как я могла пристегнуть лук к спине, не вызывая удивления.

Однако в "Местечке Би" была доска для игры в дартс. Я бы начала с этого.

В течение первого часа большинство моих дротиков либо касались рамы доски, либо просто ударялись о стену и падали на пол, как сорванные перья. Конечно, я стояла как можно дальше от неё.

— Ты готовишься к какому-то чемпионату? — спросила Касс.

Я прищурила глаза, согнула локоть, отвела руку назад, а затем выпустила крылатый дротик, летящий прямо к круглой доске. Стальной наконечник застрял в тройном кольце, вибрируя, когда он воткнулся. Я вздохнула. Так было лучше. Не очень хорошо, но, по крайней мере, этот попал в доску.

— Нет.

— Ты окосеешь, если не сделаешь перерыв.

Я потёрла усталые глаза и отвернулась от доски. Я оглядела пустую комнату. Когда все ушли?

— Который сейчас час?

— Ближе к полуночи.

— Уже?

— Ты имеешь в виду, наконец-то. Я весь день была на ногах, потому что новенькая, которая должна была прикрывать обед, так и не появилась, — Касс вздохнула. Затем она кивнула в сторону одной из кабинок у кирпичной стены. — Ты уже поужинала?

— Нет.

— Хорошо. Я оставила тебе немного еды.

— Спасибо, — сказала я, направляясь к предложенному.

Я села напротив Касс и сделала глоток содовой, прежде чем поняла, что это не безалкогольный напиток. На вкус он был сладким, но в то же время острым, и в нём определённо был алкоголь.

— Я смешала просекко с имбирным элем и свежим тёртым имбирём.

Я попробовала ещё раз, на этот раз потягивая.

— Это действительно хорошо.

— Я хочу когда-нибудь стать миксологом.

— Что это? — спросила я.

— Изготовитель коктейлей. Я бы хотела открыть свой собственный бар.

— Здесь, в Роуэне?

— Чёрт возьми, нет. В Майами.

— Майами?

— Да. У них там такие классные пляжи, и погода всегда хорошая — за исключением

сезона ураганов. Разве тебе не хотелось бы жить на пляже?

— Рядом с "Астрой" есть пляж.

Она улыбнулась, а затем принялась за свою миску с ароматными спагетти.

— Я имела в виду тёплый пляж.

Я уставилась на Касс на мгновение и подумала, как бы она отреагировала, если бы я сказала ей, что в её жилах течёт ничтожное количество крови фейри. Будет ли она удивлена, в восторге, ошеломлена? Захочет ли она переехать в Неверру? Может быть, у них там были пляжи...

Я задавалась вопросом, чувствовала ли она когда-нибудь себя по-другому. Мне очень хотелось спросить, но моё желание было эгоистичным. Мне нужен был союзник в этом параллельном мире. Рассказав ей, я подвергну её опасности, а я не хотела подвергать опасности кого бы то ни было — особенно девушку, сидящую напротив меня, которую я всегда считала своей самой близкой подругой.

Я наклонила голову к тарелке и намотала немного спагетти на вилку. Томатный соус выплеснулся и забрызгал мне футболку.

— Чёрт, — пробормотала я.

— Я принесу содовой. Это обычно выводит пятна.

Я намочила салфетку в газированной воде и с силой потёрла пятно.

— На кого ты злишься? — спросила она.

— Хм?

— Ты бросала дротики в доску, как будто это была чья-то голова, а теперь ты протираешь дыру в своей футболке.

— Ой, — я отложила салфетку и накрутила ещё немного спагетти на вилку. — Ни на кого.

Я ела быстро и молча, надеясь, что она не спросит снова. Но это была Касс. Касс была настойчива. В этом она напомнила мне маму. Может быть, именно поэтому мы так хорошо ладили.

Как только я дочиста вычистила свою тарелку и покончила с большей частью своего имбирного коктейля, она повторила свой вопрос.

— Я зла на Эйса.

Я могла бы заменить его имя именем Каджики. Я сделала глоток своего напитка и подержала его во рту, наслаждаясь шипением пузырьков на языке. Как только все пузырьки лопнули, я позволила подогретому глотку скользнуть вниз по горлу и осесть в моём кровотоке.

— Почему? — спросила она.

Я поставила стакан на стол и повертела его в пальцах. В моей голове всё начинало чудесным образом расплываться. Я почувствовала, что на несколько фунтов легче от гнева и на несколько фунтов тяжелее от уверенности.

— Потому что он что-то сделал. На самом деле я не уверена, что он что-то сделал, но он говорил об этом, а потом это произошло, поэтому я предположила, что он это сделал, и когда я сказала ему об этом, он разозлился на меня за то, что я так подумала, но разве ты не предположила бы, что если кто-то сказал, что собирается что-то сделать, и это произошло, тогда он виновен?

— Вау. Притормози и перемотай назад, потому что в этом предложении было много его и кое-чего. Что именно он сделал?

Я устала на пузырьки, лопающиеся на поверхности.

— Я не могу тебе сказать, — сказала я хриплым голосом.

— Почему нет?

Я подняла взгляд на её ярко-голубые глаза, которые вечно играли в прятки за её длинной чёлкой.

— Он обещал тебе, что он холост или что-то в этом роде?

Я моргнула.

— Хм?

— Я не знаю, — она пожала плечами. — Я знаю, что вы, ребята, тусовались вместе.

Я даже не потрудились сказать, что это не так.

— Откуда ты это знаешь?

— Фейт сказала... она сказала... О, забудь об этом, — Касс откинулась на спинку стула. — В любом случае, большинство вещей, которые говорит моя двоюродная сестра — ложь.

— Что сказала Фейт?

Касс скривила губы.

— Она сказала, что вы, ребята, спали вместе.

Это меня отрезвило.

— Я и Эйс? Ни за что, — я покачала головой. — Просто нет.

Должно быть, я повысила голос, потому что Касс шикнула на меня.

— Ты разбудишь Би.

Я устала в потолок. Би. Я выбросила глупые сплетни Фейт из головы. Сплетни не должны меня раздражать; они даже не должны влиять на меня. Сплетни не входили в круг вещей.

— Как у неё дела?

— Я нахожу, что ты ужасно защищаешься.

— Би спускалась вниз?

Она наклонилась вперёд и положила обе руки на стол.

— Давай не будем отклоняться от темы.

— Да, давай.

— Кэт...

— Послушай, если бы я была с кем-то связана, ты бы узнала первой. Но прямо сейчас мне действительно не нужен парень. Отношения слишком сложны.

— У тебя даже никогда этого не было.

— Я встречалась с парнем в прошлом году, — сказала я, защищаясь.

— Робби? Ты сказала мне, что ходила с ним на два свидания. Над одним из которых я до сих пор смеюсь.

— Которым из них?

— Тот поход в кино.

— Верно. Поход в кино.

Робби, студент-второкурсник, пригласил меня на свидание, а затем, во время указанного свидания, он не только отказался от покупки моего билета, но и купил свой по купону.

— Да. Он был не самым романтичным парнем.

— Мы отстой в выборе парней.

Она подняла свой почти пустой бокал, и я чокнулась с ней.

— Выпьем за это.

— Я всё ещё безумно влюблена в Эйса, и он вот-вот станет папой. Это явное зло.

— Ты не смогла бы быть злой, даже если бы попыталась, — сказала я.

— Я родственница Фейт. Я уверена, что могла бы быть немного злой. Если бы я попыталась.

Я закатила глаза.

— Ну, тогда и не пытайся.

Касс рассмеялась.

— Ты хочешь пойти со мной в клуб в Детройте в пятницу вечером?

— Абсолютно точно.

— Я заеду за тобой в десять?

— Как насчёт того, чтобы взять мою машину?

Машина Касс была розовой, как жевательная резинка, и представляла собой настоящую зону военных действий.

— Тогда ты назначенный водитель.

— Договорились.

Когда я вышла из "Би" той ночью, мне показалось, что я иду по воздуху. Я действительно проверила, не заставила ли меня моя волшебная сторона левитировать. Мои ноги прочно стояли на земле.

Хотя мне, наверное, не следовало садиться за руль после коктейля, я села. Я была молода, глупа и человечна. Люди совершали безумные поступки, такие как пьянство и вождение автомобиля. Охотники определённо этого не делали. По крайней мере, Каджика этого не делал. Он был категорически против алкоголя или любых веществ, которые могли затуманить чувства.

Проезжая через кладбище, я посмотрела на могилу Леи. Только Великий Дух знает, почему я туда посмотрела.

Мне действительно не следовало этого делать.

Машина с визгом остановилась посреди подъездной дорожки. Я протёрла глаза, а затем снова уставилась на надгробие.

Насколько затуманены были мои чувства?

ГЛАВА 9. РОЗОВАЯ ЛИАНА

Сунув стрелы в карман пальто, я пошла на ногах, которые казались резиновыми, к могиле Леи. Ярко-розовые розы росли из толстой виноградной лозы, обвивавшей надгробие. Цветы мерцали, как будто каждый лепесток был инкрустирован кристаллами Сваровски.

Мне так хотелось верить, что мой отец посадил эту штуку в тот день, но в этих розах не было ничего похожего на домашние садовые. Я даже не осмелилась прикоснуться к одной из них, чтобы проверить, настоящая ли она. Я видела сквозь пыль, поэтому знала, что это не иллюзия, но готова поспорить на что угодно, что они были потусторонними.

Я достала свой сотовый телефон из джинсов и собиралась набрать номер Эйса, но остановила себя. Я не разговаривала с ним.

Чёрт.

Если бы я только прочитала книгу Холли. Возможно, там было упоминание о цветах,

прорастающих из пепла фейри.

Я сделала следующую лучшую вещь: я набрала розы и пепел фейри в своём браузере, на самом деле не ожидая ничего найти, но, боже, я была права... Я получила тонну просмотров. Прочитав их, я решила, что их написали люди, которые на самом деле никогда не сталкивались с фейри. Большинство говорило о поющих псалмы крошечных людях, которые перепрыгивали через мёртвые тела, как будто это были аттракционы в парке развлечений. Несмотря на то, что я бы не стала отрицать, что у фейри извращённое чувство юмора, создание игры с трупами было совершенно новым уровнем беспокойства. В одной статье говорилось о телах фейри, которых несли на лепестках роз к месту их последнего упокоения.

Это не объясняло присутствие безудержной розовой лианы. С каких это пор розы распускаются на жилистых стеблях? Будет ли цветочная гирлянда расти? Захватит ли она всё кладбище?

Хотя я бы не возражала жить над садом, а не над кладбищем, у этих роз были шипы размером с веретено. Я последовала за толстой лозой к её корню в насыпи земли, которая окружала пепел Холли. Может быть, у фейри были тотемные растения, как у Готтвы были тотемные животные? Или из-за того, что она была Готтва, из её духа выросла роза?

Выросло ли растение над надгробием после погребения Леи? Неужели кто-то вырвал его с корнем? Нужно ли выкорчевать его? Я посмотрела вверх, желая, чтобы кто-нибудь ответил хотя бы на один из моих вопросов, но бескрайнее небо оставалось пустым и безмолвным.

Мне снова приснился тот сон. В одном из них моя мать вела меня к двери, которая стояла посреди поля. Однако на этот раз дверь не была жёлтой. Она была круглой и серебристой, как зеркало, за исключением того, что в ней отражался пейзаж, который не был похож на тот, что окружал меня. На ней был изображён лес с деревьями, окутанными туманом и увитыми сверкающими колючими лианами. Хотя мама уговаривала меня залезть на своеобразный диск, я упёрлась пятками в землю. Мама говорила мне, что шипы на стебле розы не причинят мне вреда? Или мой коктейль и шок смешались в запутанном сне, в котором мама играла главную роль? Была ли розовая лоза вообще настоящей? Может быть, мне это почудилось...

Я вскочила с кровати и подошла к своему окну. Раздвинув шторы, я вытянула шею в направлении надгробия Леи. Вместо надгробия я увидела мужчину с копной светлых волос, изучающего его.

Я хотела крикнуть папе, чтобы он не трогал растение, но крик напугал бы его, поэтому я побежала по своей комнате, сбросила шорты для сна и футболку и натянула вчерашние джинсы и свежую футболку. Выходя, я ударилась мизинцем ноги о ножку кровати.

— Дерьмо, — пробормотала я.

Мой палец на ноге болел всю дорогу вниз по лестнице и продолжал болеть после того, как я сунула ноги в ботинки. Может быть, я его сломала. Я побежала, прихрамывая, к папе.

— Это ты посадила это? — спросил он, как только увидел меня.

Затаив дыхание, я перевела взгляд с его морщинистого лба на лиану.

— Да.

— Что это за цветок?

— Гибрид розы и глицинии. Я взяла его в оранжерее Холли. Я подумала, что это будет хороший жест.

— Посадить один из её цветов на могилу Леи?

Верно, он не знал, что я похоронила Холли поверх её матери.

— Каджика положил сюда прах Холли.

— Когда?

Я сглотнула. Моя слюна была густой и на вкус напоминала сырой имбирь и горькую ложь.

— Прошлой ночью.

Папа скрестил руки на груди.

— Я бы хотел быть там. Я уверен, что многие другие сделали бы то же самое. С его стороны было не очень любезно не принимать во внимание её друзей.

Теперь папа подумал бы, что Каджика эгоистичен, вдобавок опасен и оказывает дурное влияние. С тех пор как я упомянула, что охотник участвовал в боях без правил, папа не питал к нему особого уважения.

— Почему ты не остановила его? — спросил папа.

Его разочарование было намного хуже, чем мой пульсирующий мизинец.

— Мне жаль, — я опустила глаза на охристую траву, которая наконец-то появилась после нескольких месяцев снега. — Я не подумала.

Папа вздохнул.

— Похоже, в последнее время ты часто так делаешь.

Ох.

— Я знаю, что этот период перестройки — отсутствие мамы, возвращение в Роуэн, жизнь дома — давил на тебя, но тебе нужно начать думать, прежде чем действовать, Кэт.

Я кивнула головой в знак согласия. Если бы только он знал, к чему ещё мне нужно было приспособиться.

— Мы всё ещё могли бы организовать церемонию. Я обо всём позабочусь. Я наблюдала, как вы организовываете так много, что знаю, как это делается.

Папа приподнял бровь.

— Я не хотел, чтобы ты чувствовала себя виноватой...

— Но ты прав. Я была так сосредоточена на себе в эти дни, что забыла обо всех остальных.

Папа ещё немного посмотрел на меня, а затем заключил в объятия. Я прекрасно понимала, что это всего лишь грудь и руки, но быть прижатой к нему было всё равно, что носить полный бронежилет, щит от всего, что могло причинить мне вред. Слишком скоро всё закончилось.

Папа взял мои руки и повернул их ладонями вверх.

— Эти шипы очень массивные. Ты не поранилась, сажая лиану?

— Я надела мамины садовые перчатки.

Он улыбнулся. Это была такая грустная улыбка.

— Я надеюсь, что Нова наблюдала.

Я надеялась, что нет.

— Она бы так гордилась, увидев, как её дочь что-то сажает.

Тогда я не могла смотреть на папу, слишком смущённая своим яростным обманом. Прежде чем я успела добавить ещё одну ложь к этой внушительной куче, грузовик почтальона Мэтта въехал на кладбище. Папа помахал ему рукой. В последний раз, когда я видела Мэтта, он принёс мне таинственный пакет с "Деревом Ведьм". Это был тот же самый

день, когда я сорвала железный колокольчик с потолка веранды и покрасила дверь в подвал в белый цвет вместо жёлтого. В тот день я пыталась стереть маму из памяти. Я подумала — не особо задумываясь, — что если я уничтожу видимые напоминания о ней, её отсутствие причинит меньше боли.

Этого не произошло.

Или, может быть, это была одна из стадий горя. Что такое гнев? Первая? Вторая? Нет. Отрицание было первым. Гнев, вероятно, был на втором месте.

— У меня для тебя посылка, Кэт, — сказал Мэтт, протягивая мне коробку. Я замерла. Это были его точные слова, когда он отдавал мне посылку Холли. — Кэт?

Он сунул её мне в руки.

Машинально я сомкнула пальцы вокруг картона. А потом я вышла из транса и проверила обратный адрес. Когда я увидела название интернет-магазина, в котором я заказала замену китайских колокольчиков, я расслабилась.

Папа сказал Мэтту, что я плохо сплю. Сна не было ни у кого из нас. Что это был трудный месяц. Их разговор отошёл на задний план, больше походя на белый шум, чем на диалог. То есть до тех пор, пока Мэтт не воскликнул:

— Холли скончалась?

Круглое лицо почтальона немного побледнело.

— Ты не слышал? — спросил папа.

— Нет. Она была такой доброй леди. Она всегда давала мне пару долларов, когда я приносил ей посылки.

— Она была очень щедрым человеком, — согласился папа. — Кстати, Кэт организует поминки в её честь в эти выходные. Ты сможешь прийти?

Он сказал "да", и после того, как он уехал, папа отправился в город навестить Би. Я вернулась в дом, отягощённая своей посылкой и обещанием устроить церемонию, достойную Холли.

ГЛАВА 10. МУЗЫКА ВЕТРА

Последний час я стояла на коленях у кофейного столика. Хотя я включила телевизор в гостиной, в доме было исключительно тихо. Я прибавила громкость, пытаюсь вставить винт в железную трубку, прежде чем надеть гайку на хвостовик винта, чтобы всё было на месте. Я не была уверена, было ли это из-за того, что у меня были две левые руки, или из-за того, что мои пальцы дрожали, но винт продолжал выпадать. Правильно ли я их использовала? Или это были винты для верхней части колокольчиков?

Тьфу! Я схватила деревянные планки, на которых держалась трубка, и вставила подвесные тросики, но каждый раз, когда я пыталась закрепить их на большом крюке, они выскальзывали. Как мама это сделала?

Металлические кусочки и нейлоновые катушки закачались и расплылись. Я провела руками по влажным глазам, вспомнив другой раз, когда я плакала, пытаюсь что-то построить.

На мой шестой день рождения бабушка с дедушкой купили мне кукольный домик размером с собачью конуру. Он пришёл в комплекте, который нужно было покрасить и собрать. Мой дедушка сделал бы это с нуля, если бы его артрит не был таким сильным. К тому времени его пальцы были постоянно согнуты. Хотя мама пыталась вылечить его лекарственными растениями, его пальцы так и не выпрямились. Поэтому он купил

комплект, а затем наблюдал за его сборкой. Я хотела сделать это сама, и мне не нужна была никакая помощь. Я не только соединила неправильные части вместе, но и когда попыталась исправить свои ошибки, дерево расколосось. Я плакала слезами гнева и разочарования и зарылась в свою кровать, чтобы избежать упрёков.

Меня никогда не ругали.

На следующее утро мама всё починила.

Она всегда всё чинила.

Я уставилась на все осколки, разбросанные по деревянному столу, а затем уставилась на инструкцию, вытирая мокрые щёки.

Я не могу сделать это без тебя.

Чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочила на ноги так быстро, что ударилась коленом о стол. Когда я пристально посмотрела на своего неожиданного посетителя, боль, исходящая от моей коленной чашечки, исчезла. Каджика стоял передо мной в толстой тёмно-синей куртке Хенли и джинсах, которые низко сидели на его талии. Это был не тот стиль, который он придавал себе. Это был неудачный побочный эффект использования джинсов моего отца. Папа предложил одежду Каджике после того, как он прибыл в Роуэн, босой и почти голый.

— Я не слышала, как ты вошёл, — сказала я, пытаюсь собраться с мыслями, которые рассыпались, как железные цилиндры на столе.

— Я постучал.

— Ты не звонил в дверь.

— Я забыл, что в наши дни есть колокольчики, — он указал на низкий столик. — Ты создаёшь оружие?

Я собиралась сказать "нет", но железные колокольчики были своего рода оружием.

— Это музыка ветра. Чтобы повесить над моей дверью.

— Это сделано из железа.

Это не было вопросом, но всё же я ответила:

— Да.

Неловкость в комнате была осязаемой. Она исходила из каждой поры Каджики. Мне казалось, что того дня, который мы провели в домике на дереве, делясь драгоценными воспоминаниями о наших матерях, никогда не было, как будто я вернулась к исходной точке с ним.

— Тебе нужна помощь в сборке? — спросил он.

Я не хотела кивать, потому что кивок означал признание поражения. И у меня была своя гордость. Но потом я подумала о маме и поставила её на первое место.

— Я была бы признательна за некоторую помощь. Если у тебя есть время, конечно.

— Это всё, что у меня есть в эти дни, — то, как он произнёс эти слова, стёрло обиду прошлой ночи.

В его тоне было слишком много страдания. Каджика был сломленным человеком, а я не знала, как исправить сломленных людей. Если бы только моя мама была здесь...

Он принялся за работу, пока я варила нам горячий шоколад и готовила блюдо из жареного цыплёнка и зелёной фасоли. Держу пари, он пропускал приёмы пищи, если только еда волшебным образом не появлялась перед ним. Он перестал работать достаточно надолго, чтобы проглотить всё до последнего кусочка. Пока я звонила Касс, чтобы спросить, не может ли новый повар приготовить немного еды для поминок Холли, Каджика добавил последний штрих к сборке, прикрепив крошечные колокольчики к нейлоновым шнурам,

продетым через хлопушку.

Закончив, он надел это на палец и поднял. Я положила трубку и уставилась на собранный инструмент. Он дрожал и звенел, и от его мелодичной песни у меня покалывало спину, а по коже побежали мурашки.

— Моя сестра любила музыку. Однажды, когда мы проникли в соседнее французское поселение, чтобы обменять шкуры на продукты, она пришла в благоговейный трепет перед ними. Несмотря на то, что наше племя превыше всего нуждалось в пропитании, я обменял на них шкуру. Я никогда не видел, чтобы она так широко улыбалась, — далёкий блеск вспыхнул в янтарных глазах Каджики. — Я изучил музыку ветра и сделал для неё такие же, используя раковины, дерево и нити из кожи. Каждый раз, когда мы где-нибудь разбивали лагерь, она выбирала дерево и привязывала свою коллекцию к его ветвям, а потом ложилась под ним и закрывала глаза. Она сказала, что ветер доносит истории, рассказанные мужчинами и женщинами, и играл их для неё в виде мелодий. Моя сестра всегда была полна историй. Я скучаю по тому, как она их пересказывает.

Все его сёстры были убиты фейри. Единственным выжившим членом его семьи был его брат. Я склонна была забывать об этом, когда судила Каджику. Если бы фейри убили моих отца и тётю, я бы тоже возненавидела их.

Колокольчики и железные трубки мерцали, сверкая в бледном послеполуденном свете. Я медленно высвободила ноги из-под себя и поднялась с дивана. Я забрала их у него.

— Спасибо тебе. За то, что помог мне.

Он опустил подбородок на грудь.

— Я бы помог тебе больше, если бы ты мне позволила.

— Тогда тренируй меня. Научи меня.

Он крепко зажмурил глаза. Я думала, что он собирается мне отказать, но вместо этого он сказал:

— После того, как я найду Гвен, я научу тебя.

Я подошла к входной двери и открыла её. Металлическая петля, которую мама прикрепила к стропилам крыльца, блестела на послеполуденном солнце. Я подтащила плетёное кресло и забралась наверх, чтобы продеть крюк в петлю.

— Пойдём со мной, — сказал Каджика.

Я посмотрела на надгробия спящих охотников, а затем уставилась на два длинных пустых прямоугольника земли, в которых покоились гробы Гвенельды и Каджики.

— Я должна охранять кладбище.

— Фейри не могут проникнуть в круг рябины, а люди не могут копать землю. Только охотник может раскопать могилу, и Айлен под внушением, что нельзя в него заходить. Кроме того, она больше не в Роуэне.

Я посмотрела вниз на Каджику.

— Я не могу оставить своего отца одного. Я нужна ему.

Разочарование напрягло его челюсть.

Я спустилась с кресла и отодвинула его к стене. Крошечные колокольчики резвились на лёгком ветру. На самом деле это не удержало бы фейри — в конце концов, они могли летать — но, по крайней мере, они больше не смогли бы войти в мой дом. Если бы они хотели войти, им пришлось бы залезть через окно. Это принесло мне некоторое удовлетворение, не потому, что я хотела поставить их в неловкое положение, а потому, что я хотела затруднить им связь с моим отцом.

— У неё странное чувство юмора, у нашего Великого Духа, — сказал Каджика.

Я нахмурилась.

— Ишгу тоже любила своего отца больше всех остальных мужчин. Даже больше меня, я полагаю.

Сравнение с его покойной парой раздражало меня, как всегда.

— Хочешь, я перекрашу волосы в блондинку? Чтобы я не была так похожа на неё?

Он улыбнулся, но его улыбка была окаймлена печалью.

— Я не думаю, что блонд тебе пойдёт.

— Да. Скорее всего, нет.

Когда мы стояли там, под звон колокольчиков, глядя друг на друга, я вздрогнула. Я скрестила руки на груди.

— Я принёс тебе рябиновые дрова. Пожалуйста, жги их. И позвони мне, если Боргс появится, — он указал на мобильный телефон, засунутый в карман джинсов. — Я могу быстро вернуться.

Я кивнула.

— Ты доверяешь мне, Катори?

Слово "да" покалывало мои губы. Я хотела произнести это вслух, но сдержалась.

— Это так странно, что я должен завоевать твоё доверие, — печально сказал он. — Что я не просто обладаю им. Ты доверяла Блейку. Ты доверила ему свою жизнь. Как я доверял Ишгу. Всем своим существом я доверял ей. Трудно доказывать свою состоятельность, когда я чувствую, что имею право на твоё уважение.

— Я действительно уважаю тебя, Каджика. Уважение и доверие — это не одно и то же.

— Но ты мне не доверяешь? Ты не уверена во мне?

— Прямо сейчас я не уверена во всём и во всех. За один месяц моя жизнь разлетелась на куски.

Он поднёс руку к моему лицу и погладил меня по щеке.

— Моя тоже.

Могла ли я завести дружбу с Каджикой, или это было так же бесполезно, как строить дом над зыбучими песками?

— Сожги дрова. И всё время держи стрелы при себе, — сказал он.

Я кивнула.

Его холодные пальцы прошли по моей шее, руке, костяшкам пальцев.

— И если тебя что-нибудь испугает, позвони мне.

Я была почти уверена, что что-нибудь, означает фейри. Я сомневалась, что он хотел, чтобы я беспокоила его своим страхом перед мохнатыми пауками.

Я учуяла его запах на ветру. Влажная земля, смешанная с травинками. Его запах кружился вокруг меня, смешиваясь с музыкой от перезвона колокольчиков.

Когда он приблизил своё лицо к моему, я втянула воздух и выпалила:

— Розовая лиана выросла из пепла Холли.

Он замер в нескольких дюймах от меня. Его глаза задержались на моих приоткрытых губах, прежде чем метнуться через моё плечо к надгробию. Его челюсть сжалась в жёсткую линию, и он направился к лиане. Он присел на корточки и дёрнул головку цветка. Лепестки распустились. Он сжал их в кулаке.

Я присела на корточки рядом с ним.

Его глаза загорелись.

— Лепестки роз в наших могилах. Они произошли от такой лианы, как эта.

Я уставилась на растение. Бутон, из которого он вырвал лепестки, уже прорастал новыми. Через несколько минут они стали совсем выросшими и блестящими, как и остальные.

Каджика бросил лепестки на могилу и вскочил на ноги.

— Мы были похоронены в грёбанном пепле фейри.

Ругательство поразило меня. Это звучало неправильно, когда исходило от двухсотлетнего охотника.

— Это не совсем точно. Тебя похоронили в...

— Для меня это одно и то же! Что, если сущность фейри просочилась в нас, пока мы спали? Что, если это ослабит нас?

— Ты чувствуешь слабость?

— Что, если это была уловка, чтобы превратить нас в фейри?

— Вы были в гробах из рябинового дерева, Каджика. Фейри не могут прикасаться к рябиновому дереву, так что это не имеет смысла. Кроме того, очевидно, от тебя пахнет охотником. Я почти уверена, что в тебе нет ничего от фейри.

Он пристально уставился на отброшенные лепестки, которые лежали нетронутыми и неповреждёнными.

— Как мог Негонгва принять это? — прорычал он.

Я попыталась дотронуться до его руки, но он отдернул её от меня. Я скосила глаза.

— Это спасло тебе жизнь.

Он покачал головой.

— Я бы предпочёл умереть, Катори, — отвращение исказило его черты, превратив в неузнаваемое лицо. — Может быть, мне следует выкопать остальных прямо сейчас, чтобы избавиться их от этого мира.

— Это не такой уж плохой мир.

— Для тебя. Для тебя...

Он попятился. Быстро. Как будто его засосало вихрем. Всё ещё было странно видеть, как охотники двигаются, точно так же, как было странно видеть, как летают фейри, но каким-то образом я смирилась и с тем, и с другим.

— Каджика, не надо, — твёрдо сказала я.

Он стоял у одного из стволов рябины.

— Не надо, что? Не выкапывать остальных?

Нет, не делай глупостей. Я не произносила эти слова вслух. Кто я такая, чтобы указывать ему, что делать с его жизнью? Я злилась на Блейка за то, что он совершил самоубийство, но, в конце концов, это был его выбор. Не мой.

Каджика перестал пятиться.

— Может быть, этот мир просто тяжёл для меня, потому что в нём нет моей любимой.

Я прикусила губу, сожалея о том, что моё угловатое лицо, мои обсидиановые глаза, мои волосы цвета воронова крыла, мой смех напоминали смех Ишту. Я хотела бы выглядеть по-другому, звучать по-другому, но я не могла контролировать то, какой я была. Единственный контроль, которым я обладала, был над тем, что я делала.

— Найди Гвенельду и приведи её домой. А потом помоги мне вернуть мою книгу, — я дала ему цель. Цель сохраняла людям жизнь. — Пожалуйста.

Солнце умирало на горизонте, бросая угольки на пурпурное небо, на тёмного охотника.

Его фигура расплылась, а затем снова появилась прямо передо мной. В его глазах появилась новая искра, рот по-новому изогнулся.

— Я найду Гвенельду. А потом я вернусь к тебе.

Моё лицо вспыхнуло от его близости.

— Ты хотел, чтобы я жгла рябиновое дерево, — прохрипела я.

Он кивнул.

Я заправила прядь выбившихся волос за ухо, опустил взгляд на землю между нашими ногами.

— Ты принёс его?

Его ботинки стояли рядом с моими, и его дыхание согревало мой лоб.

Через несколько долгих минут его ноги сдвинулись с места и направились обратно к серому грузовику. Он схватил охапки светлых брёвен и понёс их внутрь. Перед уходом, как будто сомневаясь, что я сожгу их, он зажёл одно в камине, воткнув кончик стрелы в бревно. Через несколько секунд от высушенной коры повалил белый дым.

— Где ты нашла колокольчики Новы? — крикнул мой отец с порога.

— Папа? — воскликнула я, когда охотник поднялся со своего места у камина.

— Ох. У тебя компания, — голос папы был напряженным. — Привет, Каджика.

Охотник кивнул.

— Мистер Прайс.

— Я сожалею о твоей потере, — добавил папа, вешая пальто. — Кэт сказала тебе, что мы организуем поминальную службу по Холли в эти выходные?

— Каджике нужно вернуться в Бостон, папа, так что он не сможет прийти.

— Жаль. Мы будем держать тебя в своих мыслях.

— Спасибо, мистер Прайс, — сказал Каджика. — Я должен быть в пути, — его глаза скользнули по мне. — Скоро увидимся.

— Счастливого пути.

Как только машина выехала с кладбища, папа сказал:

— Он твой родственник.

— Боже, папа, только не это обсуждение снова. Между мной и Каджикой ничего не происходит. Правда.

К тому же охотник не был моим родственником.

ГЛАВА 11. КЛУБ

Каджика звонил мне четыре раза в первый день. Впрочем, он почти ничего не говорил. Казалось, ему просто нужна была компания, поэтому я обеспечила ему болтовню. Я рассказала о Роуэне, и Касс, и о невероятном фильме, который я смотрела с моим отцом накануне вечером. Я рассказала ему о новом плейлисте, который я создала на Spotify, и проинструктировала его о том, как загрузить музыкальное приложение и войти в систему. Я заверила его, что никакие фейри меня не посещали. Я спросила его, как он собирается искать Гвенельду. Это было не так, как если бы он мог пойти в полицейское управление и подать заявление о пропаже человека.

Он сказал, что уловил жужжание её опалового ожерелья. Опал мурчал охотникам. Довольно аккуратное устройство слежения. У фейри были сверкающие метки, у охотников — полудрагоценные камни. Я изучала опаловое ожерелье, которое Гвен подарила мне в ночь

поминок моей матери. Освещённый лампой на моей тумбочке, молочный камень с неоновыми прожилками сверкал, как огненный шар. Я надела его, а затем выключила свет. Мне было интересно, чувствует ли Каджика жужжание моего кулона. Будет ли это искажать сигнал, который он получал от Гвен? Я спросила его, прежде чем повесить трубку, и он сказал, что не чувствует моего. Он был слишком далеко.

На следующий день он позвонил мне дважды. Во второй раз его голос звучал взволнованно, затаив дыхание. Кто-то видел женщину, подходящую под описание Гвенельды, в "Бургер Кинг" у автострады в Канзасе. Плюс, вибрации, исходящие от её ожерелья, становились всё отчётливее.

Канзас? Какого чёрта она делала в Канзасе? Осматривает достопримечательности, чтобы забыть боль?

На следующий день он не позвонил. С наступлением темноты я позвонила ему. Ответа не последовало. Может быть, он спал. Я написала ему сообщение.

В ту ночь я плохо спала. Мне снилось, что я пытаюсь вставить ключ в замок, но ключ был в два раза больше замка. Это было невероятно неприятно. Я подумала о том, чтобы поискать значение своего сна в любимом словаре снов, который мама хранила на полке над кроватью, но тут зазвонил мой телефон. Я подумала, что это Каджика, и мой сон вылетел у меня из головы. Стирая сон из глаз, я посмотрела на свой экран.

"Еда будет готова около 10:30". Сообщение было от Касс.

Я звонила ему на мобильный, но он не отвечал. Я попробовала ещё раз перед поминками, мне ответили только гудки.

Может быть, он потерял свой телефон. Или, может быть, он нашёл Гвенельду и не успел позвонить мне. В конце концов, им нужно было многое наверстать. Верно? И всё же я не могла избавиться от страха, охватившего меня с течением часов. Во время поминальной службы Каджика и Гвенельда поглощали все мои мысли. Что, если бы фейри добрались до них?

Несмотря на то, что в тот вечер мне не очень хотелось веселиться, я пообещала Касс, поэтому надела свои любимые чёрные кожаные леггинсы и чёрную майку. После того, как я накрасила глаза тушью и подводкой, я отправила Каджике сообщение с просьбой перезвонить мне. Он этого не сделал.

Он определённо потерял свой телефон. Кто переходит от звонков кому-то четыре раза в день к полной завязке? Беспокоиться о нём было бессмысленно, но я ничего не могла с собой поделать. Я подключила Spotify к стереосистеме своей машины и собиралась воспроизвести свой любимый плейлист, когда заметила, что в моё избранное добавлено новое. Этого там не было в то утро, когда я поехала к Би за едой. Единственным человеком, у которого была моя регистрационная информация, был Каджика. У него было достаточно времени, чтобы послушать музыку, создать плейлист, но не позвонить мне?

Раздражение подавило моё беспокойство. Вдавлив педаль газа, я выехала с кладбища и поехала к дому Касс. Я посигналила, чтобы обозначить своё присутствие. Она вышла в розовой пачке, белой футболке с рисунком и в кроссовках Стэн Смитс.

— Ты выглядишь как кусок жевательной резинки.

— Что ж, спасибо, — сказала она, устраиваясь рядом со мной.

Я улыбнулась. Только Касс могла воспринять это как комплимент.

— А ты похожа на Мрачного Жнеца, — сказала она.

Я ответила ей ухмылкой. Я догадывалась, что только дочь гробовщика могла бы

улыбнуться при этом.

— Куда едем?

Она ввела адрес в мой GPS. Когда я отъезжала от Роуэна, она сказала:

— Я хочу пару таких штанов, но красного цвета. Как "Феррари".

Мы поговорили о моде, что было приятным отвлечением от размышлений о том, почему Каджика не позвонил. Там, где Роуэн погрузился во тьму после 10 часов вечера, ожил Траверс-Сити. Повсюду были люди. Не повредило и то, что ночь выдалась на удивление тёплой для конца февраля. Мы припарковались в квартале от клуба и оставили наши куртки в машине, чтобы нам не пришлось таскать их с собой.

Я бы подошла к концу очереди и подождала своей очереди, но Касс направилась прямо к вышибале размером с холодильник рядом с дверью. Он отстегнул бархатную верёвку и жестом пригласил нас пройти.

— Ты часто сюда приходишь? — прошептала я, когда мы вошли в шумный, тёмный клуб.

— Нет.

— Тогда почему он пропустил нас?

Касс закатила глаза.

— Потому что мы красотки.

Клуб размещался в старой библиотеке. Двухэтажные книжные шкафы окружали танцпол размером с наш школьный спортзал. Однако на этих полках не было книг, только предметы старины — черепа, мензурки, засушенные цветы и птичьи клетки. Там был даже котёл, который навёл меня на мысль о фейри, что заставило меня оглядеться. Это было нелепо. Тем не менее, я заглянула за стойку, чтобы посмотреть, не выползает ли кто-нибудь из скрытого портала.

— Хорошо, я попросила Милашку приготовить нам два Язычника, — сказала Касс, сунув напиток мне в руку.

Он был неоновозелёным, как опаловый кулон, примостившийся у меня на груди. Я не снимала ожерелье с тех пор, как надела его. В этом была обнадеживающая тяжесть.

— Это звучит не очень заманчиво.

— Это просто суперкислые мансанас, — она сделала глоток из своего. — Тебе понравится.

Поэтому я попыталась это сделать. Это было ужасно. Едко. Я закашлялась и попросила воды, чтобы прополоскать рот.

— Можно мне пива? — спросила я бармена.

Касс поджала губы.

— Как тебе это может не нравиться?

— Я никогда не была поклонником кислот.

После того, как я получила своё холодное пиво, Касс схватила меня за руку и потащила сквозь толпу тел танцевать. Пока я раскачивалась в такт музыке, стресс и гнев начали рассеиваться.

— Нам надо чаще выходить! — прокричала я сквозь оглушительную музыку.

— Да! Абсолютно да! Теперь, когда ты вернулась на несколько месяцев, мы можем встречаться всё время, — крикнула она в ответ. — Мы могли бы даже пойти посмотреть ещё один поединок без правил. Это было весело, не так ли? Даже при том, что я бы не хотела быть на ринге, я...

Несмотря на то, что её рот продолжал двигаться, её голос перестал проникать в мои уши. Сидя за стойкой бара, закинув одну изящную ногу на другую, Лили наблюдала за нами. Её длинные светлые волосы мерцали во вращающихся стробоскопах, а её кукольные серые глаза сверкали, как пирит. Я ожидала, что с ней будет её брат или Круз, но ни один из них не сел рядом с ней. Что не означало, что их там не было. Я сказала Касс, что собираюсь купить ещё пива, и направилась напрямиком к фейри.

— Это совпадение? — громко спросила я Лили.

Её взгляд остановился на железной цепочке у меня на шее. Если бы я прикоснулась к ней, то содрала бы слой кожи. Тогда я подумала о колокольчиках. Действительно ли это повлияет на фейри, если они не прикасались к ним? Неужели Круз солгал мне, когда попросил избавиться от них, чтобы он мог войти в мой дом через парадную дверь?

Она положила свой телефон передо мной.

"Не подходи ближе, или я уйду", — напечатала она.

Я скрестила руки на груди.

— Потому что ты думаешь, что я хочу, чтобы ты осталась?

"Ты бы предпочла остаться наедине с Борго Лифом и Эйсом? Я не против".

Я бросила взгляд из стороны в сторону, осматривая комнату в поисках серебристоволосого фейри и блондина.

— Я их не вижу.

Она некоторое время печатала, а затем поднесла свой телефон к моему лицу.

"Как ты думаешь, почему мы здесь? Борго последовал за тобой от Роуэна, а Эйс последовал за Борго. Мой брат наблюдал за стариком, чтобы убедиться, что он не ведёт себя плохо. Фейри уже вступил с тобой в контакт?"

— Нет. Я имею в виду, я видела его один раз, но я с ним не разговаривала.

Пальцы Лили заплясали над телефоном.

"Эйс волнуется, что он хочет отвезти тебя в Неверру".

Я почувствовала укол вины. Эйс следил за мстительным фейри. Он беспокоился обо мне.

"Никому не нужен охотник там, наверху".

Приступ боли испарился. Он не беспокоился обо мне, он беспокоился, что я подвергну опасности его мир. К сожалению, я не могла винить его за это.

— Охотники не могут войти в Неверру, не так ли?

"Очевидно, ты тоже фейри. Так что, может быть, ты могла бы пройти через портал".

— Откуда ты знаешь?

"Это всё, о чём кто-либо может говорить в Неверре".

Я ощетибилась оттого, что стала предметом разговоров в мире фейри.

"Стелла болтает об этом без остановки", написала Лили на своём телефоне. "Теперь, когда она стала калигосупрой."

— Что?

"Обитатель тумана. Это просто причудливое название, которое позволяет ей построить обитель над туманом".

— Каким туманом?

"Ты действительно ничего не знаешь о Неверре, не так ли?"

Я покачала головой. Как бы мне ни было любопытно узнать об этом тумане, я задала более насущный вопрос:

— Борго слышал, что Каджика вернулся?

"Да".

— Лили! — раздался радостный голос позади меня. — Странно видеть тебя здесь! — Касс откинула слипшуюся чёлку с мокрого от пота лба и обняла фейри. — Этот топ! Где ты его взяла? Я хочу его. Это просто огонь.

Лили одарила Касс неловкой улыбкой.

Даже я должна была признать, что шёлковый красный топ Лили был хорош — диковинное размышление, когда поблизости скрывался опасный фейри. Возможно, это был защитный механизм моей психики: думать о пустяках, чтобы не беспокоиться о критических вещах.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил бармен, разглядывая Лили.

— Ещё пива, — сказала я.

— Это будет стоить восемь долларов, — рассеянно сказал он мне. Я вытащила десятку из кошелька и положила её на липкую стойку.

— Эйс здесь? — спросила Касс слишком нетерпеливо.

Лили кивнула. Она опустила подбородок в угол комнаты. Я повернулась одновременно с Касс. На этот раз я увидела обоих фейри. Как будто они почувствовали, что мы смотрим, они прервали свой разговор и уставились прямо на нас. Глаза не могли обжигать, но всё же они жгли как лазерные лучи. Эйс что-то сказал старому фейри, и тот повернулся и ушёл. Я проследила за ним взглядом, наполовину ожидая, что он нырнёт в шкаф для одежды, но он вышел через парадную дверь. Я предположила, что фейри не строят порталы повсюду.

Когда я повернулась к Лили, Эйс стоял рядом с ней, прислонившись к стойке бара. Моё сердце ударилось о стенки груди, что воспламенило мою руку.

— Почему Борго здесь? — спросила я, прижимая пылающую руку к боку. Я балансировала пивной бутылкой между большим и средним пальцами.

Взгляд Эйса скользнул по моей ключице, по цепочке, которая исчезала под моей майкой. Если бы он был любим другим парнем, я бы предположила, что он пялится на меня, но он был фейри, а я носила эквивалент яда фейри на шее.

— Он думал, что ты Ишту, — сказал он ровным тоном. — Восстала из мёртвых.

Мурашки пробежали по моей коже.

— Кто такая Ишту? — спросила Касс, посасывая розовый коктейль через соломинку.

— Бывшая девушка Каджики, — сказала я.

Она поморщилась.

— И ты похожа на неё? Насколько это странно?

Это было определённо странно. С другой стороны, вся моя жизнь была странной.

— Вы, ребята, хотите чего-нибудь выпить? Бармен потрясающий, — сказала Касс.

— У нас всё хорошо, Кэссиди, — сказал Эйс.

— Где третий провокатор? — спросила она.

Сестра и брат нахмурились.

— Круз. Где он? — спросила она.

— У него было какое-то срочное дело, — сказал Эйс, глядя на меня.

— Какого рода дело? — спросила я.

Тёмные брови Эйса сошлись на загорелом лбу.

— Почему бы тебе не сказать мне?

— Почему я должна знать, чем занимается Круз?

Касс переводила взгляд с одного на другого, в то время как Лили пристально смотрела на меня. Чего именно мне не хватало? Неужели Круз им что-то сказал?

— Я думал, вы с Каджикой стали близки, — сказал Эйс.

Касс уставилась на свой напиток.

— Я думаю, что, возможно, я выпила слишком много этого, потому что я не понимаю ничего из того, что вы, ребята, говорите.

— Я тоже не понимаю, — пробормотала я.

— Куда делся Каджика, Катори? — спросил Эйс, его взгляд был таким же жёстким, как и его голос.

— Он отправился на поиски Гвенельды.

— Гвенельда, которая убила своего мужа-судмедэксперта? — спросила Касс. Конечно, она должна была это знать. Её брат Джимми был следователем.

— Она не убивала его, — сказала я. — Это сложно.

Брови Касс высоко изогнулись.

— Лили любит танцевать, Кэссиди. Почему бы тебе не поднять её со стула и не показать ей, как девушки в Роуэне двигают телом?

Касс ухмыльнулась.

— Это было бы для меня удовольствием.

Она схватила Лили за руку и стащила её с барного стула. Фейри споткнулась от внезапного толчка и чуть не врезалась в меня, но я отступила в сторону, прежде чем моя кожа могла обжечь её.

Когда она восстановила равновесие, на её лице отразилось облегчение.

— Нравится двигать телом? — спросила я, когда они растворились в густой толпе.

— Где Каджика, Катори?

— Последнее, что я слышала, он был в Канзасе, но он давно мне не звонил. Что такое?

— Потому что, очевидно, вчера умер фейри. Я не любил этого парня, но заслужил ли он кровавую стрелу в сердце? Конечно, нет.

Я судорожно сглотнула.

— Ты... ты думаешь, что Каджика убил его?

— Только охотники могут убить фейри, и, поскольку их всего двое, это ставит его довольно высоко в моём списке подозреваемых.

— Но он ищет Гвенельду. Он не охотится за... — промелькнула у меня в голове мысль. — Может быть, на него напал фейри, и ему пришлось защищаться.

— Я уезжаю на неделю, и вдруг ты становишься фанаткой охотников?

Я сильно сжал бутылочное горлышко между пальцами.

— Я не фанатка охотников.

— Но ты носишь их ожерелье.

— Потому что Борго в городе. Я не сильная, как Каджика, и не наделена магической пылью, как ты, Эйс. Я просто пытаюсь защитить себя.

— Ты отмечена. Единственный фейри, который может убить тебя, — это Круз. Разве ты не понимаешь, как работает наша система?

— Мне всё ещё может быть больно.

— Откуда ты знаешь, что это не те люди, которые дали тебе ожерелье, причинят тебе боль?

— Не надо, Эйс.

— Держу пари, ты всё ещё думаешь, что я убил Холли, да?

— У неё была сыпь по всему телу. А это значит, что её отравили.

Его взгляд стал ледяным.

— Это удобный вывод.

— Ты можешь доказать, что не задушил её?

Он скрестил руки на белой рубашке и опустил. Я по-детски сердито посмотрела в ответ.

Две песни прозвучали до того, как я сказала:

— Её прах стал жидким, и теперь вокруг её надгробия выросла розовая лиана. Это случается со всеми фейри?

Губы Эйса всё ещё были так плотно сжаты, что я сомневалась, что он мне ответит. Я была права.

— Мы превращаемся во флору, когда умираем, — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Старейшины говорят, что первые экзотические виды цветов на этой Земле произошли от умершего фейри.

Я подумала обо всех цветах, которые мы превратили в варенье с бабушкой Вони. Я представила, что это кусочки плоти фейри во рту и меня затошнило.

— Это лучше, чем стать пищей для червей, — сказал он.

Я вытряхнула этот образ из головы.

— Очевидно, это те же самые розы, в которых были похоронены охотники. Ты знал об этом?

— Я предполагал. У охотников нет такой магии.

— И ты не сказал мне?

— Ты бы мне вообще поверила? — спросил он отрывистым голосом.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки. Поверила бы я ему? Поверила ли я ему? Я поднесла бутылку пива ко рту и сделала большой глоток.

— Ты когда-нибудь задумывалась, как твоя мать сама достала гроб из земли?

— Дай угадаю: ты знаешь.

— На самом деле я не знаю. Никакой фейри не смог бы ей помочь, а Гвенельда всё ещё была там. Она тоже не смогла бы помочь. Так что нет, я не знаю, но тебе следует задуматься об этих вещах вместо того, чтобы гадать, убил ли я дряхлую калидум.

— Не называй её дряхлой.

— Отлично. Потрёпанную временем калидум.

— Она выбрала твой вид.

— Вид?

— Прояви к ней немного уважения.

— Она написала потенциально вредную книгу о нас, так что нет, я не думаю, что я ей чем-то обязан.

— Если вы отдадите мне книгу, я прочитаю её вам, — блефовала я. Ни за что на свете я не стала бы разглашать её секреты людям, от которых она их скрывала. Если бы я получила книгу обратно, я бы обязательно села под музыку ветра, надев килограммы железных украшений, и прочитала бы её от корки до корки.

Кто-то так сильно толкнул меня в спину, что я отлетела к Эйсу. Он вытянул одну руку перед собой, останавливая моё падение. Пламя охватило его пальцы и запястье.

Я ахнула.

Он отдёргнул руку, схватил случайный стакан с бара и вылил его на свою

потрескивающую плоть. Он зашипел, как огнетушитель.

Я типа почувствовала себя плохо.

— Примерно так чувствует себя моя рука каждый раз, когда загорается метка.

Голубые глаза Эйса были такими же неоновыми, как напиток Касс.

— Я сомневаюсь, что это то, что ты чувствуешь.

— Я тебе что-то должна?

— За то, что остановил твоё падение?

— Нет, за то, что вернул мою машину.

— Ты уже сказала спасибо по СМС.

— Я имела в виду гаджой.

— Нет.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Потому что я знал, где она была, и я предположил, что тебе она понадобится.

— Почему ты так добр ко мне? — спросила я, прикусив губу.

Он наблюдал за моими губами, но затем отвёл глаза.

— Потому что мне неудобно из-за книги.

— Не потому, что ты хочешь, чтобы я сказала тебе, что внутри?

— Нет. Но если тебе захочется рассказать мне, я весь внимание.

— Найди способ избавиться от этого, — я подняла левую руку с меткой, — и я расскажу тебе всё, что видела, — его глаза проследили за слабой белой буквой V. — Не убивая меня, — добавила я.

— Ты и твои глупые требования.

— Да, оставаться в живых — это так глупо, — я улыбнулась. — Итак, ты поможешь?

Я затаила дыхание, пока он, наконец, не согласился.

— Я буду стараться изо всех сил.

— Хочешь пожать руку? — сладко спросила я.

Он ответил мне свирепым взглядом, который заставил мои губы изогнуться в злобной усмешке.

Он поднял улыбку, чтобы соответствовать моей.

— Подожди, пока я не скажу Борго, что ты на самом деле Ишту.

Моё ликование исчезло.

— Ты этого не сделаешь.

— Очевидно, я убил умирающую базаш, так почему бы и нет?

— Он убьёт меня.

— Он не может.

— Он будет пытаться меня.

— Может быть, я посмотрю.

— Я ненавижу тебя.

— Я тоже тебя ненавижу, Китти-Кэт. Очень сильно.

Это прозвище заставило меня забыть о своём возвращении.

— Что? Нет, не называй меня так? — сказал он высоким, гнусавым голосом.

— Я так не говорю.

— Для меня все женщины звучат так.

— Ты такая свинья.

— Ты имеешь в виду принц фейри.

— Больше похоже на лесную свинью.

Он усмехнулся.

— Тебя так легко вывести из себя. Так просто.

Я пристально посмотрела на него, а затем направилась к бару. Он отодвинулся, больше не улыбаясь. Он, наверное, подумал, что я собираюсь поджарить какую-нибудь другую часть его тела. Это не входило в мои намерения, но если бы случайно моя рука коснулась его руки и подожгла его крахмаленную рубашку, я бы почувствовала минутное раскаяние. Он быстро исцелялся.

— Можно мне ещё пива, пожалуйста? — спросила я бармена.

— Сейчас принесу.

— Хочешь чего-нибудь выпить, Эйс? Может быть, что-то с цианидом?

Он столкнул парня со стула, чтобы увеличить расстояние между нашими телами.

— Цианид нас не убивает.

— Это очень плохо.

Эйс наблюдал за моими глазами. Он искал юмор. Что ж, он ничего не найдёт. Да, мы просто подшучивали, как старые приятели, но я всё ещё не знала наверняка, приложил ли он руку к смерти Холли.

— Я могла бы легко доверять, но я не так легко прощаю. Ты помог обокрасть меня. А потом Каджика видит тебя у Холли сразу после её смерти. Ты обманул меня, и я действительно зла, так что, пожалуйста, забирай свою младшую сестру и уходи. Оставь меня, чёрт возьми, в покое.

Черты его лица застыли, превратившись в маску ярости. Это было даже близко не похоже на то, что я чувствовала, потому что мой гнев смешивался с разочарованием, а это был худший вид гнева. Это был тот вид, который приводил тебя в ярость от всего и всех. Он был из тех, что заставляет тебя напиваться, а потом гнать как сумасшедший. Это был тот вид, который заставлял тебя проводить ночь без сна, извиваясь и рыча. Это был тот вид, который усиливал и вызывал желание ударить по чему-нибудь.

Именно это я и сделала. На следующее утро я поехала в старый дом Блейка, вошла с запасным ключом, который он мне дал, достала его боксёрскую грушу и била кулаком по этому чёртову куску жёсткой кожи, пока мои костяшки пальцев не кровоточили, а по спине не побежал пот. И всё же я продолжала бить кулаком.

И я, вероятно, продолжала бы бить по нему, если бы у фейри не хватило смелости появиться в гараже Блейка.

ГЛАВА 12. ПРИТЯЖЕНИЕ

— Не подходи! — я закричала на Борго.

Он стоял достаточно близко, чтобы я могла видеть белый, похожий на гусеницу шрам, пересекающий его ключицу.

Я бросила взгляд на капот старого "Бьюика", на котором лежала моя ветровка. В кармане на молнии лежали маленькие белые стрелы, которые Каджика сделал для меня. Медленно, чтобы не насторожить фейри, я попятилась к машине.

— Не подходи ближе, — сказала я, желая, чтобы мой голос звучал авторитетно, а не дрожал.

Он сделал шаг ко мне. Я попятилась назад быстрее. Когда моя спина ударилась о

машину, я вслепую нащупала ткань. Вместо этого моя рука наткнулась на стекло. Мучительная боль пронзила мою ладонь и поднялась вверх по запястью. Это пробежало, как электрический ток, по моему предплечью, замораживая кровь в моих венах. Я оторвала руку от окна машины и поднесла её к лицу. Я рассекла кожу насквозь. Несмотря на то, что я не хотела отводить взгляд от фейри, я повернула шею, чтобы посмотреть, на чём я порезалась. Зазубренные края разбитого окна светились красным.

Моему разуму потребовалась миллисекунда, чтобы связать разбитое стекло с Блейком: он пытался покончить с собой в машине своего дедушки. Когда Касс нашла его, она разбила окно битой. Сейчас я действительно могла бы воспользоваться этой битой. Хотя я не была уверена, что действительно смогу ей размахивать.

Моя рана чудесным образом не зажила, как в тот раз, когда я столкнулась с фейри в Раддингтоне, и один из них обжёг мне пальцы. Тогда за считанные минуты образовалась новая кожа. Теперь никакой новой кожи, склеенной вместе. Из глубокого пореза хлынула кровь, которая ручейками стекала по моему предплечью.

Я резко повернулась обратно к Борго. Чёрные и белые точки усеяли моё зрение, и холодный пот струился по моей шее от потери крови. Я не задела артерию. Это то, что я продолжала говорить себе.

Борго подскочил ближе ко мне, оказавшись между мной и моей ветровкой, между спасением и верной смертью.

Я выхватила руку и поднесла её к его лицу.

— Убирайся к чёрту обратно! На моих руках кровь охотника.

Он улыбнулся. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы убедиться, что мне это не почудилось. Нет.

— Я серьёзно! — закричала я.

Метка на верхней части моей руки начала гореть, но боль была ничто по сравнению с той, что покрывало мою ладонь волдырями.

Неглубокое голубое пламя окутало руку Борго. Рефлекторно я закрыла глаза и рот и постаралась не дышать через нос. Я даже подняла руки, чтобы прикрыть лицо, что было совершенно бесполезно. Он собирался поджечь меня, а не отравить газом.

Когда я представляла себе конец своей жизни, он никогда не был в пыльном гараже после тренировки по боксу, сожжённая огнём фейри. Никто и представить себе не мог такой смерти. Я ждала, когда калейдоскоп воспоминаний пронесётся в моей голове, когда белый свет ослепит меня, когда страх утихнет и превратится в оцепенение. Я ждала и ждала, но всё, что я видела, были бордовые внутренности моих век, и всё, что я чувствовала, было моё бешеное сердцебиение. Я почувствовала вкус металла одновременно с тем, как боль в руке отступила. Если мне больше не было больно, конец был близок. Неужели я стала призраком?

Когда я вышла из дома тем утром, мой отец спал. Я бы всё отдала, чтобы вернуться в прошлое, переползти через него и обнять, как делала в детстве. Я бы всё отдала, чтобы провести с ним ещё несколько минут.

Мои глаза стали влажными и горячими. Мои щёки тоже. Плакали ли призраки? Чувства вырвались из меня, как щупальца осьминога, я прислушалась. Кто-то выдохнул. А потом это дыхание превратилось в речь.

— Ты в порядке, — сказал кто-то. Мужской голос звучал как потрескивающий граммофон.

Был ли это Великий Дух? Разве Великий Дух не был женщиной? Может быть, у неё бы

хриплый голос. Я осторожно приподняла веки.

Я всё ещё была в гараже Блейка.

И Борго всё ещё был передо мной.

Я быстро проверила свою ладонь. Она была чиста от крови и лишена малейшего изъяна.

— Ты не убил меня, — прошептала я.

— Я не уверен, что тебе говорили обо мне, но я хотел бы представиться тебе, Катори. Я Борго Лиф, бывший глава семьи Лиф, одной из знатных семей Неверры.

— Я знаю, кто ты, — прохрипела я.

— Если ты думаешь, что я хотел покончить с твоей жизнью, то нет, ты не знаешь, кто я такой. Я не убийца.

— Ты убил Ишту.

Морщинки вокруг его глаз и бороздки на лбу стали такими же отчётливыми, как следы когтей.

— Я не убивал её, — пробормотал он.

— Каджика рассказал мне всё, — я сделала шаг в сторону. Я не ушла далеко, но это было немного дальше. Я была, как минимум, на расстоянии вытянутой руки от него. — Он видел тебя. Тебя и Лио. Он был там.

Синева в глазах Борго, казалось, закружилась.

— Он прибыл слишком поздно, чтобы что-то увидеть.

— Верно. Ты уже убил её.

Он повернулся лицом к "Бьюику". Долгое мгновение он прослеживал изгибы капюшона.

— Я ушёл из Неверры, потому что мне сказали, что Ишту вернулась. Я думал...

— Ты думал, что провалил работу и вернулся, чтобы довести её до конца? — мой голос был таким резким, что я молилась, чтобы меня услышал сосед. Я осматривала бледную дорогу в поисках приближающихся машин или бегущего спасителя. Я бы даже согласилась на летающего спасателя в тот момент.

— Нет!

Мой взгляд вернулся к нему, как резиновая лента.

— Нет, — его лицо стало на несколько оттенков темнее, а ноги оторвались от цементного пола.

Он пристально посмотрел на меня. Румянец медленно сошёл с его лица, но глаза всё ещё сверкали. Эмоции летели от него. Это замедлило биение моего сердца, заставило его биться глубже, дольше, интенсивнее. Это было так, как если бы он захватил этот орган и заставлял его биться так, как он хотел заставить его биться. Я почувствовала нежнейшую ласку на своей щеке и повернула лицо в сторону. Ни одна рука не гладила мою кожу, хотя я почувствовала её, а потом та же самая рука погладила мои вены. Моя кровь забурлила и медленно поплыла по телу. Я медленно моргнула, как будто пробуждаясь от глубокого сна.

Хотя я никогда не интересовалась мужчинами постарше, очаровательная улыбка Борго, его блестящие глаза и его непоколебимая уверенность привлекли меня. Он исцелил мою руку, он помог мне, спас меня от кровотечения. Я чувствовала себя в долгу так, как не чувствовала себя с тех пор, как Круз спас Гвенельду. Абсолютная нежность его поступка поразила меня с такой силой, что заставила меня шагнуть к нему и поцеловать в щёку. Его кожа была мягкой, горячей и пахла песком, солнцем и огнём.

Он ахнул и отскочил назад.

Дым вился от его щеки.

Почему там был дым? Моё ожерелье! Я протянула руку, чтобы погладить его пепельную щёку, но он с шипением отскочил от меня ещё дальше.

— Мне так жаль. О, Борго, мне так жаль.

— Всё в порядке, — сказал он хриплым голосом. — Я испытывал боль и похуже.

— Что я сделала? — я застонала. — Ой. Что я наделала? У тебя даже нет пыли, чтобы исцелить тебя.

— Всё в порядке. Это заживёт.

— Ты можешь использовать огонь?

— Огонь не исцеляет раны фейри, — он всё ещё тяжело дышал, но его голос стал твёрже. — Это было бы всё равно, что залечивать человеческие раны кровью.

Пока он говорил, я смотрела на рваный шрам на его шее и ненавидела человека, который дал ему это. Я ненавидела Каджику. Он хвастался тем, что причинил боль Борго, что присвоил прах фейри. Ублюдок!

— Я верну твою пыль, — сказала я. — Я знаю, у кого она. Я пойду...

— Я сейчас всё выключу, Катори.

— Что выключишь?

— Когда я его выключу, обещаю, что всё равно выслушаешь меня.

— Всё, что угодно для тебя, Борго.

Его ноздри медленно раздулись.

— Скажи эти слова.

Я нахмурилась, но произнесла их вслух.

— Я обещаю тебе.

Он удерживал мой взгляд так же, как мужчина держит бёдра своей возлюбленной, собственнически, бережно, страстно. Это напомнило мне о том, как Круз обнял меня в тот день, когда вернул Гвенельду к жизни. Но как я могла полюбить мальчика, когда передо мной стоял настоящий мужчина?

— Ты заставляешь меня чувствовать себя так, — я изучала великолепные голубые глубины его радужек, — Как будто я самая необыкновенная женщина на этой планете. Как... — конец моей фразы застрял у меня в горле.

Однако каким-то образом мой разум вспомнил об этом. Отвращение затопило меня. Неужели я только что призналась в своей любви этому... этому палачу?

— Что ты со мной сделал? — я зарычала.

Лицо мужчины было таким морщинистым. Более морщинистым, чем у моего отца, и всё же, каким-то образом, я смотрела на него с восхищением... с нежностью.

— Что, чёрт возьми, ты только что сделал со мной?

— Я использовал каптис на тебе. Я очаровал тебя.

Несмотря на то, что фейри всё ещё был рядом со мной и излучал жар, как ад, воздух потерял несколько градусов. Я задрожала, а потом у меня застучали зубы, и я обхватила себя руками.

— Ты что? — мне удалось спросить.

— Я заставил тебя желать меня, Катори.

Эти слова отдались эхом в моём черепе, как головная боль.

— Мне жаль. Я не хотел использовать каптис против тебя, но в твоих глазах было так много ненависти. Я не мог этого вынести, — он глубоко вздохнул. — Мне нужно, чтобы ты выслушала меня. Ты обещала. Пожалуйста, сдержи своё обещание.

— Есть ли у меня выбор, или это разорвёт меня в клочья, если я скажу тебе убираться к чёрту подальше от меня?

— Нет.

— Ты пришёл сюда, чтобы убить меня?

— Нет.

— Это ты убил Ишту?

— Нет.

У меня не было причин доверять его ответам.

— Если я тебя выслушаю, ты обещаешь оставить меня в покое после этого?

Он кивнул.

— И ты обещаешь никогда больше не использовать каптис против меня?

— Я обещаю.

Я настороженно наблюдала за ним, замечая боль и печаль в опущенных уголках его рта и глаз. Печаль так удивила меня, что у меня отвисла челюсть, а сердце наполнилось состраданием. Он это делал? Заставлял меня снова что-то чувствовать? Я попыталась разобраться в своих чувствах, но это было похоже на наблюдение за эволюцией клетки без микроскопа.

— Я любил Ишту, — тихо сказал он. Я думала, что мне почудились его слова, но он повторил их снова. — Я любил её.

На этот раз он произнёс их громче.

Их невозможно было не услышать.

Борго Лиф любил Ишту.

ГЛАВА 13. НАКАЗАНИЕ

Борго оглядел гараж.

— В этом помещении произошло что-то ужасное, — он изучал разбитое стекло "Бьюика".

— Это дом моего друга. Принадлежал моему другу. Он умер, — я закрыла глаза, а затем широко открыла их и огляделась вокруг, на полки, на которых всё ещё стояли его ящики с инструментами, на рабочий стол, покрытый скрученной деревянной стружкой, на ряд школьных трофеев, которые он выиграл за плавание.

— Он умер здесь?

— Нет. Но он пытался закончить свою жизнь здесь.

Моё тело ощущалось как комната, в которой отключилось электричество. Самая тёмная тьма затопила меня. Я так сильно скучала по Блейку. Так сильно.

— Мне жаль.

Я судорожно вдохнула.

— Не могли бы мы прогуляться, Катори?

Я уставилась на Борго, на волну серебристых волос, упавших на его усталый лоб.

— Я не причиню тебе вреда, обещаю.

Я прикусила губу. Изучая его ещё немного, я схватила свою ветровку и надела её, обхватив пальцами стрелу.

Борго не стал возражать.

— А потом ты уйдёшь? — повторила я.

— Да.

Одной рукой я застегнула куртку поверх ярко-розового тренировочного бюстгалтера и прозрачной чёрной майки. А потом я повела его к "Местечку Би", сохраняя между нами большое расстояние. Я чувствовала, как он несколько раз поглядывал на меня во время прогулки. Я тоже посмотрела в его сторону. Но там, где он наблюдал за мной с любопытством, я наблюдала за ним с подозрением.

Я подвела Борго к кабинке. Касс, которая разинула рот, когда я вошла с фейри, подбежала к нашему столику, её пытливый взгляд метался от меня к Борго. Я могла сказать, что она отчаянно хотела узнать, кто он такой и почему я сижу с ним, но, к счастью, она не спросила. Однако его глаза задержались на ней, как будто он узнал её. Может быть, он знал, кто она такая. Фейри, как и он. Ну, вроде как он. У неё была часть крови фейри.

После того, как она приняла наш заказ и удалилась в бар, телефон завибрировал у меня в кармане куртки. Я вынула его. Когда я увидела сообщение от Касс с кучей вопросительных знаков, я сунула телефон обратно в карман.

— Могут ли все фе... все вы можете использовать каптис? — спросила я.

Я хотела знать, использовал ли Круз магию на мне, чтобы заставить меня поцеловать его. Уменьшило бы это мою вину, если бы он это сделал?

Он кивнул.

— Но чем старше мы становимся, тем больше мы можем это контролировать. Молодое поколение просто выставляет это напоказ всякий раз, когда их кто-то привлекает. Чтобы убедиться, что влечение станет взаимным. Мужчины, особенно нашего типа, плохо переносят отказ.

Несмотря на то, что я не хотела считать себя слабой и неразборчивой, я поняла, что так оно и было. Я была просто девушкой с сердцем, которым можно было манипулировать, как и любым другим сердцем. То, что я чувствовала с Борго в гараже Блейка, так остро напомнило мне о том, что я чувствовала к Крузу, что мне было унижительно просто вспоминать об этом.

— Почему ты спрашиваешь, Катори? — спросил он.

Я не хотела признаваться в том, чего боялась. К тому же это было не его дело.

— Ты использовал каптис на Ишту?

— Мы не можем использовать это на охотниках, точно так же, как они не могут влиять на нас.

— Ты сказал, что любил её. И всё же я слышала, что ты убил её. Я знаю, что некоторые люди убивают тех, кого любят, но...

— Лио Вега убила Ишту. Не я.

Касс вернулась с нашими двумя кружками ромашкового чая. Он молчал всё время, пока Касс была рядом.

Она отвернула лицо от фейри и пробормотала что-то вроде:

— Что это за запах? — но я догадалась, что это было. Какого чёрта?

Позже, одними губами произнесла я.

Она так часто поглядывала на меня, возвращаясь за стойку, что я думала, она споткнётся о ножку стула, но она этого не сделала. Она проработала здесь достаточно долго, чтобы запомнить планировку.

— Почему Лио убила Ишту? — спросила я.

— Потому что однажды она застала нас вместе. В лесу. Там была пещера, у которой мы с Ишту должны были встретиться, достаточно широкая, чтобы вместить два тела. Когда Лио

обнаружила наши отношения, она сделала то, что я мог бы сделать до того, как Джекоби познакомил меня с охотниками... до того, как он показал мне, что они не были воплощением зла, — он опустил взгляд на свою кружку с чаем.

— Она донесла на меня Максимусу Вуду.

Одинокая слеза скатилась из его правого глаза по пепельной щеке. Кожа разгладилась над ожогом, нанесённым моим железным поцелуем, но всё ещё была серой.

— Она убила Ишту, а потом донесла на меня, — повторил он хриплым шёпотом.

Я всё это тщательно обдумала. Через некоторое время я сказала:

— Каджика никогда не упоминал о его... — я собиралась использовать слово "пара", но сменила его на более приемлемый термин. — Что у его жены был роман.

Во всех историях, которые он мне рассказывал, ни одна женщина никогда не была такой совершенной, как Ишту.

— Он не знал. Каджика был так занят погоней за фейри, что часто забывал, что у него дома есть молодая, красивая жена, жена, которая хотела мира, как и её дядя Негонгва. Они с Каджикой часто ссорились из-за этого. Она приходила, находила меня в нашей пещере и рассказывала мне об этом. Мы были друзьями до того, как стали любовниками. Каждый раз, когда Джекоби встречался с Негонгвой, что часто случалось в последние месяцы существования племени, я сопровождал его. Я был его первым стражником — его дракой, а долг драка — защищать вариффа.

— Драка? Это разновидность люционаги?

Его губы дрогнули, когда я употребила слово на фаэли.

— В некоторой степени. Я превратился в другое крылатое существо.

— Какое?

— С которым ты предпочла бы никогда не сталкиваться.

Моё сердце чуть ускорило, но недостаточно быстро, чтобы зажечь мою метку. Говоря о метке, я отчётливо помнила, как она загорелась в гараже, но ни Эйс, ни Круз так и не появились.

Я побарабанила пальцами, наблюдая, как татуировка перекачивается по моим пястным костям.

— Какая птица?

— На самом деле это не птица.

— Тогда что же?

— Я полагаю, вы, жители Земли, называете их драконами.

Я была почти уверена, что у меня слегка отвисла челюсть. Сначала фейри, потом светлячки, теперь драконы? Нормальная девушка могла бы бросить вызов существованию мистических зверей, могла бы сказать фейри перед ней, что он всё выдумывает. Я больше не была нормальной девушкой. Я поёрзала на своём сиденье, мои леггинсы из лайкры скользнули по кроваво-красной коже, как шеёк по коже.

— Ты всё ещё можешь... перевоплотиться?

— Нет. Как только тебя лишат титула, ты лишишься способности трансформироваться.

— Кто нынешний драка?

— Лио Вега.

Я вздрогнула от этого имени. Я уже не хотела встречаться с ней в человеческом облике, но ещё меньше — в облике мифического огнедышащего существа.

— А есть ли другие?

— Многие при рождении готовятся к этой должности — они получают титул люционага и служат для защиты королевской семьи, — но до тех пор, пока их не выберут драка, никому не дано превращаться в нечто большее, чем в муху, владеющую огнём.

Я улыбнулась этому описанию, но потом остановилась. Это не должно было быть дружеским чаепитием, это должно было быть противостоянием.

Посетителей в "Би" было немного, но те немногие, кто там сидел, особенно старый мистер Гамильтон, то и дело бросали в нашу сторону любопытные взгляды. Надеюсь, они не слышали нашего разговора. Тем не менее, я решила обуздать своё любопытство к миру фейри и сосредоточиться на причине, по которой я сидела напротив Борго.

— Откуда мне знать, что ты не лжёшь мне о своих отношениях с Ишту?

Он оторвал взгляд от своей кружки, глаза покраснели.

— Ты знаешь, что делали с фейри, которые подружились с охотниками?

— Сажали их в тюрьму или убивали, верно?

— При Лайнусе, да. При Максимусе наказанием была кастрация.

Кровь отхлынула от моего лица.

— Они...тебя... — я понизила голос, — кастрировали?

— Да, — его кадык дёрнулся в горле. — Я бы предпочёл, чтобы меня убили, Катори.

Я была слишком напугана, чтобы что-то сказать.

— В любом случае, — сказал он приглушённым голосом, — в тот день, когда Ишту умерла, я тоже умер.

Воздух в комнате гудел, как будто тысячи люционаг били своими крошечными, обжигающими крыльями по моим барабанным перепонкам.

— Я очень хотел умереть. Это было всё, чего я хотел последние два столетия, но я остался жив, потому что у Лио и Джекоби был ребёнок, а Джекоби не было рядом, чтобы позаботиться о нём. Я остался, чтобы напомнить Крузу, каким необыкновенным человеком был его отец, я остался, чтобы в его жизни был кто-то, к кому он мог бы бежать, кроме своей ненавистной матери.

— Но Лио, будучи ведьмой-манипулятором, забрала его у меня, как только смогла обеспечить ему хороший брак. Мы всё ещё встречались, но Круз стал занят придворной жизнью, у него появились друзья. За последние несколько десятилетий наша дружба стала для него помехой. Калигосупра не любит калигосуби, — моя приподнятая бровь, должно быть, побудила его перевести на понятные мне термины. — Обитатели тумана не любят обитателей болот. Они нанимают нас, платят нам солнечным светом и мальвой, но это всё.

Я скатала бумажную салфетку между дрожащими пальцами.

— Что именно представляет собой этот туман?

— Серебряная лента тумана, которая служит границей между калигосупрой и остальными и движется с течением дней.

Казалось странным создавать границу из текучего облака. На мой взгляд, границы были прочными, осязаемыми, как стены.

— У тебя всё ещё есть огонь, так почему бы тебе просто не пролететь над туманом?

— И общаться плечом к плечу с калигосупрой? Я бы предпочёл умереть навсегда, Катори. Единственная причина, по которой я остался в Неверре вместо того, чтобы уехать, была в Крузе, но теперь я не планирую когда-либо возвращаться. Теперь, когда охот... — он оглядел комнату. — Теперь, когда ваши люди вернулись, я хочу помочь. Но сначала я должен извиниться перед Каджикой.

— Я не думаю, что он выслушает извинения, Борго. Он действительно презирает тебя.

— Но я не убивал Ишту.

— В любом случае, за что ты собираешься извиняться? За то, что любил её? Это ещё хуже.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь любила, Катори?

Я кивнула.

— Ну, если бы кто-то, кто тоже любил этого человека, подумал, что ты его убила, смогла бы ты жить с этим?

— Я понимаю твои доводы, Борго, но предупреждаю тебя, с ним не так-то просто разговаривать.

— Я ценю твою заботу. Действительно.

Дверь в "Местечко Би" звякнула.

— Означает ли твоё беспокойство, что ты мне веришь? — эмоции отразились на его челюсти.

Я собиралась сказать "да", что я действительно поверила ему, но промолчала, потому что два фейри скользнули в кабинку рядом с нами. Я прижалась спиной к кирпичной стене.

— Почему вы здесь? — спросила я Эйса и Круза.

ГЛАВА 14. ВЛИЯНИЕ

— Извините, что прерываю вашу встречу, Борго, но у нас есть несколько вопросов к вашей очаровательной спутнице.

Я фыркнула, услышав дерзкое и нежеланное вмешательство Эйса.

— Что? Не рада нас видеть, Китти-Кэт?

По комнате пронёсся шёпот. Все — к счастью, только мистер Гамильтон, Касс и горстка завсегдатаев — повернулись посмотреть. Я почувствовала, что краснею, поэтому медленно расстегнула молнию ветровки, чтобы остыть, что дало дополнительное преимущество — обнажило моё железное ожерелье.

Эйс, который скользнул рядом со мной, отклонился к краю банкетки.

— Может быть, тебе стоит сесть ещё дальше, — сладко предложила я.

— Я бы так и сделал, но тогда мне пришлось бы говорить очень громко, и я сомневаюсь, что ты хочешь, чтобы все слышали наш разговор о твоём парне.

— У меня нет парня.

Ясный взгляд Круза скользнул по моему лицу. Комната и все, кто находился внутри, начали исчезать, как будто отдельные прожекторы выключались. Я почти слышала, как сработали автоматические выключатели. Щёлк, щёлк, щёлк...

Только Круз оставался раскалённым добела, окутанный каким-то неземным светом.

— Катори, — сказал кто-то. Бестелесный голос, казалось, звал меня со дна пещеры.

Зелёные глубины глаз фейри загипнотизировали меня, поглотили меня.

Раздался громкий хлопающий звук. Две руки столкнулись в опасной близости от моего носа. Я моргнула. Как паук, чья шёлковая паутина внезапно порвалась, я рухнула обратно в "Би", обратно в бордовую кабинку.

Что за...

— Ты только что использовал каптис на мне? — я зашипела на Круза. — Ты пользовался им раньше?

Круз сцепил пальцы на столе и изучал свои ногти, как будто они были какой-то недавно отросшей частью его тела. Он медленно кивнул.

— Только один раз.

Но я поцеловала его дважды.

— Когда? — потребовала я.

— После того, как я вернул Гвенельду.

Так что в другой раз... Вместо того чтобы заикливаться на том, что было в другой раз, я спросила:

— Почему?

— Потому что это успокаивает людей, — медленно сказал он. — И тебе нужно было успокоиться.

— Ты когда-нибудь использовал это на мне, Эйс?

— Тот факт, что ты спрашиваешь, заставляет меня задуматься, когда тебе захотелось сорвать с себя трусики в моём присутствии.

Мои щёки запылали.

— Никогда.

— Расслабься. Я просто дразнил тебя, — он ухмыльнулся. — И будь уверена, я бы предпочёл бичевать себя этим твоим ожерельем, чем соблазнять тебя. Даже ради забавы, — он снял ворсинку с лацкана своей спортивной куртки и стряхнул её. — В любом случае, теперь, когда мы с этим разобрались, Круз, не мог бы ты, пожалуйста, вылечить щёку Борго, а затем мы можем перейти к текущему вопросу?

Я скрестила руки на груди, в то время как Круз смотрел на пепельную щёку Борго, как будто заметил это впервые. Он поднял руку и прижал ладонь к серому участку кожи. Искры вспыхивали и сверкали, кружась в инертном воздухе ресторана. Я внимательно наблюдала за пылью, боясь, что она может подлететь ко мне, попасть в рот или в ноздри. Я рефлекторно затаила дыхание. Но я не закрыла глаза.

Я чувствовала, что Эйс наблюдает за моей реакцией, но я не смела отвести глаз от мерцающих пятен. Когда Круз наконец-то опустил руку обратно на стол и снова соединил пальцы, у меня перехватило дыхание.

— Почему я могу видеть это, но вижу сквозь иллюзии?

— Что именно ты видишь, Катори? — спросил Борго.

— Сверкающая пыль.

— Вита — так что ты перестань называть её пылью или газом — текуча, как лента. Если это не выглядит текучим, значит, ты ее не видишь. Ты, вероятно, видишь только частички её, — объяснил Борго как раз в тот момент, когда Касс поспешила к нашему столу.

— Что я могу вам всем принести? — спросила она, ритмично постукивая ручкой по блокноту, разглядывая мою маленькую вечеринку.

Эйс улыбнулся ей, и румянец залил её подбородок. Он использовал на ней каптис?

— Почему бы тебе не приготовить нам по коктейлю? Я угощаю.

— Ещё даже не полдень. Я не хочу коктейль, — сказала я.

Глаза Касс метнулись ко мне.

— Я могу сделать для тебя безалкогольный.

Эйс ухмыльнулся.

— Я просто выпью ещё чаю, — сказала я, хотя даже не выпила первый. Когда она ушла, я пробормотала. — Я видела детей с более высоким уровнем зрелости, чем у тебя, Эйс.

— Что я сказал на этот раз?

Борго и Круз посмотрели на него.

— Просто покажи ей фотографию, — наконец сказал Круз. Он снова уставился на свои сжатые руки. Смутила ли я его, вызвав его на использование каптис, или он не доверял себе смотреть на меня, не используя магию? Его чёрные кудри упали на лоб, на глаза.

Раскаяние захлестнуло меня. Я напредила себе о гаджои, который он забрал в Бостоне, и воспоминание о боли подавило моё внезапное чувство вины. Круз причинил мне боль, он не заслуживал сочувствия.

— Итак? Ты когда-нибудь видела её? — спросил Эйс.

— Хм?

Он постучал пальцем по фотографии женщины на своём телефоне, блондинки двадцати с чем-то лет с острой, как бритва, стрижкой и тонкими карими глазами. Она смотрела прямо в камеру, подняв одну руку ладонью вверх, как будто прикрывалась.

— Нет. Кто она такая? — спросила я.

— Новенькая.

Я нахмурилась, пока не сообразила, что "новенькая" означает "охотница". А затем мой хмурый взгляд превратился в удивление, за которым последовал страх. Я расцепила руки и наклонилась вперёд, чтобы получше рассмотреть фото. Она не была похожа ни на одну из тех, что были в книге. Ни у одного из них не было светлых волос. Может быть, она их покрасила?

Я отпрянула от изображения, разинув рот.

— Они разбудили её?

— Нет.

— Тогда как? Она член семьи?

— Каджика когда-нибудь рассказывал тебе, как он стал охотником? — спросил Эйс.

— Он рассказал, — я снова перевела взгляд на освещенный экран, — ох.

Я оглядела стол, внезапно почувствовав холод, хотя воздух был удушающе горячим. Я помнила его историю так, как будто он рассказывал её вчера. Негонгва прижал окровавленную руку к одной из открытых ран Каджики, так что их кровь смешалась.

— Он создал её? — прошептала я.

— Либо он, либо Гвен сделали это, — сказал Круз. — Она явно не понимала, кто она такая, хотя и убила одного из наших.

— Кого она убила? — спросил Борго.

— Симони, — сказал Круз.

— О, — решительно сказал Борго. — Твоя мать, должно быть, расстроена. Разве он не был её последней игрушкой?

Челюсть Круза напряглась. Долгое время никто из них не произносил ни слова, но всё же они смотрели друг на друга в напряжённой тишине, пока не появилась Касс с коктейлями и двумя тарелками, наполненными кукурузными чипсами и орехами.

Я поёрзала на своём месте, привлекая всё внимание Эйса. Его взгляд метнулся к моему ожерелью, а затем к ближайшей к нему части тела. Я наслаждалась безопасностью, которую давало мне железо. Я никогда не чувствовала себя более непобедимой. Если бы только это работало на всех, а не только на фейри.

— Вы пришли сюда, чтобы спросить, знала ли я её, или в вашем визите было что-то ещё? — спросила я, как только Касс вернулась в бар. — Вы держите её под стражей?

— Она сбежала, — сказал Эйс.

— В самом деле? У вас было время сфотографировать её, но не поймать?

— Она носила железо, — ответил Круз, как будто это объясняло, почему он не смог её поймать.

Наши взгляды пересеклись, но на этот раз ничего не произошло. Ни возникшего из ниоткуда желания, ни учащённого пульса, ни ненависти, ни любви, ничего. Он всё ещё был бесспорно красив, но он всё ещё был тем парнем, который мучил меня ради книги. Парень, который был помолвлен с девушкой, которая боготворила его. Я задавалась вопросом, видел ли он меня по-другому, когда не использовал каптис. Перестала ли я быть объектом вожделения?

— И она была быстрой, — добавил он, глядя на прозрачный напиток, который Кэссиди поставила перед ним.

Когда Каджика рассказал мне историю о том, как он стал охотником, он упомянул, что потребовались дни — даже недели — прежде чем он развил навыки охотника.

— Я думала, что их силам требуется время, чтобы вырасти.

— Я слышал, что они впали в спячку, чтобы увеличить свою мощь, — сказал Борго. — Возможно, более быстрое размножение — это следствие их сна.

В этом был смысл. Слишком много смысла.

— С ней кто-нибудь был?

— Нет. Она была одна. И когда я спросил её о Гвенельде и Каджике, она не знала, кто они такие.

— Значит, они создали её и бросили? Как она узнала, что нужно носить железо? Откуда она знала, как... — я наклонилась вперёд и прошептала: — убить фейри?

— Все замечательные вопросы, которые мы хотели бы, чтобы ты задала своему парню, — сказал Эйс, опрокидывая свой коктейль. Он облизнул губы.

— Перестань называть его моим парнем.

— Я остановлюсь, как только ты перестанешь вести себя так, будто он — дар Великого Духа женщинам.

— Как я создаю такое впечатление? — мой голос был резким. Слишком резким. Касс вместе с новым поваром посмотрели на наш столик.

— Ты носишь его ожерелье, — сказал Эйс отрывистым голосом.

— Это ожерелье Гвенельды.

— А маленькие палочки в твоём кармане? Это тоже от Гвенельды?

Я посмотрела вниз на палочки, которые торчали из моего кармана.

— Не могла бы ты, пожалуйста, позвонить ему, Катори? — спросил Круз. — Скажи ему, что если он создаст новых охотников, нам придётся принять меры.

— Откуда ты знаешь, что он этого не сделал? — спросил Борго.

— Мы не почувствовали этого... пока.

Дрожь пробежала по моему позвоночнику.

— Какого рода меры?

— Мы аннулируем наше маленькое мирное соглашение, а затем убьём его, — сказал Эйс так буднично, что моя кровь закипела. Мне казалось, что она буквально кипит прямо в моих венах.

— И ты хочешь, чтобы я поверила, что ты не убивал Холли? — прошипела я в ужасе. — Похоже, когда люди становятся для тебя помехой, Эйс, ты избавляешься от них, — я начала

сползать, чтобы выйти из кабинки, но Эйс не сдвинулся с места. Я остановилась, прежде чем наши тела соприкоснулись. — Не мог бы ты, пожалуйста, выпустить меня из этой кабинки? Я ухожу.

Он остался на месте.

— Уйди с моего пути, Эйс, — сказала я сквозь стиснутые зубы.

И всё же он этого не сделал. На этот раз, однако, я не остановилась, чтобы дать ему время убраться с моего пути. Я придвинулась ближе, пока моё запястье не соприкоснулось с его бедром. Он спрыгнул с банкетки и зашипел, когда струйки дыма повалили из его узких серых джинсов из дыры размером не больше сигаретного ожога. Он прикоснулся ладонью к штанине. С его руки вылетело что-то, похожее на пудру для лица, которую стряхнули с кисти. Это остановило ожог, но не помогло залатать дыру в его джинсах.

На его челюсти задрожал нерв. Он был зол на меня. Ну, я была зла на него.

— Если он свяжется с тобой, — спокойно сказал Круз, — пожалуйста, скажи ему, чтобы он остановился, иначе мы не сможем работать вместе.

Я кивнула, а затем взглянула в сторону Борго. Его губы изогнулись в мягкой улыбке.

— Спасибо, что выслушала, — сказал он.

Я снова кивнула, а затем быстро пересекла закусочную, не останавливаясь, чтобы поприветствовать кого-либо, хотя некоторые спрашивали, всё ли со мной в порядке. С моей стороны было не очень любезно избегать их, но мне действительно не хотелось разговаривать. Или остаться. Касс выследила меня. Она пыталась заставить меня остановиться и рассказать ей, что происходит.

— Я опаздываю на обед, — крикнула я, как будто это было подходящим оправданием.

А потом я бежала трусцой всю дорогу домой, размышляя о двух вещах: Каджика был силён, но мог ли он защититься от кровожадных фейри? И какого чёрта он или Гвенельда создавали новых охотников?

ГЛАВА 15. ОТПЕЧАТОК

Следующие несколько дней я провела, отсиживаясь дома, стирая, переставляя вещи в шкафу, глядя папины рубашки, переставляя обувь, готовя, пылесоса, протирая и вытирая пыль.

Время от времени я останавливалась и смотрела на розовую лиану, обвитую вокруг надгробия Леи, или стояла неподвижно и слушала звон колокольчиков. Но это заставило бы меня задуматься о растущей напряжённости между охотниками и фейри.

— Кэт, милая, если ты продолжишь тереть это место, мне придётся положить новые половицы.

Папа присел на корточки рядом со мной в коридоре, который разделял наши спальни. В течение последнего часа я пыталась удалить жирное пятно с дерева, но никакая чистка не помогала. Я откинулась на пятки и сердито уставилась на пятно, которое просто не желало исчезать.

— Что с тобой происходит? — спросил он.

Каджика не отвечает ни на один из моих телефонных звонков. Эйс угрожал убить его. И моя книга всё ещё у Стеллы. Это были те вещи, которые я отчаянно хотела ему сказать. Вместо этого я сказала:

— Я борюсь со стрессом.

— Ну, если ты закончила к ночи, могу я пригласить тебя куда-нибудь поужинать? Несмотря на то, что мне нравится твоя стряпня, в Раддингтоне открылся новый японский ресторан.

Раддингтон напомнил мне Каджику. Почему всё должно было напоминать мне об охотниках и фейри?

Сегодня вечером у меня будут новые воспоминания и новые ассоциации.

— Я была бы рада этому.

Папа встал и протянул мне руку. Я взяла её и позволила ему поднять меня.

— Нам нужно снова начать веселиться. Я чувствую себя так, словно кто-то нажал на паузу в моей жизни, когда Нова покинула нас, и я до сих пор не нашёл пульт, чтобы привести всё в движение.

Я изучала светлые глаза отца. Тёмные круги всё ещё портили кожу вокруг них, но, по крайней мере, они перестали постоянно розоветь от слёз.

Я переоделась в свои кожаные леггинсы и красную рубашку, которая была такой яркой, что почти ослепляла. Айлен подарила её мне, когда меня приняли в Бостонский университет два года назад. Она была мягкой и облегла грудь, создавая впечатление, что мое декольте больше, чем скромная чашка В.

Я высушила волосы феном и выпрямила их. Концы почти доставали до локтей. Я отращивала их с того лета, когда мне исполнилось шестнадцать, и подумала, что было бы неплохо подстричь их в стиле пикси.

Затемнив глаза подводкой и тушью, я схватила свою единственную маленькую сумочку: чёрный клатч с множеством декоративных золотых молний. Я засунула свой телефон, ключи, бумажник и стрелы из рябинового дерева в него. Застегнув молнию, я вышла из комнаты.

— Я готова, папа, — крикнула я, спускаясь по лестнице.

Он выключил телевизор и подошёл к входной двери, просунув руки в рукава пальто.

— Ты действительно хорошо выглядишь.

Я улыбнулась отцу. Было почти странно улыбаться.

— Спасибо, — когда он потянулся за ключами от катафалка, я сказала. — Мы берём мою машину.

— Тебе не нравится моя тачка? — спросил папа, выпятив нижнюю губу.

— Не настолько.

Когда мы устроились в моём маленьком внедорожнике, он добавил:

— Это делает тебя назначенным водителем на этот вечер.

— Можно мне немного sake?

— Ты несовершеннолетняя.

С тех пор как я уехала в колледж, папа разрешал мне время от времени выпивать бокал вина и пива.

— Пожалуйста?

— Мы посмотрим.

Он поиграл с радио, настроившись на спутниковый канал Элвиса, и подпевал музыке всю дорогу до Раддингтона. Я давно не видела отца таким жизнерадостным.

Мы сидели за маленьким столиком у окна, выходящего на озеро Мичиган. Вода была чернильной и гладкой, подсвечённой круглой луной и небольшим количеством ярких звёзд. Несмотря на то, что я всегда хотела уехать, мы действительно жили в прекрасном месте.

— Это озеро, — сказал папа.

— Да.

— Я хотел купить плавучий дом, когда мы были моложе, но твоя мама... она не хотела жить на лодке.

— Ты думаешь, это из-за того, как умерла Чатва? — моя прапрабабушка утонула за несколько лет до Второй мировой войны. Ей было всего пятьдесят пять. Несмотря на то, что моя мать не знала её, это оставило у неё шрамы.

Папа оторвал взгляд от озера.

— Я знаю, что это было из-за того, как умерла Чатва. Ещё до того, как ты начала ползать, она записала тебя на уроки плавания.

Женщина, одетая в жёлтое кимоно, плавно подошла к нам и протянула меню в кожаном переплётё. Я была так голодна, что хотела заказать всё подряд. За исключением рыбы фугу. Я бы никогда добровольно не попробовала то, что может меня убить. С другой стороны, я поцеловала фейри и прокатилась с таинственным охотником. Насколько опаснее была рыба фугу?

Закрыв своё меню и выбрав то, что хотела съесть, я провела пальцем по символу, выбитому на мягкой кожаной обложке, — причудливому изображению дерева. Я нахмурилась, разглядывая его поближе. Где я видела это раньше? Холодок пробежал у меня по спине, когда я вспомнила.

На первой странице книги Холли.

Я была так ошеломлена, что меню выскользнуло у меня из рук и приземлилось на мои палочки для еды, отправив одну из них на пол. Официантка наклонилась, чтобы забрать его, а затем вернулась через мгновение со свежей парой.

— Извините, но не могли бы вы сказать мне, что означает этот символ? — спросила я, указывая на меню.

— Это типография, которая сделала меню, — сказала она.

— Где я могу найти эту типографию?

— Зачем? — спросил папа.

— Э-э... для друга, который пишет книгу.

— Небольшая типография в Детройте. "Форест Принт", — сказала официантка. — Вы готовы сделать заказ?

Я не записала название. Не то чтобы я могла это забыть. Мы сделали заказ, а потом папа расспросил меня о моём друге-писателе. Я сказала ему, что это для парня моей бывшей соседки по комнате. Я не стала вдаваться в подробности. Он подумал, что это здорово, что у меня такие трудолюбивые знакомые.

Наша лодка с суши и сашими прибыла быстро, и мы быстро её проглотили. На десерт у нас было мороженое с зелёным чаем и маленький стаканчик игристого sake. Пока папа расплачивался, я извинилась и пошла в туалет. Я поискала типографию "Форест Принт" и обнаружила, что она расположена у реки Детройт, напротив Белл-Айл. Я сделала снимок экрана их главной страницы, затем отправила им электронное письмо, спрашивая, есть ли у них запись о книге под названием "Дерево Ведьм", которую они напечатали в 1938 году.

За год до Второй мировой войны. Мой желудок скрутило. Чатва умерла примерно в то же время. Неужели книга её племянницы убила её? Может быть, фейри пытались заставить её прочитать книгу, а она отказалась?

Поражённая этой новой теорией, я вышла из туалета.

Папа ждал меня перед дверью с моим пальто.

— Я уже начал беспокоиться.

— В каком году умерла Чатва, папа? — спросила я, надеясь, что он скажет 1936 или 37 год.

Он положил руку мне на плечо.

— Чатва? — он наморщил лоб. — Хм. Я думаю, это был 1938 год.

— Ты уверен?

— Почти уверен. Я могу откопать один из семейных альбомов. Это должно быть в нем.

Когда мы выходили из ресторана, я едва чувствовала свои ноги. Вместе с большей частью моего тела они онемели.

— Спасибо за ужин. Надеюсь, ты знаешь, что ты — мой любимый собеседник.

Он поцеловал меня в макушку.

— Я не думаю, что мне когда-нибудь надоест это слышать.

Я устроилась за рулём и уже собиралась тронуться с места, когда на моём телефоне появилось текстовое сообщение.

"На пути назад".

ГЛАВА 16. ЗАПИСКА

Хотя у меня не было планов выходить на улицу, сообщение, которое я получила от Каджики, заставило меня помчаться к Холли после того, как я высадила отца. Он не упомянул, когда именно вернётся, но я всё равно пошла туда, потому что это было лучше, чем расхаживать по своей комнате.

В доме было темно, тихо и холодно — более жутко, чем в большинстве домов Роуэна на Хэллоуин. Я попыталась подавить своё сверхактивное воображение, когда открыла входную дверь, и её петли заскрипели.

— Это Катори, — крикнула я, на случай, если Каджика был там, ждал в тени или спал в одной из двух тёмных спален.

Я попробовала включить свет, но ни одна лампочка не зажглась. Энергетическая компания, должно быть, снова отключила электричество. Я включила приложение для фонарика на своём телефоне и посветила лучом вокруг себя. Дом выглядел точно так же, как и в ту ночь, когда я в последний раз видела Каджику, за исключением того, что сегодня вечером в дымоходе не горел огонь.

Сжимая телефон в одной руке и стрелу в другой, я медленно прошла через кухню. Отвратительный запах заполнил пространство вокруг закрытого холодильника. Я представила себе еду, гниющую внутри. Хотя у меня было искушение выбросить заплесневелое содержимое, я не прикасалась к дверце холодильника, боясь, насколько сильнее станет вонь, если я её открою.

Я посветила фонариком на кухонные стойки. Стопки жёлтых почтовых открыток были аккуратно сложены рядом с керамическим горшком, наполненным ручками, и бежевым телефоном с диском. Этот телефон наполнил меня воспоминаниями. Каждый раз, когда я в детстве навещала Холли с бабушкой, я просила позвонить домой по телефону — это был единственный номер, который я знала наизусть. Больше ни у кого в Роуэне не было телефона с вращающимся диском. Скоро кто-нибудь его выбросит. Я колебалась, брать ли его, но действительно ли мне нужно было напоминание о том, что Холли больше нет? Что навсегда

общение с ней будет невозможным?

Я оставила телефон и направилась к её спальне. Мой взгляд задержался на голом матрасе, на сброшенном жёлтом халате, который был накинут на цветастый стул, на котором я сидела, когда она рассказывала мне нашу историю.

Если бы только я провела с ней больше времени в тот день.

За матрасом был её комод. Первый ящик был выдвинут. Поскольку остальная часть квартиры не была в беспорядке, я предположила, что Каджика просматривал его. Я пересекла комнату, чтобы закрыть его, но остановилась, когда фонарик моего телефона заставил что-то засиять внутри. Я засунула стрелу сзади в джинсы и полезла в ящик. Мои пальцы наткнулись на прохладное, гладкое стекло. Я осторожно извлекла свою добычу — фотографию в рамке, на которой были изображены две молодые женщины примерно моего возраста. Одна блондинка, одна темноволосая.

Я сразу узнала Чатву. У нас было много её фотографий в семейных альбомах. Однако я не узнала девушку, с которой она была. Мне пришло в голову, что это, должно быть, её близнец, Лея. Я никогда не видела её фотографии. После их ссоры Чатва вычеркнула сестру из своей жизни. На фотографии обе девушки улыбались, и обе обнимали друг друга за плечи.

Мама напоминала Чатву своей квадратной челюстью, полными губами и тёмными глазами, которые были скошены вверх. От этого сходства у меня защемило сердце, поэтому я оторвала взгляд от её лица и сосредоточилась на лице Леи.

У неё были такие же светлые глаза, как у Холли, такой же маленький носик. У неё даже был такой же шрам на руке. Я поднесла фонарик поближе к изображению, думая, что это складка на фотобумаге, но это было не так. Там действительно был шрам. Она получила это от садоводства, как Холли? Любила ли она цветы и растения так же сильно, как её дочь?

Я решила, что спрошу своего отца. Он может знать. Хотя мы даже не знали, что Холли была нашей родственницей, за несколько дней до её смерти, так что, возможно, он был бы ни мудрее меня.

Схватившись за раму, я направилась обратно к двери, но остановилась, когда что-то затрепетало в холодном очаге. Я медленно приблизилась на случай, если это было животное. Когда я подошла достаточно близко, то поняла, что это всего лишь клочок бумаги. Указательным и большим пальцами я вытащила его из пыльной белой горки пепла. Я стряхнула остатки золы с опалённого пергамента, затем попыталась разобрать слова, но они были не на английском. Я посветила на него фонариком своего телефона. Большой знак символа уничтожил верхний левый угол письма, но остались три буквы: — ика. Написала ли Холли Каджике письмо? К сожалению, нижняя половина письма рассыпалась, так что подписи не было. Однако я узнала два слова: манази и пахан. Если я не ошибаюсь, они имели в виду книгу и фейри.

Петли входной двери заскрипели. Я подпрыгнула, но потом сделала глубокий, успокаивающий вдох и вернулась в гостиную. Я предположила, что это был Каджика.

Я застыла, когда увидела своего посетителя. Лунный свет покрывал лаком его серебристые волосы и заставлял сиять обнажённую кожу. Я крепче сжала стрелу.

— Ты следил за мной?

— Мне очень жаль, Катори, — сказал Борго. — Я думал, что Каджика вернулся.

Его лицо было так искажено разочарованием, что я ослабила хватку на стреле.

— У тебя действительно есть желание умереть, не так ли? — я вздохнула.

— Я надеюсь, что охотник выслушает меня, прежде чем убьёт.

Каджика был вспыльчив. Я сомневалась, что он выслушает извинения фейри. Особенно учитывая, что его извинения были едва ли не хуже, чем его предполагаемый поступок.

— Его здесь нет, не так ли? — спросил Борго.

— Он прислал мне сообщение, что возвращается.

Я почти собиралась пригласить фейри войти внутрь и подождать со мной, но передумала. Если бы Каджика увидел меня с Борго, он бы взбесился, и я бы не стала его винить.

— Как насчёт того, чтобы я поговорила с ним до тебя, Борго? Чтобы я могла подготовить его.

— Я ждал два столетия, чтобы поговорить с ним.

— Я понимаю, но он может не дать тебе и двух секунд, чтобы что-то объяснить, и тогда эти два столетия будут потрачены впустую. Пожалуйста... позволь мне подготовить его. Это не будет для него приятной новостью.

Во что я ввязалась? Неужели я действительно вызвалась рассказать Каджике, что любовь всей его жизни изменила ему?

Адамово яблоко фейри дёрнулось на его небритом горле. Наконец он кивнул.

Я натянуто, с облегчением улыбнулась ему.

Он ответил на мою улыбку своей собственной напряжённой улыбкой.

— Ты знаешь, я практиковал свои извинения на Готтве.

— Ты говоришь на Готтве?

— Вот так всё и началось с Ишту... Я встречался с ней ради уроков. Она научила меня Готтве. Джекоби также выучил язык охотников. Это был способ показать наше уважение к племени, — его глаза остекленели. — Через несколько месяцев я начал учить её фаэли.

Я устала на листок бумаги, прижатый к моему всё ещё пылающему мобильному телефону. Я размышляла всего десять секунд, прежде чем спросить:

— Не мог бы ты перевести это для меня?

В ящике для носков у меня был словарь Готтва, но я не хотела покидать дом Холли, пока не приедет Каджика, и я хотела знать, что говорится в письме, прежде чем встретиться с ним лицом к лицу.

— Конечно.

Нерешительно я подошла ближе к Борго.

— Катори, я не причиню тебе вреда. Кроме того, здесь сожгли рябиновое дерево, так что я не могу войти.

В воздухе пахло органическим разложением, а не холодным огнём.

— Ты чувствуешь его запах?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я попытался войти, но у меня начала чесаться рука. У фейри аллергия на рябину, но ты уже знаешь это, не так ли?

— Я знаю, — я начинала многое понимать. — Я слышала, что охотники сильно пахнут для фейри. Тебя это никогда не беспокоило с Ишту?

— Я ничего не чувствую. С самого рождения у меня иммунитет к запахам.

Мои глаза расширились.

— Ой. У тебя врождённая anosmia? Это действительно редкость.

— Врожденная anosmia? — он улыбнулся. — Триста сорок лет, а я так и не узнал

названия того, что меня мучило. Спасибо тебе за то, что научила меня этому.

— Не за что, я думаю.

— Ты умная девочка. Ишгу тоже была очень способной.

— Пожалуйста, не сравнивай меня с ней.

— Это был комплимент, — его лицо сияло от нетерпения вытащить из груди двухсотлетнюю тайну.

— Я знаю, но в последнее время меня часто сравнивают с Ишгу, и это немного странно.

— Очень хорошо, — после минутного молчания он спросил. — Итак, ты хочешь, чтобы я расшифровал твою бумагу?

— Я была бы признательна, — я протянула обугленное письмо.

Когда его пальцы соприкоснулись с ним, он зашипел. Бумага упала на пол. Подушечки его пальцев распухли и покрылись пузырями, а на коже появились сильные красные волдыри.

— Зола рябины, — сказал он, тяжело дыша. Он крепко зажмурился, стиснул зубы. — Дай мне секунду.

— Мне так жаль, Борго. Я не знала, что это была рябиновая зола.

Капли пота покрыли его лоб и верхнюю губу.

— Всё в порядке, — наконец сказал он, открывая глаза. — Сыпь пройдет.

— Я действительно не хотела причинить тебе боль.

— Спасибо.

— За что ты меня благодаришь?

— За то, что не хотела причинить мне боль, — он выдавил улыбку.

Его благодарность ошеломила меня... тронула.

— Ты можешь поднять бумагу повыше? — спросил он.

Бумага. Верно. Я присела на корточки и схватила её. А потом я поднесла её к его лицу. Я проследила за движением его глаз, когда они перескакивали через слова и скользили по строчкам. Когда он снова поднял их на меня, они значительно потускнели.

— Что? — спросила я. — Что там написано?

— Не хватает многих слов, так что, возможно, моя интерпретация будет неверной.

— Что там написано? — повторила я.

— Холли беспокоит, что фейри... — он сделал вдох, — требуют прочитать книгу, — ещё один вдох, — убей её дымом.

Мурашки пробежали по каждой моей конечности. Если бы это не было научно невозможно, я бы сказала, что они покрыли и мои органы тоже.

— Для тебя это имеет смысл?

— Да, имеет, — прошептала я. Холли была убита дымом рябины, а это означало, что я была права, полагая, что её убили, но ошибалась насчёт преступника.

— Кто такая Холли? — спросил он.

— Фейри, которая жила здесь.

— Я не знал её, с другой стороны, я не общаюсь ни с кем в Неверре. И я не возвращался на Землю уже два столетия.

Так как я стала очень тихой, он добавил:

— Кто-то убил её?

— Очевидно.

— Смерть от алинума ужасно болезненна. Как смерть от виты.

— Алинум?

Он грустно улыбнулся.

— Я забыл, что ты не говоришь на фаэли. Алинум — это рябиновое дерево.

Это объясняло рубцы на её лице и руках. Слёзы потекли по моим щекам. Борго поднял руку, но убрал её, когда увидел мою раскачивающуюся железную цепь. Мне казалось, что она душит меня, точно так же, как дым душил Холли. Я схватила её и сдёрнула, а затем так сильно швырнула на закопчённую испанскую плитку, что ожидала, что она разобьётся вдребезги, но она просто скользила, пока не упёрлась в стену.

Я вытерла слёзы.

— Она что-то значила для тебя, не так ли? — спросил он.

— Она была, — я сглотнула, — она была семьёй.

Его глаза расширились.

— Алинум не влияет на охотников.

— Холли не была охотницей.

— Это не влияет на людей.

— Она не была человеком.

— Твой род был... был фейри?

Я слишком тяжело дышала, чтобы ответить, слишком разгневанная тем, что только что обнаружила.

— Кто ты? — пробормотал он.

— И то, и другое.

— Оба? Ты имеешь в виду, что у фейри был ребёнок от охотника? — спросил он.

— Тэева... — сказала я, закрыв глаза, — женился на базаш. Её звали Адетт.

— Я помню Тэеву. Он был одним из добрых людей. Один из самых любопытных. Мы провели много времени вместе.

Я не только открыла глаза, но и широко раскрыла их.

— Ты произошла от него? — спросил он.

Мой телефон пискнул так громко, что мой пульс участился, а моя метка загорелась. Сообщение от Каджики:

"Я не вернусь сегодня вечером. Мне жаль. Я объясню".

Я зажала телефон между пальцами, а затем бросила записку на диван на самом видном месте, чтобы, когда он вернётся, это было первое, что он увидит.

— Он задерживается, — пробормотала я, сжимая фотографию моего предка в рамке.

Я прошла мимо Борго, больше не боясь его, хотя и оставила своё ожерелье.

Вернувшись домой, я раздумывала, стоит ли звонить Эйсу и извиняться. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что обвинила его. Возможно, он и был виновен в сговоре с Грегором, но Эйс не душил Холли. Охотники сделали это.

Я открыла окно текстового сообщения и набрала имя Каджики. "Я знаю всё". Я чуть не отправила его. В конце концов, я выключила свой телефон и поставила его на ночь. Я бы сказала ему об этом лично, а не текстовым сообщением.

В слабом свете лампы в ванной я заснула, глядя на спасённую фотографию Леи и Чатвы на моей тумбочке.

ГЛАВА 17. ПЕЩЕРА

Когда я проснулась, был уже полдень. Мои волосы прилипли ко лбу, а футболка была влажной от пота. Я открыла окно и поприветствовала прохладный ветерок. Положив руки на выступ, я посмотрела вниз на покрытое розами надгробие.

— Я сожалею о том, что они сделали с тобой, Холли. Мне жаль, что меня не было рядом, чтобы остановить их.

Планировали ли они это? Неужели Гвен сказала Каджике держать меня подальше? Не поэтому ли он сидел со мной, дружески обсуждая наших матерей? Было ли всё это просто уловкой? Я чувствовала себя грязной и использованной, точно так же, как чувствовала себя, когда Круз потребовал свой долг. Когда я стану достаточно сильной, чтобы помешать людям использовать меня?

Плеснув водой на лицо и завязав волосы в высокий хвост, я оделась в спортивную одежду, закрепила повязку на голом бицепсе, положила телефон внутрь и взяла наушники. Я собиралась отказаться от стрел из рябинового дерева, но, учитывая, что у меня больше не было железного ожерелья, я просунула одну между липучками повязки. Дартс был удобнее, чем бег с колокольчиками, прикрепленными к леггинсам, окрашенным в фиолетовый и лаймовый цвета. Я съёжилась от необходимости носить их вне дома, но мои хорошие — то есть чёрные — леггинсы были в стирке.

Неважно. Они послужат своей цели.

— Папа! — крикнула я, вприпрыжку спускаясь по лестнице. За одну ночь моя сдерживаемая ярость и чувство вины превратились в энергию.

— Я здесь.

Он смотрел баскетбольный матч по телевизору.

— Я собираюсь на пробежку.

— Иди. Хочешь после пообедать у Би?

— Да. Я встречу тебя там, — я вставила наушники в уши и включила плейлист тренировок.

Я давно не бегала, я имею в виду, в качестве тренировки. Мои ноги волочились, как будто я пристегнула гантели к лодыжкам, а лёгкие жгло, как будто их тёрли об измельчитель сыра. Мои конечности горели к тому времени, как я добралась до маленькой хижины, в которой Гвенельда держала Джимми в заложниках. Воспоминание заставило меня бежать быстрее. От этого моя V-образная метка заискрилась, или, возможно, это был мой учащённый пульс.

Лес блестел на солнце. Снег полностью растаял, оставив землю более мягкой и рыхлой. Она налипала на кроссовки, но я продолжала бежать. Я направилась по знакомой тропинке, которая вела к озеру в форме цветной капусты, по которому я каталась в разгар зимы. Мы с мамой ездили туда прошлой зимой. В канун Рождества мы взяли термос с горячим шоколадом и отправились на озеро. В тот день мы многое обсудили. Большинство из тем тривиальны, как моя общественная жизнь. Мама беспокоилась, что я зарываюсь в домашнюю работу и не встречаюсь с людьми.

"Мы гордимся тобой, дорогая, но не забывай веселиться", — сказала она мне. — "Встречаться с людьми".

"Мне весело, и я встречаюсь с людьми".

"Тогда почему бы тебе не пригласить кого-нибудь в гости? Твоим друзьям мы всегда рады".

"Потому что мы живём над кладбищем, мама. Никто не хочет проводить свой отдых на

кладбище".

Я вздрогнула, когда мой разум прокрутил это воспоминание.

Это была ложь. Никто из друзей не навещал меня, потому что я не хотела, чтобы они видели, где я живу. Я была смущена этим. Смущёна работой моих родителей. Хотя мама ничего не сказала, я вспомнила, как от горя у неё сморщился лоб.

Я заставила её почувствовать себя виноватой.

Я была ужасной дочерью.

Пот стекал по шее и ключицам, капал в ложбинку на груди. Рука была в огне. Я ожидала, что скоро почувствую запах горящей плоти, но, к счастью, огонь был заперт в метке. Я побежала быстрее, сильнее, как будто всё ещё был способ наверстать упущенное в тот день, несколько месяцев назад. Умолять маму о прощении или просто сказать ей, как сильно я её любила.

Фейри, охотники и магия населяли этот мир, так почему же здесь не могло быть призраков?

Я повернула направо, пригибаясь, чтобы пройти под толстой ветвью кривого можжевелевого дерева. В тот день я нырнула вместе с мамой, когда она только что прошла под ним. Она пошутила, что в кои-то веки вертикальный вызов пошёл ей на пользу.

Мои колени работали под новую песню Шакиры, удлиняя мои шаги, укрепляя икры. Я чувствовала себя сильной. Возможно, это была неправда.

Я проложила тропинку вдоль берега озера. Жёлтые тростники гнулись и раскачивались, когда я проходила мимо них, как будто разминаясь после суровой зимы, похоронившей Роуэн. Я прыгала вдоль мерцающей воды, сквозь облака зарождающейся мошки, и кружила вокруг одноэтажного дома из бирюзовой вагонки с большими окнами и шиферной черепицей, единственной собственности в этом районе с частным понтоном. Я мечтала жить в этом доме, когда была маленькой. Я рассказывала своим родителям каждый раз, когда мы проезжали мимо него, надеясь, что они обменяют кладбище на эту жемчужину на берегу озера. Теперь дом казался маленьким и заброшенным. Не то, чтобы я любила свой дом на кладбище, но это был дом. Единственный дом, который знала моя мать. Возможно, когда-нибудь у меня будет другой дом. Однажды мне больше не нужно будет нянчиться со спящими охотниками.

Я бросила на дом последний взгляд, а затем побежала в противоположном направлении, обратно в город, вниз по извилистой песчаной тропе, которая вела к лодочному сараю. Я резко остановилась, когда что-то двинулось справа от меня. Я вытащила наушники и осмотрела лес. Только коричневатая кора и тишина окружали меня. Я напряглась, чтобы услышать потрескивание или жужжание, но не было слышно ни звука. Даже птички не щебетали.

Мой пульс участился. Когда лес затихает, надвигается опасность. Это была поговорка, которую мама повторяла мне так много раз, что она глубоко укоренилась во мне. Она повторила это, чтобы я поняла, а не чтобы напугать меня. Честно говоря, это делало и то, и другое. Я представила себе медведя, наблюдающего за мной из-за ствола и готового напасть на меня. Я вела себя нелепо.

Что-то снова пошевелилось. Я прищурилась, чтобы разглядеть это, но оно было в полумиле отсюда, у скалистого ущелья, по которому мы с Блейком взбирались во время семейных пикников. Вода из озера струилась по камням и образовала небольшой бассейн для купания. Мы часами играли в этом бассейне.

На этот раз, когда фигура двинулась, я поняла, что это был человек. Ещё один турист. Но если это был человек, то почему его ноги не касались земли? Почему он парил над скалами?

Наверное, мне следовало продолжить путь по тропе, оставить его в покое, но он помахал мне рукой. Я прикрыла глаза рукой и разглядела светлые волосы.

Я осторожно приблизилась.

— Борго? — спросила я, когда подошла достаточно близко, чтобы разглядеть коричневые ковбойские сапоги фейри.

— Доброе утро. Или, скорее, — он посмотрел вверх, на солнце, которое сияло над нашими головами, — добрый день.

— Что ты здесь делаешь?

— Я здесь сплю.

— Здесь?

Он кивнул головой в сторону прохода в скале. Я много раз играла в прятки в этой расщелине.

— Пещера, о которой я тебе говорил.

Я моргнула, глядя на него в ответ.

— Это там ты встречался с Ишту?

— Да, — он указал вокруг себя на деревянные скамейки для пикника, столы и каменные барбекю. — Это уже не такое укромное место, не так ли?

— Нет. Это одно из самых популярных мест для пикника.

— Ты пришла на пикник?

— Нет, — я поймала себя на том, что улыбаюсь. — Я бегала.

Его расслабленное выражение лица стало напряжённым.

— От чего?

— Хм?

— От чего ты убегала?

— Я просто бегала.

— Почему?

— Потому что это помогает мне думать.

— Вы, люди, немного странные.

— Разве в Неверре люди никогда не занимаются спортом?

— Не для удовольствия. Если только ты не считаешь танцы упражнением. Калигосупра — обитатели тумана, — добавил он, хотя я помнила, — они много танцуют, но не остальные. Остальные — люди, калидум, те, кто живёт под туманом, — они слишком усердно работают, чтобы танцевать.

— Над чем они работают?

— Выращивают урожай, чтобы прокормить аристократов, выпас скота, изготовление спиралей, вырезание жилищ в калимборах.

— Калимборы?

— Разве Эйс и Круз не рассказывали тебе о Неверре?

— У нас было не так много времени, чтобы поговорить о вашем... мире.

— Хочешь, я расскажу тебе об этом?

— А тебе это позволено?

— Я могу делать всё, что захочу.

— Разве тебя не накажут за то, что ты рассказал потенциальному охотнику о мире фейри?

— Катори, ни в твоём мире, ни в моём не осталось наказания, которое пугало бы меня, — я предположила, что вырвать ему зубы или наполнить дыхательные пути пылью не может быть хуже, чем кастрация. — Итак, ты хочешь услышать о Неверре или нет?

— На самом деле, я бы хотела. Впрочем, одну минутку, — я вытащила свой телефон из повязки и позвонила папе, чтобы сказать ему, что я опоздаю. — Я тоже тебя люблю, — прошептала я, прежде чем повесить трубку.

Борго снова опустил взгляд на узкую пещеру, только на самом деле он на неё не смотрел. Его глаза были закрыты.

— В последний раз, когда я слышал эти слова, я был здесь, — он медленно поднял веки и поднял лицо.

У меня откололся кусочек сердца от того, что за два столетия никто не произнёс ему этих слов.

— Круз любит тебя, — я догадывалась об этом, я никогда не обсуждала это с Борго или с Крузом.

— Я уверен, что это так, — Борго медленно, тяжело выдохнул. — Может быть, мы присядем?

Я подошла к ближайшему столу для пикника, села верхом на скамейку и сняла повязку. Когда он сел напротив меня, я посмотрела на маленькую белую стрелу, застрявшую между липучками.

— Так что же такое калимборы? — спросила я.

— Небесные деревья. У нас в Неверре есть три разных вида деревьев. Мальва калимборы и волиторы. Мальва растёт на болотистой местности.

— Это та, у которой галлюциногенные листья?

— Да. Ты слышала о них?

— Слышала, — я не сказала ему, что Стелла Сакар пыталась заставить меня проглотить один из её кексов с мальвой, чтобы показать фейри, что я не просто человек.

— Калимборы — это полые деревья высотой от двух до трёх тысяч футов, в которых мы строим наши дома.

— Вы живёте внутри деревьев? — воскликнула я.

— Да.

— Ух, ты.

— Это не так уж впечатляет, Катори. Мы не строим такие дома, как ваши. Я видел жилища из стекла и металла, которые в тысячу раз более впечатляют, чем наши дома.

Я предполагала, что люди всегда больше впечатлялись тем, что было для них необычным.

— У вас есть король. Значит ли это, что у вас есть дворец?

— Да. Это единственное жилище, не построенное в небесных деревьях.

— Он построен на земле?

Борго ухмыльнулся.

— Королевские особы спускаются под туман? Это будет тот самый день.

Я задавалась вопросом, проистекала ли его неприязнь к королевской семье из-за зверства, которое они ему причинили, или имела более глубокие корни.

— Дворец построен на тумане. Он поднимается и опускается вместе с ним. Каждые сто

или около того дней, когда туман опускается и окутывает землю, дворец почти касается земли.

— Ты имеешь в виду, что дворец движется?

Он кивнул.

— Он сделан из виты?

Борго улыбнулся.

— Немногие могут воплотить виту. Что касается тех немногих, кто обладает такой способностью, то их творения исчезают, когда они умирают. Если бы Вуды построили свой летающий дворец из пыли, он бы исчез вечность назад.

— Тогда из чего же он сделан? — я спросила, но Борго не ответил.

Он вскочил на ноги и широко раскрытыми глазами уставился на что-то позади меня. Я молилась, чтобы это был не медведь. Когда я обернулась и увидела то, что он заметил, или, скорее, кого он заметил, я пожалела, что это не был медведь.

ГЛАВА 18. ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

— Ты вернулся, — сказала я ровным тоном.

Каджика уставился на Борго широко раскрытыми от тревоги глазами.

— Катори, отойди от него!

Я встала, но не для того, чтобы уйти. Это было сделано для того, чтобы защитить фейри позади меня от гнева охотника.

— Катори, это Борго Лиф. Фейри, который убил Ишту. Отойди от него!

— Я знаю, кто он.

— Тогда что ты делаешь, стоя рядом с ним?

— Я бы предпочла стоять рядом с ним, чем рядом с тобой прямо сейчас, — мой голос дрогнул. Лучше бы этого не было. Я хотела бы, чтобы это соответствовало моей твёрдой позиции.

Лицо Каджика дёрнулось.

— Полагаю, ты ещё не заходил к Холли домой, — сказала я.

Он не пошевелился. Ничего не говорил. Не дышал.

— Я нашла записку, которую ты пытался сжечь в камине Холли, — я сложила руки перед собой. — Ты знаешь, о том, как отравить её дымом рябинового дерева.

Тишина простиралась между нами, широкая и коварная, как ущелье.

— Ты солгал мне. Ты сказал мне, что Эйс отравил её газом, но он этого не делал.

На челюсти охотника дрогнул нерв.

— Холли попросила Гвен помочь ей пройти туда, куда отправляются умирать фейри. Холли боялась, что паганы заставят её рассказать им, что она написала в книге.

— Ты притворился, что не знаешь о книге! — боль скомкала мой голос.

— Мне жаль, что я солгал, но я думал, что правда причинит больше боли.

Я крепче прижала руки к себе, когда воздух заморозил мой пот.

— Так никогда не бывает.

Каджика на миллисекунду закрыл глаза. Когда он открыл их, они показались более тусклыми, мрачными.

— Что ты делаешь с... ним? — он произнёс это слово так, как будто имел в виду мусор.

— Я ещё не закончила задавать вопросы. Ты действительно искал Гвенельду, или ты

знал, где её найти?

— Я не лгал о том, что не знал, куда она ушла.

— Ты знал, что она делала? Или превращение людей в охотников было твоей идеей?

— Катори, я всё объясню тебе после. Во-первых, убирайся подальше от злобного фейри.

— Злобного?

— Кровожадного.

— Я понимаю, что значит "злобный". Чего я не понимаю, так это того, что ты вообще здесь делаешь?

— Это то место, где она была убита. Где я её похоронил.

Борго сделал неуверенный шаг вперёд.

— Каджика, я...

Охотник на огромной скорости подлетел ко мне и отбросил меня за спину. Я потеряла равновесие и вцепилась в скамейку, но затем скамейка вырвалась у меня из пальцев, и земля исчезла у меня из-под ног. Я закричала, а может, и нет. Мой желудок сжался, когда трава и камни превратились в пятна зелёного и серого, а тёплый ветер стал холоднее и хлестал мой конский хвост в исступлении. Передо мной вырисовывалась крона красной сосны. Я потянулась к самому верхнему скоплению игл, думая, что смогу ухватиться за него, чтобы убежать от фейри, который схватил меня, но меня дёрнули назад, а затем развернули. Я вскрикнула, когда руки, державшие меня, покинули моё тело. На какое-то ужасное мгновение я оказалась в свободном падении, окружённая только воздухом. Затем руки снова обхватили меня, и я ахнула. На этот раз я не пыталась оторвать обжигающие руки от своей талии. Я была слишком высоко, чтобы пережить падение.

— Ты можешь поблагодарить меня позже, — сказал Эйс.

Должна была догадаться, что это был он.

— Что за чёрт? Отпусти меня!

— Хорошо, что ты сегодня не одела свою охотничью цепочку.

— Ты что, не слышишь меня? Отпусти меня, — взвизгнула я.

— Звук сюда не проникает. Особенно высокие ноты.

— Я знаю, что ты меня слышишь. **ОТПУСТИ МЕНЯ!**

Он метнулся вправо, увлекая меня за собой. Мой желудок поднимался и опускался вместе с моим телом. Я думала, что меня сейчас стошнит. Я закрыла глаза и вдохнула через нос.

— У тебя ведь нет страха высоты, не так ли?

— Нет, но у меня есть морская болезнь.

— Ты оскорбляешь мои лётные навыки?

Я подняла веки.

— Какого чёрта мы вообще здесь делаем? Зачем ты схватил меня? Я должна быть там, внизу. Каджика собирается убить Борго, или Круз собирается убить Каджику...

— Как ты думаешь, почему мы здесь, наверху? Чтобы я мог наедине сделать тебе комплимент по поводу твоих леггинсов? Я держу тебя в заложниках.

На короткую секунду наши взгляды встретились, и я перестала пытаться вырваться. Но потом я вспомнила, что Каджика, Круз и Борго стояли лицом к лицу внизу, и я вцепилась в рукава его рубашки, чтобы ослабить его непреклонную хватку.

— Осторожнее, Китти-Кэт. В последний раз, когда я проверял, ты не умела летать, — его глаза вспенились, как поверхность мелкого ручья, образовавшегося у подножия

скального образования, фиолетовые пятна пульсировали на их голубом фоне. — Ты в большей безопасности здесь, со мной, чем там, внизу, с ними.

— Ты охраняешь меня или держишь в заложниках?

Его глаза впились в мои.

— Зачем мне охранять начинающую охотницу?

Он бросил взгляд направо от меня, на кружащего краснохвостого ястреба. Понаблюдав за ним мгновение, он зашипел, и хищная птица взмыла вверх и улетела.

— У нас слишком много новых, которые бегают без присмотра.

— Сколько их? — спросила я, наблюдая, как мимо нас пролетела ещё одна птица, с любопытством поглядывая в нашу сторону.

— Последний раз, когда я считал, там было семь новых. Гвен и Каджика были заняты обменом кровью с незнакомцами. Хорошая новость в том, что на этот раз они им всё объясняют. Плохая новость в том, что они им всё объясняют. Один пытался отрезать мне голову железным шнуром.

Мой взгляд метнулся к его шее. И действительно, на ней была тонкая белая линия.

— Я не лгу, Катори, но теперь ты это знаешь, не так ли?

— Я знаю, — призналась я, прежде чем снова поднять на него взгляд. — Откуда ты знаешь, что я знаю?

— Я слышал, как ты говорила Каджике. Точно так же, как я слышал, как ты задавала своему новому приятелю-фейри вопросы о Неверре. Ты подумываешь о том, чтобы отправиться на наш остров?

— Зачем мне добровольно посещать место, кишящее существами, которые хотят меня убить?

— Они не все хотят тебя убить. Если бы у Борго всё ещё стоял, я почти уверен, что он бы...

Я дала ему пощёчину. Я никогда раньше не била мужчину. Я никогда раньше никого не била.

— Он добрый, Эйс. Не говори о нём так, — мой голос дрожал, — как будто он какое-то животное. Если кто и является животным, так это ваша семья. Это Грегор. Они искалечили его. Всё, что Борго делал — это любил! С каких это пор это преступление?

— Он любил охотницу, — холодно сказал он.

Я отвернулась, потому что не могла смотреть на него. Что-то сильно заколотилось в его груди. Я догадалась, что это сердце, но, должно быть, мне показалось, потому что у него его явно не было.

— До того, как стать охотницей, она была женщиной, — пробормотала я. — Теперь отпусти меня, Эйс. И не смей считать это сделкой.

Он не двигался так долго, что я подумала, что мне придётся укусить его за руку, но потом мы полетели вниз, как свинцовые перья.

Он остался рядом со мной после того, как отпустил меня.

Я хотела, чтобы он просто ушёл.

ГЛАВА 19. ВОЛНА

Несмотря на мою злость на Каджику за то, что он солгал мне, выражение его лица, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня, покраснение его глаз и пятна на щеках

заставили весь этот гнев отступить. Борго, должно быть, рассказал ему об Ишгу.

Охотник сжимал стрелу, но она не была поднята. Он уставился на меня, но я не думала, что он меня видит. Это было так, как будто он смотрел прямо сквозь меня.

Что вы говорите в такие моменты? Что сказать мужчине, у которого разбито сердце и раздавлено эго? Что тебе жаль его? Каджике не нужна была бы моя жалость. Ему бы это не понравилось. Поскольку я не могла придумать никаких подходящих слов, я подошла к нему и коснулась его руки, чтобы сказать ему, что я рядом. Да, он солгал насчёт Холли, но в тот момент это не имело значения. Что имело значение, так это выманить стрелу из его руки, прежде чем он запустит её в какого-нибудь фейри.

Он посмотрел вниз на мою ладонь, затем на мою руку, а затем на моё лицо. Когда его глаза встретились с моими, он вырвал руку.

— Ты такая же, как она, — сказал он самым низким, самым резким голосом.

Мои губы приоткрылись от вдоха.

— Это несправедливо.

— Она переспала с фейри, — его взгляд скользнул к Крузу, который защищающе стоял рядом с Борго. — И ты тоже.

Я была слишком ошеломлена ребячеством его нападения, чтобы опровергнуть его обвинение.

Прядь чёрных волос упала на его покрасневшие глаза, и он откинул её назад.

— Я вернулся за тобой, но мне не следовало беспокоиться. Тебе нельзя доверять, — он плюнул на землю между нами.

Ему было больно, но он не имел права бросать эту боль мне в лицо.

— Не путай меня с Ишгу, — сказала я спокойным голосом.

— О, я не путаю. Ишгу любила меня. Ты даже не заботишься обо мне. Точно так же, как ты никогда не заботилась о Блейке.

— Не смей говорить о Блейке!

— Ты заставила его покончить с собой.

Что-то набухло внутри меня, как ледяной шар. Он расширился с такой яростью, что я думала, что он разорвёт мои вены и разорвёт мою плоть. На вкус он был горьким и сладким, холодным и обжигающим. Как снежный ком, набирающий скорость, он прокатился сквозь меня, стал больше, а затем вырвался из моего тела.

Глаза Каджики метнулись в точку над моей головой. Он попятился, но не раньше, чем на него обрушилась волна. Его губы приоткрылись, с волос капало, футболка мокро прилипла к вздымающейся груди.

Я тоже была мокрой. Скорее, промокшей насквозь.

Влага испарялась с трёх фейри, чьи глаза были прикованы ко мне.

— Я думал, у неё нет никаких способностей охотника, — сказал Эйс Крузу.

Способности охотника? Неужели я... неужели я просто двигала воду силой мысли? Я проверила свои руки. Я не знала, почему я смотрела на них. Чтобы проверить, не превратились ли они в шланги?

К счастью, у меня были просто пальцы.

— Ты сделала это, Катори, — услышала я слова Круза. Он стоял рядом со мной, в его сверкающих зелёных глазах читалось изумление. — На этот раз ты действительно сделала это.

На этот раз. Когда это было в последний раз? Я уставилась на него, разинув рот, пока

воспоминание не врезалось в мой разум, как слайд. Тёмная автостоянка за участком шерифа. Чёрный "Мазерати" пищал и мигал. Круз убедил меня, что я мысленно открыла машину. А потом он рассмеялся. Я купилась на это в ту ночь. Я также влюбилась в него той ночью.

Как и в ту ночь, Круз улыбнулся мне. Почему он улыбался?

— Ты издеваешься надо мной? — спросила я.

Его улыбка дрогнула.

— Нет.

— Тогда почему ты ухмыляешься?

— Потому что ты двигала воду своим разумом, Катори. Ты должна быть в восторге.

В восторге? Это было ужасно.

Ужасно и немного удивительно, но в основном ужасно.

Была ли на небе голубая луна, или я была настолько генетически странной, что моё тело решило стать охотником без согласия моего разума?

Я оглянулась на Каджику, который всё ещё не двигался.

— Скажи мне, что ты сделал это.

Я заставила его кивнуть. Изо всех сил желала, чтобы он взял вину на себя... или благодарность. Я просто хотела, чтобы волна исходила от него. Не от меня.

— Это был не я, — медленно произнёс он. Что-то было в его голосе. Интерес, может быть? Или удивление? Страх?

Я закрыла глаза, сжала пальцы в кулаки и попыталась успокоить свой бурлящий разум, пока он не вырвал с корнем дерево.

— Ну, чёрт, — прошептала я.

Вероятно, был миллион слов, более подходящих для описания нынешней ситуации, но мой разум, который был способен поднимать воду из каменного ложа, казалось, не мог придумать ни одного лучшего. Я обхватила лицо ладонями, желая, чтобы слово из семи букв, которое я вытатуировала на своей коже, могло остановить прогрессирование, происходящее внутри меня.

— Я не хочу этого, — закричала я.

— Ты должна быть благодарна за такой подарок, — сказал Каджика. — Ты даже не пообещала Ей себя, а Она наделяет тебя огромной властью.

Я опустила руки.

— С огромной властью приходит огромная ответственность.

Каджика покачал головой, разбрызгивая по траве капли воды. В отличие от фейри, он не высох.

— Я могу научить тебя контролировать это.

— Ты имеешь в виду, ты можешь научить её, как использовать это, чтобы убить больше фейри? — сказал Эйс.

Каджика сердито посмотрел на него.

— Я пощадил Борго.

— Ты знал, что Круз или я наполнили бы твои лёгкие витой, если бы ты попытался его убить, — Эйс парил рядом со мной.

— Я пощадил его не из страха, — Каджика оскалил зубы, как загнанный в угол кот. — Я пощадил его из жалости за то, что поверил, что охотница могла бы полюбить его. Она использовала тебя, Борго. Просто использовала тебя для получения информации о Неверре. Ты думаешь, я бы не знал, если бы она любила другого мужчину? Она рассказала мне о

вашей невероятной связи. Это всегда длилось всего минуту. И прежде чем ты предположишь, что ей это понравилось, знай, что она страдала много дней после того, как встретила с тобой в вашей маленькой пещере, настолько она была обуглена изнутри.

Я повернулась к Борго, чьё лицо сморщилось, как раздавленная банка из-под содовой.

— Каджика, прекрати это! — закричала я. Даже если бы любовная связь была у него в голове, Борго тосковал по Ишту всю свою жизнь... Он потерял свою мужественность из-за неё.

— Охотницы — искусные манипуляторы. Возможно, именно поэтому Великий Дух даровал тебе силу, Катори.

Я не отрывала взгляда от Борго. Я бы не стала отвечать Каджике. Ни словами, ни силой.

Борго поднял на меня глаза. А потом, прежде чем я успела пошевелиться, он стащил мою повязку для бега со стола для пикника.

— Прости, — прошептал он мне на ухо.

А потом он ударил меня по руке. Или, по крайней мере, я думала, что он ударил. Когда я посмотрел вниз, кровь хлынула из крошечной дырочки так же бурно, как вода из озера цветной капусты в каменный бассейн.

Борго не просто ударил меня, он ударил меня ножом.

ГЛАВА 20. ПОТЕРЯ СОЗНАНИЯ

Круз и Эйс набросились на Борго. Я думала, что это для того, чтобы нейтрализовать его, но я ошибалась. Это было сделано для того, чтобы помешать ему использовать стрелу, смоченную в моей крови, чтобы пронзить своё собственное сердце.

Как будто глядя через объектив "рыбий глаз", я наблюдала за их борьбой. Где-то в глубине моего сознания я слышала, как они кричали. Я видела, как искрилась пыль, шипело пламя. Фейри разорвали его рубашку и дёрнули за повязку на липучке, которая всё ещё была прикреплена к стреле, сорвав её с груди Борго. Маленькое окровавленное копье и синтетический держатель пролетели в воздухе и беззвучно приземлились на клочок песка.

Я была на пороге тошноты.

Мир вокруг меня вспыхнул и померк, затем снова вспыхнул и померк. Шум тоже приходил и уходил. Был ветер и крики, а потом наступила тишина. Полная, ужасная тишина. Желчь подступила к моему горлу, когда мой взгляд остановился на коже Борго. Как и у Холли, его плоть стала слоново-серой.

Я упала на колени.

— Её кровь отравляет его! — крикнул кто-то. Я не была уверена, был ли это Эйс или Круз.

Я коснулась лица Борго. Оно было холодным и меловым, но ещё не серым. Я приказала ему открыть глаза. Я желала этого так же жаростно, как желала, чтобы вода поднялась, хотя тогда я не знала, что делаю.

Они медленно открылись.

Во мне вспыхнула надежда.

— Борго? — спросила я, когда Круз и Эйс по очереди пытались залатать дыру в его плоти своей пылью, пытаясь вытянуть из него яд своим огнём.

— Ишту, — пробормотал он.

Я не была уверена, что на меня нашло, но вместо того, чтобы поправить его, я сказала:

— Да? — я убрала пряди серебристых волос с его лба.

— Были ли мы... — его голос был таким тихим, что мне пришлось наклонить ухо к его рту. — ...ложью?

Я тихо ахнула, затем сильно прикусила нижнюю губу, которая начала дрожать. Я оторвала своё лицо от него, но не сводила с него глаз. Слёзы капали с моего подбородка, капали на его желтоватые щеки.

— Нет, — прошептала я. — Это было по-настоящему.

Как я заставила свой голос работать, было выше моего понимания. Моё горло продолжало сжиматься в такт с моим сердцем. Я откинула его волосы назад, но остановилась, когда поняла, что размазываю кровь по его плоти. Я отдёрнула руку от его лица, дико оглядываясь вокруг. Лоб Круза упёрся в грудь Борго, но Эйс смотрел на меня.

— Моя кровь. Она повсюду. Я... Я делаю только хуже?

— Ты делаешь лучше, — сказал он.

Исцелялся ли он? Я снова переключила своё внимание на старого фейри.

Он превратился в пепел. Я вскрикнула, что заставило меня вдохнуть его полный рот. Я подавилась, вскочила на ноги, и меня вырвало у подножия скамейки для пикника. Когда кислота перестала выливаться наружу, когда мир перестал вращаться, я снова выпрямилась.

Я вытерла рот. Серая пыль прилипла к моим рукам, покрыла кожу. Мои мокрые леггинсы больше не были лилово-фиолетовыми. Они были серыми. Мои кроссовки были серыми. Моя майка была серой. Мои руки были серыми.

Лоб Круза тоже был покрыт сажей. Даже Эйса не пощадили, но, по крайней мере, его лицо было чистым. Я инстинктивно посмотрела туда, где должно было быть тело Борго, но вместо этого обнаружила клочок влажной земли. Вырастет цветок... Странный цветок. Я сосредоточилась на почве, желая, чтобы она проросла в этот самый момент, чтобы я могла забыть о разлагающемся теле и пепле, который окрасил моё тело смертью.

Круз всё ещё стоял на коленях с закрытыми глазами. Если бы его губы шевелились, я бы сказала, что он молился, но его рот был так же неподвижен, как и всё остальное.

Я сглотнула, и, как будто моё тело, наконец, вспомнило, что привело к самоубийству Борго, моя раненая рука начала сильно пульсировать. Кожа вокруг разорванной плоти пульсировала, и вся моя рука дрожала. Я подняла её, чтобы успокоить бешено бьющийся пульс в ране и облегчить кровоток, но у меня не хватило сил держать её поднятой. Она упала обратно параллельно моему телу, раздражая агонизирующую рану.

Должно быть, я вскрикнула, потому что Эйс уставился на мою руку. Когда он поднял руку к ней, я отдёрнула руку назад. Это послало ударную волну прямо мне под лопатку.

— Моя кровь, Эйс. Моя кровь только что убила фейри.

— Просто дай мне уже свою руку.

— Это может убить тебя.

— Только при прикосновении к моему сердцу, а поскольку у меня его нет, я в безопасности.

Я моргнула, не понимая, шутит он или говорит серьёзно. А потом мне стало всё равно, было оно там или нет, когда волна боли пронзила мой локоть и поднялась в плечевую впадину. Моё тело напряглось, а глаза зажмурились. Я рухнула навзничь. Я приготовилась упасть на землю, но вместо этого почувствовала, как меня подняли и осторожно уложили. Я открыла глаза, и мир поплыл в фокусе. Что-то золотое и голубое замерцало надо мной, а затем исчезло... Всё стало чёрным.

Я пришла в себя, как ребёнок, которого вырывают из материнской утробы: крича.

Когда я разлепила веки, солнце вспыхнуло белым светом в моих зрачках, и два знакомых лица склонились надо мной.

— Мы не можем залечить рану, Катори, — говорил Эйс. Его голос звучал так, как будто доносился с самого кладбища.

Я сглотнула и облизнула потрескавшиеся губы кончиком языка.

— Мы пытались, но наша магия не действует на рябиновое дерево.

Я медленно вдохнула, задержала дыхание. Пульсация уменьшилась, когда я замерла совершенно неподвижно. Но потом я хватала ртом воздух, и боль всё сильнее разливалась по моим венам. Я сосредоточилась на своём дыхании. Под моими пальцами я почувствовала что-то шершавое, занозистое. Я повернула лицо и поняла, что лежу на столе для пикника. Я медленно надавила на дерево здоровой рукой, пока мне не удалось сесть. Затем я осторожно взяла своё правое запястье и прижала его к груди.

— Мне нужно попасть домой. Продезинфицировать рану, — машинально сказала я. — Мне, вероятно, понадобится несколько швов.

— Разве мы не должны отвезти тебя в больницу?

— Я могу сделать это сама.

Эйс и Круз обменялись взглядами.

— Ты вообще можешь ходить, Катори? — спросил Круз.

— Он ударил меня в руку, а не в ногу.

Эйс ухмыльнулся.

Я спустилась со стола. Когда мои ноги коснулись земли, мир закружился, и я пошатнулась. Я отпустила раненую руку, чтобы ухватиться за стол, пока всё — небо, земля, деревья и камни — не встало на свои законные места.

— Хочешь, я доставлю тебя домой? — спросил Круз.

Гордость побуждала меня отказаться, но в моём одурманенном состоянии дорога домой заняла бы у меня несколько часов.

— Да, — призналась я.

— Я сделаю это, — сказал Эйс, перепрыгивая через стол ко мне. — Ты возвращаешься в Неверру и сообщаем о том, что произошло.

Круз заколебался, но затем отступил от меня и резко кивнул.

— Я попрошу разрешения отомстить за смерть Борго.

Даже в моём сумасшедшем состоянии это слово заставляло меня нервничать.

— Отомстить? — я поискала взглядом Каджику, щурясь от яркого солнца.

— Он ушёл после того, как Борго ударил тебя, — сказал Эйс, изучая моё лицо в ожидании реакции.

Я опустила взгляд на землю, туда, где всего несколько минут назад лежало тело Борго. Осталась только моя повязка для бега. Я сделала несколько шагов, которые казались чёртовыми выпадами, и наклонилась, чтобы поднять её. Я расстегнула липучку, вытащила окровавленную стрелу, и здоровой рукой швырнул её так далеко, как только смогла. Это был не очень впечатляющий бросок.

— На этот раз Каджике это не сойдёт с рук, — сказал Круз.

Я слишком быстро повернулась к нему.

— Он только что узнал, что его жена изменила ему!

Круз сложил руки перед собой.

— Он был отвратителен по отношению к тебе, и всё же ты защищаешь его?

— Он был сам не свой.

Ноздри Круза раздулись.

— Может быть, ты и можешь простить его, но я не могу. Борго был мне как отец. Я не прошу твоего разрешения убить охотника. Я говорю тебе, что если Лайнус санкционирует его смерть...

— Вот почему это никогда не прекращается! Из-за мести. Гвенельда убила мою маму, но вы не видите, как я заявляю, что убью её. Пожалуйста, Круз, пожалуйста... не проливай больше крови.

Круз уставился на меня своими неоновозелёными глазами, которые когда-то околдовали меня.

— Просто никому не рассказывай о том, что она сделала, — сказал Эйс.

— Что я сделала?

Он приподнял бровь.

— Твоё маленькое водное шоу.

О, Это.

Круз кивнул, а затем взмыл в небо и стрелой промчался над линией деревьев.

Я задрожала, хотя Эйс был в нескольких дюймах от меня, и его тепло обжигало мою кожу, впитывая влагу из волокон моей майки.

— Так много смертей.

— У каждой войны есть свои жертвы.

— Но это не обязательно должна быть война.

— Охотники охотятся за нами. Они убили двоих из наших. Что бы ты хотела, чтобы мы сделали, Кэт? Спрятались в Неверре?

— Нет. Я имею в виду, я не знаю, — я облизнула пересохшие губы, думая о решении. Использование моего мозга для решения проблемы творило чудеса, притупляя боль. Я чуть не забыла о своей руке. — Тебе обязательно прилетать на Землю?

— Что ты предлагаешь? Запрет на поездки?

— Я просто спрашиваю. Зачем вы вообще сюда пришли? Твой мир звучит прекрасно.

— Почему ты поехала учиться в Бостон? Почему ты ездила в Мексику со своими родителями прошлым летом или в Европу позапрошлым летом?

— Откуда ты знаешь, где я путешествовала?

— Ты не думаешь, что фейри следили за твоим кладбищем? За тобой? Но это не относится к делу, Катори. Почему ты путешествуешь?

— Чтобы сбежать из Роуэна, чтобы увидеть больше мира.

— Вот почему мы, фейри, приходим сюда. Мы пришли сюда не для того, чтобы убивать. Мы пришли сюда, чтобы осмотреть достопримечательности. Чтобы познакомиться с новыми людьми. Учиться. Благодаря тому, что мы собрали и посмотрели, мы строим первый в истории лифт в Неверре. Это позволит обитателям болот подниматься над туманом, когда им заблагорассудится. Им не придётся тратить часы, дни, поднимаясь по спиральям. Им не придётся торговаться с фейри за то, чтобы их подвезли. Охотники верят, что у нас злые намерения, что мы желаем Армагеддона на этой планете, чтобы мы могли захватить её. У нас нет таких амбиций.

Его слова погружались в меня одно за другим, как кирпичи в игре в Тетрис. И, как в Тетрисе, я отвела их в сторону или перевернула, чтобы они могли аккуратно сцепиться.

— То есть вы — исследователи?

Губы Эйса дрогнули, затем изогнулись, а затем разошлись со смехом. Когда он понял, насколько серьёзной я оставалась, он перестал смеяться.

— Что? Ты только сейчас это поняла?

Мои губы приоткрылись в беззвучном вздохе.

— Ты только что переместила воду своим разумом, и всё же ты в шоке от этого прозрения? Когда-нибудь, Китти-Кэт, тебе придётся объяснить, как работает твой разум. Но прямо сейчас давай тебя подлатаем. Готова к полёту?

Я всё ещё была слишком потрясена, чтобы говорить.

— Я воспринимаю это как "да", — он подхватил меня, одной рукой под колени, а другой за шею, а затем рванул вверх. Я закрыла глаза, когда мы поднялись в прохладный, потрескивающий воздух. Ветер коснулся моих щёк, откинул назад мой конский хвост, в то время как тепло Эйса распространилось, как бальзам по моей коже и расслабило напряжённые мышцы. Это напомнило мне о том, как я лежала на рыбацкой лодке дедушки Блейка, когда она на полном газу неслась по озеру Мичиган в летнюю жару.

Слишком скоро мы остановились, и Эйс поставил меня на переднее крыльцо. Лоб фейри наморщился, и его глаза переместились в точку над моей головой. Он спрыгнул с крыльца и зажал уши ладонями.

— Почему железо висит над твоей дверью?

Я посмотрела на колокольчики, затем снова на Эйса, а затем самодовольно улыбнулась.

— Мне было интересно, как именно это работает, — теперь я знала. Это было похоже на ультразвуковой ошейник для собак.

Я подошла к своей входной двери и попыталась открыть её, но папа запер её. И я не взяла свои ключи, потому что должна была встретиться с ним у Би. Мой телефон показывал, что было 2:30 дня. Я написала папе, что принимаю душ, чтобы он не волновался, а потом проверила окна гостиной, но они были заперты. Я вспомнила, как открывала то, что было в моей спальне тем утром. Я сошла с крыльца и прикрыла глаза рукой. Я надеялась, что папа не закрыл его. Я действительно не хотела встречаться с ним, пока выглядела как раненая крыса, которая каталась в совке для мусора.

Оно было открыто!

— Ты можешь доставить меня в мою спальню?

Он взглянул на колокольчики. Стиснув зубы, он схватил меня, оттолкнулся от земли и подлетел к моему окну. Я попыталась вспомнить, испытывал ли Круз такую сильную боль в первую ночь, когда я встретила его. Он не прижимал ладони к ушам. Я бы это запомнила.

Я просунула ноги в отверстие и вошла внутрь. Эйс влетел в мою спальню, а затем с такой силой захлопнул окно, что раздался громкий свист.

— Ты собираешься сказать мне, чтобы я это сняла? — спросила я.

— Это твой дом. Если это заставит тебя чувствовать себя в большей безопасности, оставь это.

— Если фейри всё ещё могут проникнуть в мой дом, то это не служит большой цели, не так ли?

— Это отпугнуло бы большинство фейри.

— Но не тебя?

— Чтобы держать меня подальше, нужно гораздо больше.

Я прикусила губу.

— Мне жаль, что я обвинила тебя в смерти Холли.

— Да. Мне тоже, — он потёр затылок, покрытый сажей. Большая часть его тела всё ещё была покрыта пеплом.

— Ты хочешь принять душ?

Его зрачки запульсировали, а затем уголки губ приподнялись.

— Ты думаешь, что простое извинение принесёт тебе душ с принцем фейри? Не знаю, что ты слышала, но я не так прост.

Я покраснела, а потом закатила глаза.

— О, Боже мой, приди в себя. Я не хочу принимать душ с тобой. Я предлагаю тебе принять душ в моём доме. Вот и всё.

— Я просто дразнил тебя.

— Конечно.

Внезапно тишина стала невероятно неловкой. Наши взгляды встретились, метнулись в сторону, затем снова встретились.

— Я приму душ, когда вернусь домой, — наконец сказал он.

— Теперь я в порядке. Ты можешь идти, если хочешь.

— Разве тебе не нужна помощь, чтобы зашить рану?

Я ненавидела просить о помощи, но Борго ударил меня ножом в правую руку, а я была правой. Зашить её было бы непросто.

— Может быть, я могу просто наклеить на неё несколько стерильных полосок. Чтобы держать её закрытой.

— Раны рябинового дерева не заживают сами по себе. По крайней мере, не тогда, когда ты фейри. Кожу нужно снова сомкнуть, чтобы она зажила.

— Но я не фейри.

— Я не знаю, кто ты, Кэт.

Как и я.

— Послушай, если ты хочешь рискнуть получить дырку в руке на всю оставшуюся жизнь, тогда попробуй заклеить её скотчем. Если она не заживёт, это станет отличным началом разговора во время скучных обедов.

Я уставилась на свою рану. Я ни за что не рискнула бы оставить крошечный кратер в своей руке.

— Прекрасно. Да. Мне нужна твоя помощь, — я вошла в ванную и закрыла дверь.

— Тебе нужна помощь, чтобы снять одежду? — спросил Эйс. — Я хорошо разбираюсь в спандексе.

Хотя я не могла его видеть, я могла сказать, что он ухмылялся.

В ответ я заперла дверь.

ГЛАВА 21. ПОСЛЕ ШТОРМА

Мыть волосы одной рукой непросто. Но когда ты покрыт чьим-то пеплом, ты обходишься любыми конечностями, чтобы отскрестись дочиста. Я тёрла кожу мылом с ароматом лаванды, которое сделала мне Айлен. От него почти ничего не осталось.

Вытершись полотенцем, как могла, я открыла дверь своей ванной. Эйс стоял у моего окна, осматривая кладбище.

— Ты довольно много знаешь об этом кладбище, не так ли? — спросила я.

Он повернулся ко мне, и его взгляд упал на край моего полотенца. Если бы он был любым другим парнем, я, возможно, смутилась бы, стоя перед ним в полотенце, но, учитывая, как сильно он оскорблял охотниц, я знала, что любой разговор с намеком на флирт, был просто... разговором. Это был Эйс. Эйс не мог ни с кем серьёзно говорить без сбивающих с толку намёков.

— Не так ли? — повторила я.

Его глаза снова метнулись к моему лицу.

— Есть что-то, что ты хочешь знать?

— Когда Лею похоронили, в какое растение она превратилась?

Он бросил взгляд на мой жёлтый ловец снов.

— Не знаю.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы знать?

— Ты спрашивала Астру?

— Ещё нет. Я слышала, что она не слишком хорошо себя чувствует.

— Нет. Последний месяц она провела в больнице Милосердия.

— Откуда ты это знаешь?

— Я навещаю её. Когда я был ребёнком, она заботилась обо мне, будет справедливо, если я позабочусь о ней сейчас.

Кто этот человек, стоящий передо мной?

Он зачесал свои тёмно-золотистые волосы назад.

— Ты собираешься одеваться? Или это твой наряд?

Я ухмыльнулась.

— Верно, тебе, наверное, не нужны полотенца. Ты высохнешь в ту же секунду, как выключишь душ?

— Хочешь выяснить?

— Я сомневаюсь, что твоя невеста это оценит, — выпалила я в ответ.

Ни малейшего намёка на улыбку не появилось на его лице.

— Где твоя аптечка первой помощи?

— На кухне. Под раковиной.

Он пошёл забрать её, пока я натягивала первое, что нашла: короткое платье с принтом статуи свободы. Я натягивала бордовые колготки, когда он вернулся.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь зашивал?

— Нет.

— Значит, я твоя морская свинка?

— Беспокоишься?

— Ни в малейшей степени. Насколько это может быть плохо?

Морщась от отсутствия анестетика, я чувствовала каждый прокол металлом, каждое натяжение нити. Холодный пот выступил у меня на затылке. Я приказала себе не терять сознание от боли.

— Что ты больше всего любишь есть? — спросил Эйс.

— Я не знаю, — сказала я сквозь стиснутые зубы.

— У каждого есть любимая еда.

— Спагетти, — я задержала дыхание, когда игла вошла внутрь. — С маслом и кетчупом.

— Моё любимое блюдо — гамбургер.

— Правда?

Он проколол мою кожу.

— Жители Земли делают их так хорошо. Я думаю, всё дело в мясе. Мясо на Неверре не такое вкусное.

Я зажала рот, чтобы не завизжать.

— Что ты больше всего любишь пить?

— Воду.

— Не будь занудой, ну же.

— Всё, в чем есть пузырьки, — я глубоко вздохнула, когда он вытащил иглу и медленно потянул за нитку. — Ты?

Мне едва удалось спросить.

— Виски. Мне нравится аромат дыма, — он перерезал нить. — Ладно, мы всё закончили. Но у меня закончились леденцы на палочке.

Несмотря на то, что моя пульсирующая рука была словно в огне, я улыбнулась.

— Я всегда предпочитала наклейки.

Я пошла, посмотреть на дело его рук в зеркало в ванной.

Когда он продезинфицировал иглу вспышкой огня из своих пальцев, он сказал:

— Лучше, чем дырка?

— Лучше, чем большинство швов, которые я видела. Ты тайно работаешь врачом в Неверре?

Он закрыл белую пластиковую коробку.

— Есть ли вообще врачи на вашей планете?

— Ты ищешь работу?

— Почему ты никогда не даёшь мне прямого ответа?

Мой телефон зазвонил. Я стащила его с одеяла. Это был папа, он спрашивал меня, что я хочу съесть. Я напечатала: "Спагетти". Затем я натянула свитер, чтобы папа не увидел мою рану.

— Хочешь пообедать? — спросила я, хотя и надеялась, что он мне откажет.

Не потому, что он всё ещё был покрыт пеплом, а потому, что приводить Эйса Вуда на обед с моим отцом в "Би" было немного странно. Конечно, вещи в моей жизни уже были странными, но в жизни моего отца они только возвращались в нормальное русло.

— Мне нужно возвращаться.

Почувствовал ли он, что я не хочу, чтобы он приходил?

— Как я могу связаться с тобой? Если бы мне нужно было связаться с тобой, то есть? — спросила я.

— У тебя есть номер моего телефона. И если это не работает, увеличь частоту сердечных сокращений.

— Как я должна увеличить частоту сердечных сокращений?

— Разве у тебя нет игрушек?

— Игрушек? — спросила я, представляя деревянные кубики и кухонный гарнитур.

Когда я увидела, как он бросил взгляд в сторону моей тумбочки, я поняла, какую игрушку он имел в виду, и покраснела.

Уголок его рта слегка приподнялся.

— Тебе действительно нравится ставить меня в неловкое положение, — пробормотала я.

Он усмехнулся.

Я собрала волосы в пучок и завязала его узлом. Он будет держаться до тех пор, пока не высохнет.

— Кстати, спасибо.

— За совет?

— Нет. За то, что зашил рану. Я должна... Чёрт, я тебе должна?

Он одарил меня наглой улыбкой.

— Может быть.

— Дай мне прямой ответ.

— Дай мне свою подушку.

— Мою подушку? — спросила я, широко раскрыв глаза. — Что тебе нужно от моей подушки?

— Дай мне свою подушку, Катори.

У меня начались спазмы в животе, и это было не от голода. Я действительно была в долгу перед Эйсом. Прежде чем боль усилилась, я подскочила к изголовью кровати, сдёрнула подушку с кровати и бросила в него, как будто это была горячая картошка. Он сжал её между своими длинными пальцами, и судороги немедленно прекратились. Я выполнила свою часть сделки.

— Вот. Теперь ты мне больше ничего не должна, — он вернул подушку на прежнее место. — Я воспользуюсь твоим кухонным окном, чтобы уйти. Это дальше от качающейся терки для мозгов.

А потом он ушёл, и я осталась одна. Я этого хотела. Но не совсем.

Я взяла ключи от машины и поехала к Би, прокручивая в голове каждую минуту своего утра. Вскоре моя голова пульсировала так же настойчиво, как и рука.

Припарковавшись перед рестораном, я сидела в машине и стала наблюдать за оживлённой сценой ужина через стекло. Я представила, как моя мама сидит рядом с моим отцом, сжимает его руку, как она всегда делала, и смеётся над одной из историй Би. Я видела, как Блейк вышел из кухни, чтобы лично доставить нам еду, как он всегда делал. Я увидела себя сидящей напротив родителей, с длинной косой, перекинутой через плечо, и спрашивающей Блейка, не хочет ли он пойти со мной в кино после смены.

Я моргнула.

Остались только папа и Би.

ГЛАВА 22. ОХОТА ЗА СОКРОВИЩАМИ

На следующий день я получила электронное письмо от "Форест Принт". У них был подвал, полный архивов, но не хватало персонала, чтобы просмотреть их и предоставить мне своевременный ответ. Я ответила, спрашивая, могу ли я пойти и поискать их сама. Через день я получила приглашение на исследование. Если я не ошиблась в логотипе, книга Холли была всего в двухстах милях отсюда. Я позвонила Касс, чтобы узнать, готова ли она отправиться в путешествие и покопаться в стопках папок.

Полчаса спустя Касс выбежала к моей неработающей машине, взмахивая косичками.

— Давай, давай, давай, — сказала она, постукивая по приборной панели.

— От кого мы убегаем?

— От мамы. Она хочет, чтобы я поехала с ней в Хоум Депо за садовыми принадлежностями.

Я отъехала от её дома и поехала в сторону автотрассы 37.

— Ты любишь ходить по магазинам.

— За одеждой. Не для мульчи и Чудо-Гро. К тому же она может провести там весь свой день. Только в мобильном телефоне не так много батареек.

Я усмехнулась, но потом вспомнила фрагменты своего разговора с Эйсом.

— Я слышала, твоя бабушка в больнице. Почему ты мне не сказала?

Её радость от того, что она сбежала от матери, угасла.

— Я думала, у тебя и так достаточно забот после того, что случилось с твоей мамой и Блейком.

— Но это не значит, что я не хочу слышать, что происходит в твоей жизни, — я потянулась через подлокотник, чтобы сжать её руку. — В течение следующих трёх часов ты рассказываешь мне обо всём, что происходит в твоей жизни.

— Честно говоря, там не так уж много.

— Ты так и не сказала мне, почему всё закончилось с Декланом.

После того, как я упомянула её бывшего, Касс без труда придумала трёхчасовой разговор. За время поездки я, должно быть, произнесла в общей сложности двадцать слов, и это включало мой заказ на обед в закусочной в Лансинге. К тому времени, когда мы подъехали к "Форест Принт Пресс", квадратному кирпичному зданию на берегу реки с окнами размером с мансарду напротив парка Белль-Айл, я была в курсе всего, что происходило в жизни Касс.

— Это чертовски ценная недвижимость, — сказала она, выходя из машины.

Металлическая табличка над большими дверями указывала на 1906 год. Я задавалась вопросом, был ли этот район столетие назад уже богатым.

Мы вошли в огромное, наполненное светом здание, заполненное цифровыми принтерами и изящными компьютерами. Владелец, мистер Томпсон, поприветствовал нас, провёл экскурсию по помещениям и, наконец, проводил в подвал. Он был чрезвычайно разговорчив — вероятно, у него было не так уж много посетителей.

— Четвёртое поколение, — сказал он с гордостью.

— Не может быть, — вежливо ответила Касс. Это был третий раз, когда он говорил нам об этом.

Я повернулась к ряду полок и заставила себя придумать что-нибудь не смешное, чтобы скрыть ухмылку. То, что пришло мне в голову, была книга Холли. Это творило чудеса.

— Так с чего же нам начать поиски? Они организованы по датам? — я осмотрела ряды металлических стеллажей, заставленных картонными коробками.

— Раньше были, но подвал был затоплен десять лет назад, а потом коробки были беспорядочно переставлены.

Касс хрустнула костяшками пальцев.

— Я думаю, сегодня мы будем спать здесь.

— О, вы не можете спать здесь, внизу, — сказал мужчина. Он потёр лысину на макушке.

— Эм, это была шутка, — сказала она.

— Туалеты находятся дальше по коридору направо. Там также есть фонтан с водой, — он направился обратно к лифту. — Мы закрываемся в шесть, девочки. Надеюсь, к тому времени вы найдёте свои металлические пластины.

— Надеюсь, — сказала я, когда дверь лифта закрылась. Я положила сумку на пол и вытащила случайную коробку. Внутри были ряды тонких металлических листов с

гравировкой и папка с пожелтевшей распечаткой с надписью "Деяния милосердия". Я отодвинула коробку назад.

— Итак, мы ищем книгу под названием "Дерево ведьм".

— Скажи мне ещё раз, почему?

— Семейная история, — загадочно сказала я.

— Этого нет в Википедии?

Я покачала головой.

— После этого ты должна мне действительно хороший обед, — сказала она, идя по первому ряду.

— Кэт, я пойду принесу нам пару латте, хорошо? — крикнула Касс из-за одного из металлических стеллажей.

Мгновение спустя лифт звякнул и со свистом закрылся. Как мне повезло, что у меня была такая замечательная подруга! Я представляла сегодняшний день как путешествие или охоту за сокровищами. Часть о путешествии по дороге была точной, но часть об охоте за сокровищами была гораздо менее захватывающей, чем я себе представляла.

Мы пробывали там три бесплодных часа. Мои руки болели от перемещения коробок. Рана и близко не зажила. К счастью, она также не была инфицирована. Я глотала таблетки Тайленола, как будто это были M&Ms, чтобы справиться с тупой пульсацией.

Я напряглась, чтобы прочитать слова на ещё одной металлической пластине, которая не сопровождалась распечаткой. Зеркало было бы кстати, учитывая, что буквы были задом наперёд. Я поставила коробку на место, помассировала виски, а затем потянулась за следующей коробкой. Большинство архивов были переупакованы после наводнения в пустые коробки, что делало мои поиски почти нелепыми. Как я должна была найти одну коробку в этом картонном море?

Я заглянула, прежде чем вернуть её на место. Нет. Я потеряла ладони друг о друга, чтобы избавиться от тонкого слоя пыли — подвал, скорее всего, не убирали со времен наводнения. Пыль напомнила мне о Борго, что заставило меня подумать о Каджике и Крузе.

Уязвлённая несправедливой критикой охотника, я не позвонила ему. Что именно я должна была сказать? Ты должен передо мной извиниться? Будет ли достаточно извинения, чтобы стереть его жестокие слова? Даже если они были произнесены в гневе, они были произнесены. Что означало, что они были мыслями. Я выдохнула, пытаюсь вытолкнуть все мысли об охотнике вместе со своим дыханием.

Я потянулась к верхней полке за коробкой. Несмотря на то, что я была высокой, мне пришлось приподняться на цыпочки, чтобы ухватиться за неё. Как только мне удалось зацепиться, свет погас.

Я дёрнулась, стаскивая коробку с полки. Я отскочила назад и взмахнула руками в сторону, что натянуло швы и разбудило нежную рану. Как тонна кирпичей, коробка упала и с громким лязгом ударилась об пол. Я застонала и прищурилась, чтобы что-нибудь разглядеть, но вокруг была крошечная тьма. Единственным источником света было слабое свечение моей метки, но оно и близко не было достаточно ярким, чтобы направлять меня.

Чтобы не врезаться в стену, я вытянула перед собой здоровую руку. Пальцы наткнулись на холодный металл. Я медленно потащила их вдоль полок, следуя их пути. Когда картон и металл превратились в воздух, я поняла, что снова нахожусь в проходе. Всё ещё протягивая руку, я двинулась к лифту. Моё сердце бешено колотилось в груди. Это напомнило мне о ярмарке, которая была в Роуэне в августе, или, точнее, о доме ужасов, где манекены с

горящими зелёными глазами прыгали на вас, когда вы шли по тёмному лабиринту. Раньше я искала острых ощущений, но это было до того, как они искали меня. В наши дни мне бы не помешало чертовски меньше волнений.

Дверь со щелчком закрылась, и я подпрыгнула.

— Касс? — позвала я.

Никто не ответил.

Неужели мой разум выдумал этот звук, настолько отчаянно он нуждался в общении в темноте? Я продолжала идти, но так медленно, что улитка могла бы опередить меня до лифта. Моя ладонь ударилась обо что-то твёрдое. Если бы не было тепло, я бы решила, что это стена. Определённо не стена.

Что-то быстро затрепетало под моими кончиками пальцев. Сердцебиение. Я убрала руку и скрючила пальцы.

— Касс? — тихо спросила я, молясь, чтобы это не оказался мистер Томпсон.

Никакого ответа. Я попятилась, сердце бешено колотилось.

— Кто там? — спросила я. Мой голос дрогнул.

Раздался тихий смешок. А потом замерцала свеча. Не свеча. Ладонь. И ладони поднялась, чтобы осветить лицо.

Я фыркнула, когда увидела, чьёму телу принадлежала эта ладонь.

— Ради Бога, Эйс, ты не мог что-нибудь сказать? Тебе обязательно было подкрадываться ко мне?

— Я не подкрадываюсь, я летаю.

Я закатила глаза.

— Плюс, я предполагал, что ты догадаешься, что это была не Касс. Она примерно на голову ниже, и у неё есть сиськи. Не то чтобы я когда-либо смотрел.

— Верно...

Как будто я когда-нибудь поверю, что Эйс не паялился на Касс. Она была отчасти фейри, как он, и она была женщиной. Я была почти уверена, что это выигрышная комбинация для Эйса. Хотя, может быть, быть женщиной было достаточно. До тех пор, пока эта женщина не была охотницей.

— Как ты думаешь, кто это был? — спросил он.

— Кто-то, кто здесь работал.

— Где именно это здесь, Катори?

— В подвале.

Он обвёл своей пылающей рукой вокруг.

— Я могу это видеть. Я имею в виду, почему ты в этом подвале?

— Я кое-что ищу.

Он посмотрел на меня.

— С чем мне не нужна твоя помощь, — добавила я.

— Но я здесь. С таким же успехом ты могла бы использовать меня.

— У меня есть Касс.

— Я её не вижу.

— Потому что она пошла, принести нам кофе.

— И почему ты в темноте? Эта штука, которую ты ищешь, светится?

— Нет, — если бы это было так, поиск был бы намного проще. — Разве у тебя нет дел? — спросила я, пытаюсь избавиться от Эйса. — Может быть, нужно позаботиться о

беременной жене?

— Она не моя жена, и у неё полный двор слуг, которые выполняют её приказы. Я ей не нужен.

— Может быть, она хочет, чтобы ты был с ней.

— Она этого не хочет.

Хорошо. Так что линия нуждающейся невесты не сработала.

— Никаких новых охотников, которых нужно проверить?

— Лусионага в настоящее время отвечает за них; я был освобождён от своих обязанностей.

Стражи фейри были зловными паразитами. Они рассекали плоть и заполняли раны пылью. Это они напали на Гвенельду и отравили её.

Должно быть, я побледнела, потому что Эйс добавил:

— Им не разрешается убивать.

— Они подчиняются приказам?

— Очевидно, лучше, чем мы с Крузом.

— А как насчёт Каджики?

— А что насчёт него?

— Почему Круз не здесь?

— Ты бы предпочла, чтобы Круз был здесь?

— Я бы предпочла, чтобы здесь никого не было.

— Отец не санкционировал убийство. Борго всё-таки покончил с собой.

Облегчение наполнило меня как раз в тот момент, когда ряды флуоресцентных ламп ожили, заливая комнату яркостью. Я моргнула.

— Я думала, ты оставила... — Касс замолчала при виде Эйса. — О, привет, — она нахмурилась, глядя на меня. — Эм. Ты не сказала мне, что он приедет.

Она подёрнула себя за косички, расчесала чёлку, как прихорашивающаяся птичка. Мне было интересно, заинтересовался ли Эйс. Если бы это было так, сказал бы он ей, кто она такая? И если бы она узнала, кем она была, возненавидела бы Касс меня за то, кем я была?

— Я не знала, что он придёт, — сказала я.

— Тогда как он нашёл нас?

— Я печатал приглашения на свадьбу моей сестры. Мир тесен.

Касс не стала возражать против его удобного объяснения.

— Я слышала, ты устраиваешь свадьбу на Бобровом острове. Есть шанс, что мы сможем получить несколько приглашений?

Я уставилась на Касс, а затем на Эйса.

— Ты устраиваешь свадьбу в Мичигане?

— Бобровый остров — наш дом.

Верно. Это было то место, где, по их словам, они жили. Лайнус Вуд купил остров и построил на нём дома для своей семьи и друзей. Я предполагала, что на самом деле никто не пользовался этими домами, но, возможно, я ошибалась.

Взгляд Эйса переместился с моего лица на руку, которую я прижимала к груди. Прежде чем я успела среагировать, он задрал рукав моей блузки.

— Она сильно кровоточила?

— Что-то кровоточит? — спросила Касс. Она ненавидела вид крови. Она упала в обморок во время биологии в младших классах, когда нам пришлось уколоть палец и

выдавить каплю на предметное стекло.

— Ничего страшного, — сказала я Касс. — Не смотри.

Она сделала шаг ко мне. Я высвободила руку и опустила рукав поверх окровавленной повязки, но ткань тоже была испачкана. Её глаза начали закатываться к затылку.

— Хватай её, — сказала я Эйсу.

Он прыгнул вперёд и поймал её прямо перед тем, как она упала, затем усадил её спиной к стене. К сожалению, у него не было времени поймать два бумажных стаканчика с кофе, которые она несла. Они столкнулись на полу, колпачки полетели, кофе выплеснулся наружу.

Касс пощадил, но джинсы Эйса приняли на себя основную тяжесть происшествия.

— Ты в порядке? — спросила я Эйса.

Длинная прядь темно-русых волос упала ему на глаза. Он откинул её со лба.

— Я?

Я указала на его джинсы.

— О... Я не чувствую жара.

— Правильно.

Бросив быстрый взгляд на Касс, чья голова упала на плечо, его ладони загорелись. Он провёл ими по штанам. Пламя съело пятно, но даже не опалило хлопок. Он сжал кулак и погасил огонь как раз в тот момент, когда Касс пришла в себя.

— Ч-что случилось?

Я присела на корточки рядом со своей подругой и взяла её за руку.

— Кровь.

— Фу, — она потёрла заднюю часть шеи. А потом она взвизгнула. — Наш кофе!

— Мы можем получить новый.

— Но беспорядок, — сказала она.

— Я принесу несколько бумажных полотенец, — сказала я, вставая.

— Я позабочусь об этом, но сначала давай позаботимся о твоей руке, — сказал Эйс.

Касс взглянула на мою руку, затем зажмурилась.

— Что случилось с твоей рукой?

— Ударила об одну из полок.

— Серьёзно? — Касс застонала. — Ох.

— Не пытайся встать, пока я не вернусь, — сказала я.

Она кивнула, крепко зажмурив глаза.

Я пошла, забрать свою сумку, затем направилась в туалет. Эйс последовал за мной внутрь.

— Я в порядке, Эйс.

— Охотники обычно быстро исцеляются.

Я склонила лицо набок.

— Ты уже навесил на меня ярлык, не так ли? Извини, что разочаровала тебя, но я, кажется, не помещаюсь в аккуратную маленькую коробочку, — я ухватила за прохладный край раковины. — Почему ты вообще всё ещё здесь? Тебе приказали присматривать за мной, чтобы убедиться, что я не перейду на другую сторону?

Он вздрогнул от моего тона.

— Я здесь, потому что твоя метка загорелась, а Круз не смог прийти.

— Но почему ты всё ещё здесь? Мне ничего не угрожает.

Его ноздри раздулись.

— Ты выключил свет, чтобы я взбесилась? Чтобы моя метка засветилась? Чтобы у тебя был предлог ворваться сюда? Чтобы твой шпионаж не казался таким подозрительным?

— Ты поймала меня.

Я уставилась на него, потрясённая тем, что он только что признался в теории заговора, которую я придумала на месте. После шока пришло разочарование, а затем гнев. К счастью, слёз не было, но мои глаза потеплели.

Я никому не могла доверять.

— Не мог бы ты, пожалуйста, уйти? — спросила я срывающимся голосом.

И он ушел.

ГЛАВА 23. СВЯЗЬ

— На самом деле это довольно мило, — сказала Касс, растягиваясь на кровати в гостиничном номере, который мы только что забронировали в Детройте. После пяти часов поисков мы вернулись с пустыми руками, но посмотрели только треть архивов.

— Надеюсь, завтра нам повезёт, — сказала я.

— Надеюсь, сегодня нам повезёт, — сказала она, сжимая подушку.

— Мы не можем просто вломиться.

Она приподняла брови.

— Я говорю не о твоей книге.

Я поморщилась.

— О, да ладно тебе. Ты должна освободиться! Плюс я заказала нам столик в ресторане "Ноны Джины", который в полночь превращается в клуб. Это будет потрясающе, — она снова перевернулась на кровати. — Но сначала давай купим кое-какую одежду. Ты, очевидно, не можешь это надеть, — она сморщила нос от коричневатого пятна, которое я пыталась убрать, когда перевязывала рану, — и я заметила платье в магазине в двух кварталах отсюда, на котором написано моё имя.

— Оно розовое? — спросила я.

— Оно розовое.

Я выдавила улыбку.

После покупки одежды мы зашли в CVS за чулками и туалетными принадлежностями. Я позволила Касс, которая принесла пенал, набитый косметикой, нарядить меня, как она делала на выпускной — на каждые школьные танцы, если уж на то пошло.

— Этот цвет, — сказала она. — С этого момента ты должна носить одежду только этого цвета.

— Я выгляжу голой.

Касс убедила меня купить платье телесного цвета с бретельками-спагетти и эластичной талией. Я была первой, кто признал, что это было красиво — наполовину, — но я действительно чувствовала себя голой и совсем девочкой. С другой стороны, с моими прозрачными чёрными чулками, моими боевыми ботинками и моей кожаной курткой — которую я бы не сняла, учитывая огромную белую повязку, обернутую вокруг моего предплечья, — это было сдержанно по-девчачьи.

— Я так взволнована сегодняшним вечером, — сказала она. — Это будет так здорово.

Несмотря на то, что я пыталась соответствовать её волнению, я всё ещё была невероятно зла и разочарована Эйсом и беспокоилась о люционага и охотниках.

К тому времени, как мы направились к ресторану, небо стало пурпурным. Я искала звёзды, но огни Детройта заслонили небо. Я опустила взгляд, понимая, что если бы светила луна, я могла бы заметить фейри. Если таковые вообще были в городе. Может быть, они прятались в своём волшебном бункере. Тем не менее, я держала руку в сумке, обхватив одну из стрел, которые я привезла из Роуэна.

Детройт отличался от Роуэна. Я почти скучала по нашему тихому городку на берегу озера, но потом из ресторанов донеслась музыка вместе с восхитительными ароматами экзотической кухни, и я решила, что не так уж сильно скучаю по Роуэну. Несмотря на то, что я никогда не была и никогда не поеду в Неверру, я понимала, какое притяжение оказывает посещение Земли на фейри.

Когда мы пришли в ресторан, метрдотель не сразу усадил нас. Он заставил нас подождать в баре. Я позволила Касс сделать заказ, надеясь, что у нас не потребуют удостоверение личности. У нас их не было.

— Так что это такое? — спросила я, потягивая светящийся красный напиток.

— Кир роял, — сказала она.

Я попробовала его — восхитительно фруктовый и игристый — и выпила слишком быстро. Как и Касс. Мы заказали ещё два как раз перед тем, как нас провели к нашему столику.

Я застыла на полпути.

— Что они здесь делают, Касс?

— Я сказала им присоединиться к нам. Я подумала, что было бы неплохо всем вместе потусоваться.

Эйс и Лили сидели за круглым столом, накрытым на четверых.

Я медленно вдохнула, затем ещё медленнее выдохнула.

— Что? — спросила она. — Ты не хотела, чтобы я их приглашала?

Я определённо не хотела видеть ни одного из них.

— Всё в порядке, — я снова пошла. Когда мы приблизились, два фейри подняли головы. Я скользнула на сиденье рядом с Лили и нацепила суперфальшивую улыбку. — Как забавно встретиться.

Её выразительные тёмные брови сошлись к переносице. Она посмотрела на своего брата, который что-то написал. Она что-то написала в ответ.

— Как идут приготовления к вашей свадьбе? Ты нашла своё платье? — спросила я.

Она покачала головой, и её прямые светлые волосы коснулись её обнажённых лопаток. На ней было сверкающее кольцо, инкрустированное смесью жемчуга и бриллиантов, и белое платье без бретелек, на фоне которого мой обнажённый образ выглядел как монашеский наряд.

Я сбросила куртку, согретая алкоголем и раздражением от того, что мне пришлось провести свободную ночь за светской беседой с двумя фейри — или только с одной, так как Касс втянула Эйса в разговор.

Лили взглянула на мою руку. Когда она не задала никаких вопросов, я сделала вывод, что ей либо всё равно, либо Круз рассказал о событиях, которые привели к моей ране.

— Вы собираетесь устроить двойную свадьбу? — спросила Касс, когда перед нами поставили закуски.

Эйс откинул назад волосы, хотя они были закреплены гелем и не нуждались в поправке.

— Я ещё не нашёл свой идеальный свадебный костюм. Не могу жениться, пока не

сделаю этого.

— Я не знала, что женихи так заботятся о том, чтобы выглядеть красиво, — сказала я.

Лили улыбнулась, в то время как Касс смотрела на меня широко раскрытыми глазами, потрясённая тем, что я посмела дразнить Эйса Вуда.

— А ты не можешь нанять портного, чтобы он сшил его для тебя на заказ? — спросила Касс.

— Наш портной занят пошивом платья Лили, — ответил Эйс.

Лили сжала губы и посмотрела на брата, и этот единственный взгляд был полон смысла. Неужели он не хотел жениться? У него должен родиться ребёнок. Разве дети не были гораздо более обязательными, чем установленный союз?

— У тебя есть фотографии твоего платья, Лили? — спросила Касс.

Лили покачала головой, но улыбнулась Касс.

— Держу пари, оно будет великолепно, — сказала Касс.

— Извините, я должен ответить.

Эйс встал, вытащил свой звонящий телефон из кармана джинсов и вышел из ресторана.

— Я собираюсь пойти освежиться. Я сейчас вернусь, — Касс спросила официанта где туалет и направилась в указанном им направлении.

Как только она ушла, я спросила Лили:

— Почему ты на самом деле здесь?

Она набрала на своём телефоне.

"Я здесь, потому что мне нужно было поговорить с тобой. Эйс сопровождает меня, потому что я его умоляла".

Я села прямее.

— О чём тебе нужно со мной поговорить?

"Связь", — написала она.

Я нахмурилась.

"Я нашла способ разорвать её без смерти".

Я втянула в себя воздух.

— Ты нашла способ?

Она кивнула.

— Это... это лучшая новость, которую я получила за всю мою жизнь, — я почти могла бы обнять Лили, но ни Лили, ни я не были из тех, кто любит обниматься. — Как?

"Мы переведём твою связь".

— Переведём?

"К другому фейри".

— Что? Нет! — я сказала это слишком громко. — Я имею в виду, я думала, что ты нашла способ разрушить её, а не передать кому-то другому. Как это может быть лучшим решением?

Она опустила глаза на свой телефон и напечатала. Её морозно-розовые ногти блестели под широкой конической лампой, висевшей над нашим столом.

"Так будет лучше для меня", — написала она.

Она снова подняла на меня свои серые глаза. Они умоляли.

Я поняла, что она видела в магической связи, которая связывала меня с Крузом, угрозу их отношениям. Но не эта связь привлекла меня к нему.

"Возможно, это не наше идеальное решение, но ты не понимаешь, на что это похоже.

Каждый раз, когда связь вспыхивает, кто-то делает непристойный намёк. И если рядом нет никого, кто мог бы его сделать, он становится отстранённым. Он беспокоится. Это больно, Катери. Это действительно больно. Даже если Эйс вместо этого пойдёт к тебе, я не хочу, чтобы Круз даже думал о тебе. Ты понимаешь, не так ли?"

Я кивнула. Конечно, я поняла. Я поймала Эйса, возвращающегося к нашему столику, засовывающего телефон обратно в карман джинсов, озабоченно нахмурившего лоб. Я чувствовала, что это как-то связано с охотниками и стражами фейри, но не хотела спрашивать. Я не хотела разговаривать с Эйсом, если бы могла этого избежать. К тому же это должен был быть мой выходной.

— Он знает о решении? — спросила я.

— Я и есть решение, — сказал он, садясь.

Я переводила взгляд с брата на сестру, в ужасе от того, что Лили выбрала своего брата моим новым хранителем.

— Абсолютно нет.

— Потому что у тебя есть кто-то другой на примете? — спросил он.

Я пристально посмотрела на него.

Он скрестил руки на груди.

— Предложи другого кандидата, и я с радостью откажусь от своего предложения.

— Астра.

— Это работает только с чистой кровью фейри. Если это вообще сработает... — добавил он, взглянув на сестру. — Женщина, которая дала нам это решение, немного... ну, она немного дряхлая.

— Кто немного дряхлый? — спросила Касс, опускаясь на своё место. Она распушила чёлку и снова нанесла толстый слой красной помады.

— Друг семьи, — сказал Эйс.

Я уставилась на него через стол.

Касс спросила их, какие фильмы они смотрели в последнее время, что позволило мне кипеть в тишине. Я ни с кем не разговаривала до конца ужина. Я просто ела и пила. К концу трапезы моя голова стала лёгкой, как воздушный шарик с гелием, и на этот раз моё сердце тоже. Музыка становилась всё громче, она стучала внутри меня.

Я положила пальцы на стол и встала. Комната немного закружилась, но очень мило. Это было всё равно что смотреть в калейдоскоп, который мы соорудили с мамой.

Множество людей встало, чтобы потанцевать в пространстве между столами. Я покачивалась вместе с ними. Касс встала и наклонилась. Она заправила мои волосы за ухо и сказала:

— Я встретила парня по дороге в туалет.

Я подняла ей большой палец вверх.

— Иди, давай!

— Ну, кое-кто в лучшем настроении, — она ухмыльнулась.

— Покажи его.

Она кивнула в сторону парня в сером костюме.

— Не староват ли он для тебя? — на его лице не было морщин или чего-то в этом роде, но в волосах появилась седина.

— Мне нравятся зрелые мужчины. Я собираюсь пойти потанцевать с ним.

— Хорошо, но... — я позволила своему голосу затихнуть, так как она уже была вне

пределов слышимости.

Лили сунула свой телефон мне под нос.

"Ты не носишь своё ожерелье".

Я не ответила.

"Почему?" — написала она.

Я наклонилась к ней и сказала:

— Оно давало мне иллюзию, что я в безопасности.

Её брови нахмурились. Она посмотрела на своего брата, потом снова на меня. "Почему ты злишься на Эйса?"

"Потому что он следит за мной", — подумала я, но не сказала.

"Он не убивал Холли", — написала она.

Я нахмурилась, пока не поняла, что она думает, что я злюсь из-за этого.

— Я знаю, — сказала я. Затем громче, для Эйса, я добавила. — Я просто не люблю, когда за мной шпионят.

Он даже не взглянул в мою сторону, но сухожилия на его шее напряглись.

— Ты действительно не можешь придумать кого-нибудь другого для перевода, Лили? — спросила я её.

"Я могу, но они могут на самом деле захотеть быть связанными с тобой, чтобы убить тебя. Хочешь, я поспрашиваю вокруг?"

Ты не могла добавить сарказма в текстовое сообщение, но это сообщение сочилось им.

— Когда мы это сделаем? — спросила я.

"Как только Круз приедет сюда", она напечатала. "Он уже в пути".

Он был не в пути. Он уже прибыл.

ГЛАВА 24. ПОДМЕНИШИ

— Привет, Катори, — сказал Круз, подходя к столу. Под глазами у него были тёмные круги.

Я стояла неподвижно и слегка улыбнулась ему.

— Ты в порядке?

Он кивнул, точно так же, как я кивала, когда люди спрашивали меня, всё ли со мной в порядке после смерти мамы. Ты киваешь, чтобы не говорить об этом. Однако притворство не делало тебя счастливым.

— Мы сделаем это здесь? — спросила я сквозь громкую музыку.

Лили покачала головой, затем жестом пригласила нас следовать за ней. Круз шёл рядом с ней. Она вложила свою руку в его и повернула к нему своё милое личико. Он одарил её усталой улыбкой. Неужели он всё ещё верит, что она любит его как брата? Она, конечно, никогда так не смотрела на Эйса.

Когда я повернулась обратно к танцполу в поисках Касс — я не хотела исчезать от неё — я оказалась лицом к лицу с Эйсом. Даже при тусклом освещении его глаза сверкали голубым. В течение многих лет я мечтала о том, чтобы у меня были разноцветные глаза, как у моего отца, а не чёрные, как у мамы. Всякий раз, когда я жаловалась, она говорила мне, что цвет не делает глаза красивыми, не заставляет их сиять, что делало глаза прекрасными, так это души, смотрящие сквозь них.

— Передумала? — спросил он.

— А ты, нет?

— Это делает мою сестру счастливой, так что нет.

Я вздохнула.

— Я просто пойду и скажу Касс, что мы вернёмся через несколько минут. Это всё, что для этого потребуется, верно?

— Надеюсь.

Я пошла, поговорить с Касс, но она была так занята флиртом с парнем постарше, что едва слушала меня.

— Не уходи с ним, пока меня не будет, хорошо, — сказала я ей на ухо.

— Боже, — она сдула чёлку со лба. — Иди уже, мама.

Я посмотрела на парня, когда он увлёк Касс поглубже в толпу.

— Мне кажется, или он действительно выглядит неряшливо? — спросила я Эйса, который всё ещё стоял рядом со мной. Вероятно, чтобы убедиться, что я не сбегу. — Твоя родственная душа.

Эйс не улыбнулся моей шутке, которая была не очень-то похожа на шутку. Вместо этого адамово яблоко застряло у него в горле.

— Если он чем-то похож на меня, нам следует поторопиться, иначе ты не увидишь Касс до завтрашнего дня, и она будет не в состоянии тебе помочь.

Я фыркнула.

Когда мы выходили из "Нона Джина", я спросила:

— Твоя невеста не против того, что ты свяжешься со мной узами?

— Моей невесте насрать, с кем я связываюсь, лишь бы это была не она.

Я была ошеломлена резкостью его комментария.

— Может быть, тебе следовало обсудить ваши отношения, прежде чем принимать решение о рождении ребёнка в этом мире.

— Да, — вот и всё, что сказал Эйс.

Мы встретили Лили и Круза на тротуаре. Они светились так же ярко, как ночник в форме морской раковины, который мои родители включали ночью в розетку в прихожей.

Фейри прервали свой безмолвный разговор, когда увидели, что мы приближаемся. Затем они направились вниз по улице.

— Ваш язык жестов такой же, как наш? — я спросила их, хотя и предполагала это с тех пор, как мой отец, знавший пару слов, сумел пообщаться с Лили при первой встрече.

— Мы приняли тот, который они используют здесь. Лили — первая в своём роде, — Круз мягко улыбнулся ей сверху вниз.

— Борго тоже был единственным в своём роде? — спросила я, когда мы завернули за угол. — Он сказал мне, что не чувствует запахи.

— Его родители тоже пощадили его, — сказал Круз.

Я нахмурилась.

— Что значит пощадили его?

— Фейри-инвалидов обычно оставляют здесь, — Эйс объяснил. — Когда-нибудь слышала о подмешах?

— Ты имеешь в виду... ты имеешь в виду... — я остановилась. — Вы обмениваете детей-инвалидов на здоровых людей?

— Ага. Это был старый способ. Они также избавлялись от фейри, которых сочли неприятными с точки зрения внешнего вида, — объяснил Эйс. — Совершенство и сила —

две самые важные черты в фейри. Способствует оздоровлению общества, не так ли?

Должно быть, я выглядела испуганной, потому что Круз сказал:

— Лайнус принял закон после рождения Лили, согласно которому подменьши больше не разрешались.

— Наш отец, наш герой, верно, Лил? — сказал Эйс.

Лили поджала губы и сглотнула. Затем она одарила его полуулыбкой, которая вовсе не была улыбкой. Я поймала Круза, наблюдающего, как я наблюдаю за ними. Я приподняла бровь, не то чтобы я ожидала, что он объяснит мне дисфункциональные отношения у Вудов. Я не имела права даже спрашивать.

— Но тогда, что происходит с этими детьми фейри? Даже если они не идеальны, в их жилах течёт огонь, так что они должны просто вылететь из своих колыбелей, верно? — спросила я.

— Нет. Полёт подобен ходьбе, ты не овладеваешь им с рождения, — объяснил Круз. — К тому времени, когда они могут летать, они часто умирают. Видишь ли, фейри не могут прожить на Земле больше нескольких месяцев, не посетив Неверру. Наши тела не созданы для того, чтобы жить здесь.

— Но базаш живут здесь.

— Базаш не созданы из чистого огня.

Обдумывая его слова, я последовала за ними по тихому переулку, где пахло мочой и пивом. Кот выпрыгнул из чёрного мусорного бака, выгнул костлявую спину и зашипел на фейри.

— Животные могут видеть сквозь нашу пыль, — сказал Круз. — Они не совсем знают, что с нами делать.

Кот не отвел взгляда, не перестал шипеть. Я боялась, что он нападёт.

Лили подняла лицо вверх, к плоской крыше кирпичного здания перед нами, а затем она взлетела вверх. Круз скользнул за ней. Когда я оглянулась на Эйса, он уже парил над землёй.

— Тебя поднять или ты хочешь попробовать подняться по пожарной лестнице? Она выглядит довольно крепкой.

Я обернулась. Она не только проржавела, но и отсутствовали некоторые ступеньки. Я вздохнула.

— Я больше беспокоюсь о коте, охраняющем её.

Он одарил меня кривой улыбкой.

— И он, вероятно, больше беспокоится об этой Кошке, — он указал на меня.

— Забавно, — пробормотала я и подняла взгляд на крышу. — Обязательно ли это делать на крыше здания?

— Там, наверху, меньше человеческих глаз. И меньше кошек.

Я вздохнула, не отрывая взгляда от крыши.

— После этого ты оставишь меня в покое, Эйс? Даже если моя метка загорится?

Кот расхаживал взад и вперёд, его глаза блестели, как защитные отражатели на моём велосипеде. Тот, который украли у меня в ту ночь, когда я сделала свою человеческую татуировку, в ту ночь, когда я столкнулась с двумя фейри, которые обожгли мне пальцы своим огнём.

— Если это не я, то это будет какой-нибудь другой фейри, который придёт проверить тебя. Ты — обуза для нашей расы.

Мои веки поднялись.

— Я не охотница.

— Но у тебя есть способности охотника.

— Это не значит, что я буду их использовать.

— Это не значит, что ты также не будешь. А теперь давай. Давай покончим с этим, пока этот подлый чувак не похитил Касс.

Я напряглась.

— Я шучу. Я пообещал метрдотелю сотню, если он присмотрит за ней. А теперь повернись.

Медленно выдохнув, я повернулась. Он обхватил меня обеими руками за талию, а затем рванулся вверх, и моё сердце подскочило, как и моё тело, наполняя рот пульсом.

ГЛАВА 25. ТЕМНАЯ МАГИЯ

С крыши открывался чудесный вид на Детройт: море сверкающих зданий на западе и мягко освещённый Белль-Айл на востоке.

Вернув внимание к трём фейри, я спросила:

— Так это действительно единственное решение?

Круз кивнул.

— Протяни руку.

Я вытянула руку перед собой.

— Это будет больно?

— В первый раз было больно? — спросил он.

Это было похоже на электрический разряд.

— Не слишком сильно.

— Не должно быть более болезненным, верно, Лили?

Она кивнула.

— Эйс, положи свою руку поверх её, тоже ладонью вниз.

Он накрыл мою руку своей.

— Они должны соприкоснуться, — сказал Круз.

Его ладонь коснулась моей кожи, и моё сердце затрепетало. Это были нервы. Алкоголь, который смягчал мою нервозность, покидал мой организм. Метка вспыхнула, но никто не мог этого видеть, так как рука Эйса скрыла мою.

Круз положил свою руку поверх руки Эйса и начал что-то напевать на фаэли под пристальным взглядом Лили. Мгновение ничего не происходило, а затем этот медленный потрескивающий звук вырвался из наших соединённых рук, и искры полетели в разные стороны, как тлеющие угли. Я наблюдала, одна часть меня была как под гипнозом, две части напуганы. Моя рука задрожала и начала опускаться. Прохладный воздух коснулся моей кожи.

— Держи её за руку, — сказал Круз, прежде чем продолжить своё заклинание.

Эйс сомкнул пальцы вокруг моей руки, чтобы удержать её на месте. Жара стала почти невыносимой. Как будто по его венам тёк огонь. Я закрыла глаза и сосредоточилась на своём дыхании. Я вдыхала солёный, влажный воздух, насыщенный обещанием весны, и наслаждалась его успокаивающей прохладой. Я прислушивалась к музыкальности голоса Круза, когда он произносил иностранные слова.

Покалывание прекратилось.

Я приоткрыла глаза и огляделась вокруг.

— Это... — я собиралась сказать "сработало", когда ощущение, похожее на то, словно кожу режут горячим лезвием, вспыхнуло в моей руке.

Я попыталась вырвать руку из руки Эйса, но он держал крепко. Я стиснула зубы, чтобы сдержать крик. Направление лезвия резко изменилось, а затем пронзило мою нежную плоть. Я смотрела на наши руки, ожидая, что закапает кровь, но капала только магия. Блестящие блики кружились и кружились вокруг наших сложенных рук.

Это стало чистой агонией. Слезы выступили у меня на глазах, потекли по щекам. Я застонала. Я не думала, что могу чувствовать что-то, кроме боли, но внезапно что-то мягкое коснулось моей ладони. Я посмотрела на Эйса. Его глаза, как и его лицо, были раскалены добела, прикованные к нашим рукам. Они танцевали с искрящейся пылью. Я снова почувствовала нежное поглаживание. Это на мгновение отвлекло меня от боли. Он дёргался или пытался меня утешить? Что бы он ни делал, сознательно или бессознательно, я была благодарна за это.

Воздух наполнился ароматами: дождь, солнце и мускус катились по крыше, как грозовые тучи. Мои волосы поднялись в ароматном воздухе и хлестнули меня по щекам, как шёлковые плети. Какие бы слова ни произнёс Круз, казалось, они пробудили нечто большее, чем его магию; казалось, они пробудили стихии. Вихрь был насыщенным и тёплым, с лентами прохладного воздуха, которые давали желанную передышку бурлящему аду.

Так же внезапно, как и поднялся, ветер стих, и воздух успокоился. Наши три руки засветились как одна, а затем вспыхнули только моя и Эйса, а затем огонь погас в обеих.

Круз первым убрал руку.

— Давай посмотрим, сработало ли это.

Несмотря на то, что у меня пересохло в горле, я прохрипела:

— Потому что это могло не сработать? — дрожа, я потянула руку обратно к себе и осмотрела её.

— Я никогда раньше не использовал Неблагую магию, — сказал Круз.

Мой желудок затрепетал.

— Неблагую?

— Разве Эйс не рассказывал тебе о Неверре во время своих многочисленных визитов? — сказал Круз.

Эйс впился взглядом в Круза.

— В большинстве случаев, когда я посещал её, — он произнёс это слово так, как будто у него был дурной вкус, — Катори сопровождал её маленький охотник. И я не позаботился объяснить Каджике, как устроен наш мир.

Это было неправдой. Часть о том, что я нахожусь в компании Каджики. В большинстве случаев, когда Эйс навещал меня, я была одна. Я сложила руки перед собой. Моя недавно отмеченная плоть больше не болела.

— Не могли бы вы объяснить мне? — это определённо был не вопрос.

— Волшебная пыль — это магия света или Благая, — сказал Круз. — Неблагая тёмная и выполняется формой.

— Формой? — спросила я.

— Это злобная каста фейри, которые живут в харени — гротах под землёй, — объяснил Эйс. — Представь муравейник с фейри.

— Есть люди, живущие под землёй в Неверре?

Лили прочистила горло и бросила на брата предупреждающий взгляд, который говорил: "Не выдавай информацию о нашем мире возможному охотнику". По крайней мере, я так себе это представляла.

— И как ты получил это заклинание от этих злых Неблагих? — это слово не было мне совершенно незнакомо, но я сомневалась, что читала его в книге Холли... Может быть, я слышала его в фильме?

— Лили встречалась с одним из них, — сказал Круз.

— Что было действительно глупо и опасно, — сказал Эйс, его голос был острым, как бритва. — Никогда больше, Лили! Никогда.

Серый цвет в её глазах дрогнул, блеснул искоркой.

— Что сделано, то сделано, — спокойно сказал Круз, беря Лили за руку.

Слеза скатилась по её щеке.

— Что они просили взамен? — спросила я.

Все три фейри посмотрели на меня.

— Ничего, — пробормотал Эйс.

— Ты хочешь сказать мне, что добрые фейри, — я добавила воздушные кавычки, — ничего не делают бесплатно, а злые делают?

— Не беспокойся о том, чем мы обменялись, чтобы избавить Круза от метки.

— Я буду беспокоиться о том, что касается меня, Эйс. И это меня беспокоит. Что ты им отдал?

Тишина простиралась между нами, такая же широкая и тёмная, как раскинувшийся город.

— Книгу, — сказал Круз, в то время как Эйс даже не взглянул в мою сторону.

— Книгу Холли? Мою книгу? Ты отдал им мою книгу?

— Они не смогут её прочитать, — сказал Круз. — Я не знаю, говорил ли тебе Эйс, но чернила исчезли, когда Стелла принесла её в Неверру.

Я пристально посмотрела на Эйса. Он знал, что чернила всё ещё видны мне. Для того кто гордился своей правдивостью, он довольно часто лгал.

— Эйс не сказал мне об этом, — медленно произнесла я. — Тогда зачем им понадобилась пустая книга? — наседала я.

Эйс сердито посмотрел на меня.

— Форма просто попросили об этом, потому что они слышали разговоры об этом во время Ночи Тумана, — продолжил Круз.

Что, чёрт возьми, это была за Ночь Тумана? Я даже не потрудилась спросить, так как меня гораздо больше беспокоил тот факт, что моя книга теперь была в руках злых фейри... что, если они могли видеть чернила?

— Я работаю над тем, чтобы вернуть её, — проворчал Эйс. — Прежде чем Грегор заметит, что она исчезла.

Лили грызла свои розовые ногти. Если бы я обманула этого парня Грегора, я бы, наверное, тоже грызла ногти.

— Катери, ты не могла бы показать нам, сработало ли это? — спросил Круз.

Я всё ещё смотрела на Эйса, который всё ещё не смотрел на меня.

— Как именно ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Ты могла бы спрыгнуть с крыши, — предложил Эйс, — и подождать, пока один из нас тебя поймает.

У меня пересохло во рту.

— Ты, наверное, не будешь сильно стараться.

На этот раз Эйс повернул голову в мою сторону, и его голубые глаза впились в мои.

— Не нужно делать что-то настолько экстремальное, — сказал Круз. — Как насчёт того, чтобы просто пробежать несколько кругов вокруг нас?

— Серьёзно? Ты хочешь, чтобы я бегала? — идея была смехотворной.

— Хорошо.

Эйс схватил меня за затылок и наклонил своё лицо к моему. Я ахнула, когда его губы столкнулись с моими, мягкие, как шёлк, горячие, как раскалённое железо. Мысли вылетели из моей головы, пульс сбился с ритма, а затем всё моё тело почувствовало, как будто в нём произошло короткое замыкание. Я оторвала свои губы от губ Эйса, а затем ударила его так сильно, что его лицо дёрнулось в сторону.

Он потирал подбородок рукой. Его рука светилась. Совсем как у меня. Но вместо одной буквы V для Веги — фамилии Круза — там было две взаимосвязанные буквы. W для Вуда. Я проверила руку Круза, но она не светилась.

— Это сработало, — заметил он бесстрастным голосом. — Я рад, что это было не зря. А теперь мне нужно возвращаться, — сказал Круз. — Лили? Ты хочешь присоединиться ко мне?

Она что-то написала своему брату. Он ничего не написал в ответ. Слезы катились по её щекам, когда она уходила.

Буква "W" не исчезла. С другой стороны, мой гнев тоже не помог. Я всё ещё кипела, пылая негодованием.

— Я бы предпочла спрыгнуть со здания.

Глаза Эйса вспыхнули так же темно, как сапфировые волны реки Детройт.

— Ну, мне не хотелось нырять за тобой.

— Ну, мне не хотелось целовать тебя.

Его ладонь всё ещё светилась. Как и моя рука.

Я сжала кулак, пытаюсь успокоить хаос, бушующий внутри меня. В темноте я искала верхнюю ступеньку пожарной лестницы. Заметив её, я направилась к ней. Я бы не стала просить помощи спуститься. Я сама могла спуститься вниз.

Ступеньки не выглядели прочными, когда я изучала их раньше, но, возможно, только нижние, которые проржавели. Я держалась за перила и осторожно спустилась на один этаж, а затем на следующий. Металл зазвенел под моим весом. Я посмотрела вниз. Впереди был ещё долгий путь.

— Катери, это небезопасно, — Эйс завис по другую сторону балюстрады.

— Они отдали мою книгу. Они не должны были её отдавать!

— Я знаю, — сказал он.

— Теперь она у злобных фейри! Что, если чернила не невидимы для них? — спросила я, но потом хлопнула ладонью перед своим ртом.

Взгляд Эйса сверкнул в ночи.

— Ты думаешь, я это знаю? — прорычал он.

Я прикусила язык. Глупо, глупо, глупо. Я ускорила спуск, чтобы сбежать от Эйса Вуда. Как будто это было реальной возможностью. Единственным способом спастись от него было броситься с перил, а мне не хотелось убивать себя из-за книги.

— Почему ты сказал им, что чернила невидимы? Грегор просил тебя солгать?

— Грегор не знает. Никто не знает, — тихо сказал он. — Я не хотел, чтобы они выследили тебя и отвезли в Неверру, чтобы заставить тебя прочитать им её.

— Ты думаешь, я поверю в это? Что ты сделал это для моей защиты? — рявкнула я. — Держу пари, теперь я твой должник. Держу пари, именно поэтому ты это сделал. Или, может быть, ты надеялся вернуть книгу и попросить меня прочитать её тебе, чтобы только ты узнал её секреты. Это дало бы тебе власть над Грегором, да?

— Я был только добр к тебе, и вот как ты мне отплатила? — в его голосе была настоящая боль. — Намекая, что это было из корыстных побуждений? Запомни это: меня не волнует власть, и мне от тебя ничего не нужно, чего я не мог бы получить где-то ещё. Ничего.

Эйс подпрыгнул по другую сторону перил, а затем исчез.

Он наконец-то улетел.

Мой ботинок зацепился за выступающий кусок металла. Я споткнулась, но удержалась на металлическом пандусе. Резкий, щёлкающий звук эхом разнёсся вокруг меня. Моему разуму потребовалась секунда, чтобы понять, откуда он взялся. В ужасе я всё поняла. Моя рука, всё ещё обхватившая пандус, больше не встречала никакого сопротивления. Моё тело перевернулось, а затем я завалилась набок, погружаясь в пустоту.

Я отпустила пандус, но было слишком поздно.

Мамино лицо мелькнуло перед моими глазами, ярче, чем в любом воспоминании, а затем папино, Блейка, Касс, кладбище, озеро, мой жёлтый ловец снов и, наконец, Эйс. Но его лицо, в отличие от всех остальных, было настоящим.

Моё сердце замедлилось вместе с падением. Земля перестала стремительно и зловеще увеличиваться. Образы близких перестали пронизывать меня. Заключение в его объятия, я парила над городом.

Я сцепила руки на коленях, пальцы подёргивались, дрожали.

— Ты должен был дать мне упасть, — мрачно сказала я.

Мышцы его предплечий пульсировали на моих бёдрах в чулках, сокращаясь, смещаясь, когда мы плыли вниз.

— Я не мог так поступить с твоим отцом, — тихо сказал он.

Когда он поставил меня на землю, мои колени казались плохо отрегулированными пружинами, которые угрожали выбить у меня равновесие. К счастью, мне не пришлось хвататься за Эйса, и я сумела обрести равновесие. Моя кожаная куртка тихо зашуршала, когда я обхватила себя руками.

— Прости, что накричала, — пробормотала я.

— Я это заслужил.

— Не в этот раз.

— Это не имеет значения.

— Так и есть, — я зажмурила глаза и задрожала. — Что я могу сделать, чтобы отблагодарить тебя за спасение моей жизни?

— Ты могла бы пойти домой, Кэт. Ты могла бы перестать искать печатные формы книги Холли.

Мои глаза распахнулись, и в то же время мои щёки вспыхнули.

— Ты знаешь?

— Касс сказала мне, но я бы догадался. Я имею в виду, зачем ещё тебе рыться в архивах типографии?

— А я-то думала, что я олицетворение скрытности.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Если я найду эти металлические пластины, я смогу напечатать новую книгу. Больше, чем одну. Вы могли бы даже заменить ту, которую отдала твоя сестра, прежде чем Грегор заметит.

Его улыбка исчезла.

— Возможно, он уже знает, что она исчезла. Кроме того, Кэт, допустим, тебе удастся напечатать новое издание. Как ты собираешься замаскировать чернила? Ты собираешься повлиять на то, чтобы они исчезли?

— Может быть.

— Будь серьёзной.

— Я серьёзно. Но если тебе наплевать на моё предложение, то, конечно, порхай обратно в Неверру с пустыми руками и навлеки на себя гнев Грегора. Какое мне дело?

— Я не порхаю.

Я закатила глаза.

Эйс стиснул челюсти, словно взбешённый тем, что я принижаяю его лётные качества. Однако когда он заговорил дальше, я поняла, что его напряжённая поза не имеет никакого отношения к моей шутке.

— Что ты увидела в книге, Кэт?

— Схема. Я предполагаю, что это схема захоронения, о которых говорил Круз в ту ночь, когда заставил меня отдать ему книгу.

— Опиши мне это, — прохрипел он.

— Круг с линиями или прямоугольниками или что-то в этом роде.

— Это были линии или прямоугольники? — его голос был громким и резким.

— Ты меня пугаешь. Почему это так важно?

— Что ещё ты видела? — спросил он без паузы.

— У меня не было времени увидеть что-нибудь ещё, Эйс. Я не думала, что потеряю книгу, поэтому не спешила читать её от корки до корки. И не спрашивай меня, как я увидела то, что увидела, потому что я понятия не имею. Я просто помню, как посмотрела на страницу, и появилось что-то вроде голографического изображения.

— Ты видела это, потому что Холли использовала тёмную магию в книге, — сказал он низким, скрипучим голосом.

— И что? Теперь я могу видеть тёмную магию?

— Как ты думаешь, откуда берутся силы охотника?

Внезапный холод пронзил меня до глубины души. Как клубничный лёд, который я проглотила в летнюю жару, его слова заморозили меня изнутри.

Он потёр затылок.

— Магия Охотника — это магия Неблагих. Ты же на самом деле не думала, что Великий Дух — настоящее божество?

Когда я не ответила или не отреагировала, он продолжил:

— Это был настоящий дух. Тот, которому удалось пройти через портал и поселиться внутри человека. Этим человеком был Негонгва.

Мои губы приоткрылись.

— Что?

— Ты наполовину Неблагая и наполовину Благая.

Мои пальцы поползли вверх к лицу, прикрыли всё ещё разинутый рот.

— Боже мой, — прошептала я.

— Какой бы это мог быть Бог? — насмешливо спросил он.

Это было похоже на пощёчину.

Он опустил глаза на свои замшевые ботинки.

— Я не хотел, чтобы это так звучало.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

Он снова посмотрел мне в глаза.

— Если бы Охотники знали, что у них есть союзники в Неверре, они могли бы попытаться проникнуть в портал.

— Я не спрашивала, почему ты им не сказал. Я спросила, почему ты мне не сказал.

— Ты сказала, что хочешь остаться человеком. Я уважал твоё желание, не разрушая все твои человеческие убеждения. Хочешь верь, хочешь нет, но у меня есть совесть.

— Трудно поверить после того трюка, который ты провернул на крыше, — пробормотала я.

— Прости, что я это сделал.

В масштабах вещей это не имело большого значения.

— Послушай, я знаю, что это покажется тебе несущественным, но мне нужно вернуться в клуб. Убедиться, что с Касс всё в порядке, — я начала идти, когда услышала эхо шагов позади себя. Я оглянулась через плечо.

— Что ты делаешь? — спросила я, поворачиваясь. Я продолжала двигаться, но назад.

— Иду пешком.

— Я имею в виду, зачем?

— Осторожно, за тобой фонарный столб.

Я резко обернулась. Фонарного столба не было.

— Обманул, — сказал он более лёгким голосом.

— Да. Это твоя специальность.

Улыбка скользнула по его лицу, немного притупив беспокойство, поселившееся там за вечер.

— Я знаю, ты просила меня оставить тебя в покое, но я спас тебя — Неблагую, не меньше — так что ты должна мне выпивку.

Я ждала спазма в животе. Этого не произошло.

— Я тебе ничего не должна.

— Ты должна.

— Я ничего не чувствую.

— Потому что я ещё не заявил о своих правах на гаджои. Повременю с этим...

Ни за что на свете я не хотела снова почувствовать даже намёк на эту боль.

— Хорошо.

— Плюс, я пообещал метрдотелю сотню баксов. И я, наверное, должен заплатить за ужин.

— Я могу сама заплатить за свою еду.

— Я сомневаюсь, что твоё студенческое пособие покроет эту безумно дорогую бутылку вина.

— Насколько дорогую?

— Четыре цифры.

— Серьёзно?

Он подмигнул.

— Моя сестра ценит хорошее вино.

— Надо было выпить его побольше.

Он усмехнулся.

— Ты хороший брат, — сказала я через некоторое время. — Я не много знаю людей, которые сделали бы то, что сделал ты.

— Ты имеешь в виду, связать себя с надоедливой, раздражающей и вздорной девушкой со смертельной кровью? Да, мне действительно следовало бы получить за это приз, но я не думаю, что мои полки выдержат больше, чем там уже есть.

Я щёлкнула пальцем по его руке.

— Ты такой напыщенный.

— Это моё второе лучшее качество.

— Какое первое?

— Это включает в себя быть голым.

Я покраснела. Он обнял меня за плечи и рассмеялся. Я моргнула, глядя на него, удивлённая этим контактом. Он крепче прижал меня к себе и улыбнулся мне сверху вниз. Даже его глаза сияли. Такие яркие. Чёрт, Эйс был красив. Мимо нас прошли две девушки. Их взгляды остановились на фейри.

Я всё ещё была приклеена к его боку. И его рука всё ещё обнимала меня. Мне нравилось, какой он был твёрдый и тёплый.

Эта рука не раз ловила меня.

Спасала меня.

Дерьмо. Он играл со мной.

— Прекрати использовать каптис на мне, — выпалила я.

Какое-то мгновение он молчал. А потом он пробормотал:

— Да. Извини. Мне трудно сдерживать свой магнетизм. Я буду стараться изо всех сил.

Должно быть, он не старался изо всех сил, потому что я всё ещё чувствовала его повсюду. Конечно, его рука всё ещё лежала у меня на плече, но я чувствовала больше, чем его руку. От простого прикосновения рук не образовывались комки в животе и не закипала кровь. С другой стороны, он был сделан из огня. Я выскользнула из-под него, жалуясь, что слишком жарко. Я сняла куртку, затем прошла остаток пути до клуба параллельно ему, но не прикасаясь.

И всё же я всё ещё чувствовала его всем телом.

ГЛАВА 26. СДЕЛКА НА УЖИН

На следующее утро, после бурного сна, во время которого я говорила без остановки — всякую тарабарщину, как дала слово Касс, мы проглотили галлоны кофе и аспирина. Вооружённые новой надеждой и свежей одеждой, мы направились к кирпичному зданию.

К обеду мы прочесали ещё три ряда коробок. К трём часам у нас оставалось два ряда.

— Ты можешь себе представить, что это будет в последней коробке, которую мы найдём? — спросила Касс.

Я уже начала терять надежду, что мы вообще это найдём.

— Когда ты должна вернуться на работу? — спросила я Касс, чтобы отвлечься от своего

пессимизма.

— Завтра утром, в 7:30. Мне придётся уехать сегодня вечером. Я действительно надеюсь, что мы найдём это к тому времени.

— Я тоже, — сказала я, цепляясь за другую коробку.

Моя правая рука всё ещё болела, но рана перестала кровоточить. Это было первое утро, когда повязка была чистой.

Я стащила коробку с полки, сняла крышку, порылась в содержимом. Я прочитала табличку на титульном листе, "Захват". Это заставило меня задуматься о каптисе, что заставило меня задуматься об Эйсе, что заставило меня задуматься о действительно неловком моменте, который мы пережили на улице, а затем в клубе.

После того, как я сбросила его руку, никто из нас не произнёс ни слова. Ну, я сказала, как я рада видеть Касс, и он сказал, что заплатит метрдотелю. А потом я спросила, что он хочет выпить. И он сказал: просто воду. После того, как я принесла ему стакан из бара, он сказал, что ему нужно кое-что сделать в Неверре. Он кивнул мне на прощание, на что я ответила тем же. А потом, пока Касс танцевала и целовалась с мужчиной постарше, я подумала о той сумасшедшей ночи и пришла к выводу, что тёмная магия и предсмертный опыт загуманили и смутили мои чувства. То, что я испытывала к Эйсу, было благодарностью, а благодарность вызывала смутные чувства. Это стирало грань между разумом и эмоциями.

— Э-э-э... Кэт?

— Да? — я снова накрыла коробку крышкой и поставила её обратно на полку.

— Дерево Ведьм пишется с большой буквы "В"?

Я резко повернулась к ней.

— Да.

— Тогда я заслуживаю очень крепких объятий и очень большой латте.

Я бросилась к ней и опустилась на колени у коробки, пальцы пробежали по листам гравированного металла.

— Не могу поверить, что мы нашли это!

— Да. Это довольно безумно.

Я достала пластину, провела пальцами по металлу. Старые чернила отслаивались. Я потёрла руки, чтобы снять их, но на них остались слабые фиолетовые пятна.

— Мне нужно вымыть руки.

— Да, у меня такое ощущение, что они покрыты пылью.

— Я имела в виду из-за чернил...

Она нахмурилась и покосилась на мои руки.

— Каких чернил?

Я повернула ладони лицевой стороной вверх и уставилась на лавандовые пятна.

— Какие чернила? — повторила она.

— Я думала... Я думала, что мои пальцы были в пятнах, но, должно быть, мне это померещилось. Это был долгий день.

— Да. Но мы нашли это! — она извивалась и раскачивала воздух в победном танце, пока я смотрела на свои руки. — Давай отнесём эту штуку наверх.

Коробка весила тонну, поэтому мы потащили её к лифту и отнесли в кабинет менеджера, на который он указал вчера во время нашей сверхдлинной экскурсии по заведению.

— Вы нашли то, что искали! — воскликнул он, отрываясь от своего компьютера.

Он расчистил немного места на своём столе и встал, чтобы помочь нам поставить коробку на него. Он порылся внутри, пока не вытащил папку. Он снова сел за свой стол и прочитал её. Его глаза, казалось, расширились, когда он перелистывал страницы.

— Я бы хотела, чтобы это было напечатано теми же чернилами.

— Она прислала свой собственный запас диатомовых чернил.

Я неподвижно стояла по другую сторону стола.

— Диатомовые?

— Диатомовые чернила сделаны из окаменелых остатков водорослей и опала. Это делает чернила водостойкими.

Я моргнула один раз... два... три раза. Чернила, сделанные из опала. Вот как...

— Сначала мне понадобится доказательство родства, — сказал он. — Вы можете доказать, что вы родственница Леи Лейкива?

— Леи? — прохрипела я. — Вы имеете в виду Холли?

— Нет, я имею в виду Леи, — он положил папку лицевой стороной вниз на свой стол, затем откинулся на спинку своего пружинистого стула. — Вы ведь её родственница, верно? В электронном письме вы упомянули, что автором была ваша двоюродная бабушка.

Я проглотила толстый комок слюны, который образовался в задней части моего горла.

— Я родственница, — почему Холли приписала себе книгу своей матери?

— Тогда докажите это.

— Э-э... хорошо, — металлические пластины находились в нескольких дюймах от моих пальцев, но, казалось, ускользали. — Но я просто хочу распечатать копию для себя. Не публиковать это. Это не ради финансовой выгоды.

— Инструкции ясны. Сначала вы должны доказать своё родство.

У моего отца где-то должна быть запись о рождении Чатвы. Поскольку она была близнецом, имя Леи тоже должно было быть там. Я надеюсь.

— Я достану это для вас. Прямо сейчас, — я вышла из его кабинета, чтобы позвонить отцу. Когда он взял трубку, я спросила. — Папа, у нас случайно нет свидетельства о рождении Чатвы?

— Твоя мама была барахольщицей, так что шансы очень велики.

— Ты дома? Ты можешь проверить? — спросила я.

— Да, — я услышала шарканье ног, открывающиеся и закрывающиеся ящики. — Зачем тебе это нужно?

— Проект, над которым я работаю.

— В Детройте?

— Нет. Это расследование. Я объясню, когда вернусь домой.

— Ладно...

— Проверь семейные альбомы. Я помню, как бабушка Вони любила приклеивать что-нибудь внутри.

— А они у нас есть? Или Айлен... О нет, вот они.

Бумага смялась на папином конце.

— Что ж, тебе повезло. Я смотрю на свидетельство о рождении Чатвы. Оно немного пожелтело, но...

— На нём значится имя Лея?

— Нет. С чего бы это?

Моё возбуждение рухнуло вниз. Бьюсь об заклад, у моих ног была огромная грязная радуга.

— Потому что они близнецы, — глупо пробормотала я.

— Дорогая, даже у сиамских близнецов есть свои собственные свидетельства о рождении.

Я вздохнула, откинула волосы назад.

— Ты можешь сделать снимок и отправить его мне?

— Конечно. Когда ты вернёшься домой?

— Сегодня или завтра. В зависимости от обстоятельств.

— Ладно. Я люблю тебя. И позвони мне, если тебе понадобится что-нибудь ещё.

— Я тоже тебя люблю, папа.

На моём телефоне появилось сообщение от отца. Я открыла фотографию и вернулась в офис, где Касс листала книги в мягкой обложке с броским дизайном.

— Он позволяет мне взять всё это, — сказала она, указывая на небольшую стопку рядом с коробкой.

— Это действительно круто, — я повернулась к мистеру Томпсону. — У меня есть свидетельство о рождении моей прапрабабушки. Она была сестрой-близнецом Леи. Там не упоминается имя Леи, но фамилия та же самая, — я протянула ему свой телефон, надеясь, молясь, чтобы это сработало.

Он оторвал взгляд от экрана моего телефона.

— Я обещаю, что это не для перепродажи. У меня был экземпляр книги, но его у меня украли. Я просто хочу заменить его.

Если бы он мне отказал, я не знала, что бы я сделала. Украли металлические пластины? Подала судебный иск, чтобы их передали мне? Я почувствовала, как моё тело накалилось от страха, моя метка вспыхнула. Я засунула руку в задний карман джинсов.

Он вернул мне мой телефон, затем хрустнул костяшками пальцев.

— Это будет дорого стоить. Одна только кожаная обложка стоила тогда больше тысячи. Сегодня это будет стоить дороже.

Я сглотнула.

— Что касается чернил, если у вас их нет, мне придётся позвонить поставщику, но я не могу гарантировать, что они у него есть.

— Хорошо.

Он набрал номер. Я предположила, что это номер его поставщика. Он развернулся в своём офисном кресле, пока не оказался лицом к окну.

— Привет, — сказал он. — Я ищу диатомовые чернила... Да. Для печати... Отлично... Десяти унций должно хватить... Двести долларов? Позвольте мне спросить, — он повернулся ко мне, прикрывая трубку. — Двести долларов вас устроит?

Я кивнула.

— Завтра утром? Это было бы здорово... Спасибо. Увидимся завтра, — он повесил трубку. — Вам повезло. У него есть немного.

Надежда наполнила меня. Даже волнение.

— Итак, с двумястами долларами, кожаной обложкой и той же бумагой... это выходит, — он постучал по калькулятору своего телефона, — три тысячи семьсот долларов.

— Что? — вздохнула я.

— Без обложки вы, вероятно, могли бы снизить цену до двух тысяч трёхсот. Хотите, я

сниму кожаную обложку?

Я прижала руку к животу.

— Эм. Я не знаю.

— Ну, вы должны решить.

Где я найду две тысячи триста долларов?

— Могу ли я платить в рассрочку? — спросила я срывающимся голосом.

Я чувствовала, как Касс смотрит на меня, замечая мои пылающие щёки, мою дрожащую нижнюю губу.

— Извините, но я не могу принимать платежи в рассрочку. Что касается обложки...

Мне нужно было бы быстро узнать...

Он всё ещё говорил, но его голос затих.

Я думала, что вот-вот начну плакать. У меня были такие большие, глупые надежды. В самый разгар чувства ужасной жалости к себе мне в голову пришла идея. Я бы повлияла на него, чтобы он отдал её мне. Если бы я вообще могла повлиять на него. Я сознательно применяла влияние только на одного человека.

— Пожалуйста, — сказала я, мой голос был жёстким, твёрдым, громким. — Вы можете сделать мне книгу? Это значило бы для меня очень много.

Он, молча, смотрел на меня так долго, что я подумала, что моя магия сломала его упрямую оболочку. Он моргнул, затем отвёл взгляд.

— Мне очень жаль, мисс Прайс, но я действительно не могу позволить себе напечатать это без оплаты.

— Я заплачу. В конце концов, я обещаю.

Он покачал головой.

Мои глаза вспыхнули. Может быть, у меня не было достаточного влияния. Может быть, последний раз был счастливой случайностью. Слезы катились по моим пылающим щекам. Я плюхнулась на ближайшее сиденье, мои ноги дрожали, угрожая подкоситься. Я вела себя нелепо. Мне нужно было перестать плакать. Особенно из-за чёртовой книги. Действительно ли мне это было нужно? За чем именно я гналась?

Я слышала, как Касс сказала ему, что моя мать недавно умерла... Неужели он действительно не мог сделать мне скидку? Я закрыла глаза и улыбнулась, хотя внутри меня бушевало разочарование. Я бы просто попросила его отдать мне коробку. Она принадлежала моей семье, так что он должен был сделать это, верно?

Я почувствовала, как чья-то рука поймала мою и легонько сжала. Я представила, что это Касс, но пальцы были длиннее, толще, теплее. Я открыла веки, испугавшись, что это может быть владелец. Но вместо этого я встретила пару сверкающих голубых глаз. Когда удивление при виде Эйса прошло, я отдернула руку.

— Вы можете списать всю сумму с карты, — сказал он владельцу.

— Конечно, — сказал мужчина.

— Ох уж этот парень, — Касс просияла, глядя на Эйса. — Если бы ты не был помолвлен и не ждал ребёнка, я бы серьёзно нацелилась на тебя.

Он улыбнулся ей.

— Я польщён.

— Я сейчас вернусь, — сказал менеджер, выбегая из своего кабинета с чёрной кредитной картой.

Я уставилась на Эйса.

— Мне понадобится вечность, чтобы расплатиться с тобой...

— Я никуда не тороплюсь.

— Теперь я должна тебе гаджой? — спросила я.

Он одарил меня своей дерзкой ухмылкой.

— Какой — ой? — спросила Касс.

— Гаджой. Это э-э-э... Услуга на Готтве, — объяснила я.

— Ты говоришь на Готтве, Эйс?

— Катори учит меня паре слов.

— Я даже не знала, что она знает несколько слов, — сказала Касс, подозрительно глядя на меня.

Я пожала плечами.

— Я учусь.

— Ужин сегодня вечером подойдёт, — сказал Эйс.

— Что? — спросила я, снова поднимая своё лицо к его.

— Поужинай со мной сегодня вечером, и мы будем квиты.

Глаза Кэсс открылись так широко, что я подумала, что они могут просто выскочить из-под её чёлки и упасть мне на колени.

Я покраснела.

— Я должна отвезти Касс домой.

— Я могу поехать на автобусе, — предложила она.

— Нет.

— Как насчёт того, чтобы взять машину Катори? Я могу отвезти её обратно. Ей всё равно придётся подождать книгу.

— Но на печать может уйти несколько дней, — сказала я. — Я не собираюсь болтаться по Детройту...

— Мистер Томпсон, казалось, был совершенно уверен, что это может быть готово к завтрашнему утру.

— Действительно? — спросила я, широко раскрыв глаза.

— Меня это вполне устраивает, — сказала моя подруга. — Если она не против, конечно. Тебя это устраивает, Кэт?

Был ли у меня вообще выбор?

Менеджер вернулся с карточкой Эйса и квитанцией. Капли пота покрыли его лысину, как будто он сбегал к банкомату. Даже его дыхание участилось. Может быть, они вели бухгалтерию на другом этаже?

— Как только я получу чернила, я напечатаю это. Увидимся завтра, мисс Прайс.

Мне показалось, что он нервничает? Я встала со стула и двигалась так же жёстко, как эти зелёные фигурки солдат, сделанные из литого пластика. Эйс вышел вперед нас. Я повернулась к Касс и пробормотала:

— Тебе не показалось, что парень нервничает?

— Он был в присутствии Вуда. Это всё равно что встретиться с королевой Англии.

Это было всё? Это было неправильно, но опять же, в тот момент ничего не было правильно. Особенно мой предстоящий ужин с Эйсом. Когда я догнала его, я попыталась обменять это на кофе.

Касс толкнула меня локтем в рёбра.

— Китти-Кэт, мы обе проведём ночь в Детройте, и нам обеим нужно поесть.

— Что мне нужно, так это вернуться в свой отель.

— Так получилось, что у меня есть люкс с множеством пустых спален.

Касс издала звук, чертовски похожий на визг.

— Не надо, — предупредила я её.

Она ухмыльнулась, прижимая к груди сумку, полную книг, которые отдал ей мистер Томпсон.

— Хорошо, я пойду своей дорогой. Ключи, пожалуйста.

— Мне нужны вещи из машины, — пробормотала я.

У Эйса зазвонил телефон. Он поднялся и зашагал перед кирпичным зданием, пока я следовала за Касс. Может быть, я смогу вернуться в свой отель так, чтобы он этого не заметил. Я достала ключи из сумки, подала звуковой сигнал, открыла машину, схватила сумку CVS, а затем протянула ключи Касс. Она строила мне большие глаза.

— Перестань так на меня смотреть.

— Он хочет поужинать, — возбуждённо прошипела она.

— Многие люди хотят поужинать. Мы — человеческие существа. Нам нужно есть, — ну, он не был человеком, но, очевидно, ему всё ещё нужно было есть. — Плюс у него будет ребёнок. И он не в моём вкусе.

— Необычайно красивый — это во вкусе любого человека.

— Он не настолько красив.

Она закатила глаза и ухмыльнулась.

— Брось это.

— Хорошо, — её усмешка превратилась в лёгкую хмурость. — Ты хочешь, чтобы я осталась? Если я уйду в четыре, то смогу вернуться как раз к своей смене.

— Ты не проедешь двести миль в четыре часа утра, — я обняла её. — Спасибо, что спросила. И спасибо тебе за то, что поехала со мной в эту сумасшедшую экспедицию.

— Это было так весело. Серьёзно. В любое время, милая.

Я протянула ей ключи, она протянула мне свою тушь и красную помаду, а потом я смотрела, как она уезжает. Я взглянула в сторону здания. Эйс всё ещё разговаривал по телефону. Он даже стоял ко мне спиной. Я могла бы уйти, сказать ему, что кое-что забыла в отеле, а потом притвориться, что заснула. Пока мой пульс оставался ровным, он не мог меня найти. Да, это был отличный сценарий для ужина.

Я начала быстро идти. Очень быстро. Но потом, когда я завернула за угол, у меня свело живот. Неистово. Что заставило мой пульс участиться, а W вспыхнуть. А потом Эйс оказался передо мной, ухмыляясь своей дерзкой улыбкой.

— Наверное, мне следует плохо отнестись к тому, что ты пытаешься сбежать от ужина со мной.

— Я не пыталась сбежать. Я была... Я искала магазин. Мне нужна чистая одежда.

Он ухмыльнулся.

— Я люблю ходить по магазинам за женской одеждой. Особенно по магазинам нижнего белья.

— Я никогда не буду покупать нижнее бельё вместе с тобой.

— Без нижнего белья мне тоже подойдет.

— Сегодня ночью восходит какая-нибудь голубая луна?

Он усмехнулся.

— Я выбрал модный ресторан, так что тебе нужно модное платье, а оно стоит недёшево.

— А ты не можешь сделать так, чтобы одно из них появилось вместе с пылью?

— Я мог бы, но ты можешь видеть сквозь пыль, и я тоже, так что я не уверен, насколько удобно тебе было бы его носить.

— Тьфу.

Я зашла в три магазина с Эйсом на буксире. Это было нервно — ходить по магазинам с парнем, но это было также несколько забавно, так как он привлекал много внимания. Все женщины, от продавщицы до покупательниц, тянулись к нему.

— Тебе следует сбавить тон своего каптиса, — прошептала я после того, как мы покинули последний магазин. Я нашла действительно красивое красное платье и заплатила за него сама. Папа убил бы меня, но, по крайней мере, я не была обязана фейри ничем... ну, чем-то большим.

— Я открою тебе секрет. Я ничего не использую.

Я закатила глаза.

— Ну да.

Когда мы добрались до пятизвёздочного отеля, в котором Эйс забронировал люкс, я настояла на том, чтобы снять комнату. Ту, которая не входила в его люкс.

— Чего ты боишься? — спросил он, и это заставило меня покраснеть.

— Мне просто нравится уединение.

— Угу, — после этого бросил он.

Меня провели в комнату на третьем этаже.

— Зайду за тобой в 8 вечера, Китти-Кэт.

А потом он поднялся на лифте до самого верха.

ГЛАВА 27. СВИДАНИЕ

Я позвонила отцу, и сказала ему, что вернусь на следующий день. А потом я искупалась в своей гигантской мраморной ванне с пеной до локтей. Я, должно быть, провела там целый час. Кончики моих пальцев сморщились. Я всегда поражалась тому, как трансформируются наши тела, приспосабливаясь к нашей среде обитания. Когда я прочитала, что кончики пальцев сморщиваются, чтобы придать рукам больше сцепления в скользкой среде, биология официально стала моим любимым предметом. Я задавалась вопросом, приходилось ли людям, жившим в Неверре, приспосабливаться к своей среде обитания, или они для этого так часто возвращались на Землю?

Я схватила пригоршню ароматных пузырьков и наблюдала, как они скользят по моей коже, лопааясь по пути. Мыло пахло по-мужски, одновременно пряно и пьяняще. Пачули и чёрный перец, прочитала я. Я сфотографировала этикетку и отправила её Айлен для вдохновения. Она послала мне смайлик, который заставил меня улыбнуться. Но затем, взглянув на часы моего телефона, я погасила эту улыбку.

7:38 вечера. Эйс будет у моей двери через двадцать минут. Если бы я могла скользнуть под пену и остаться там на всю ночь, я бы так и сделала, но, во-первых, у меня была рана, которая должна была оставаться сухой, и, во-вторых, я не особенно хотела снова испытывать спазмы в животе.

В любом случае, почему я так нервничала из-за ужина с Эйсом? Это был бы не первый раз, когда мы сидели вместе за столом. И это был не первый раз, когда мы были одни — ну, настолько одни, насколько два человека могут быть в ресторане. Плюс я была почти

охотником, что делало меня почти врагом. Он ясно дал понять, что думает об охотниках и фейри вместе взятых. Я делала из мухи слона, или как там это называется. К сожалению, это заставило меня подумать о Неблагих, которые жили в... как он это назвал? Харени.

Вздыхнув, я вылезла из ванны и вытерлась, а затем втерла божественно пахнущий лосьон в ноги и нанесла тушь и помаду Касс. Я не хотела идти на ужин, но и не хотела выглядеть неопрятной.

Я выпрямила волосы феном и надела красное платье. Оно было действительно яркое. Как светофор — яркое. Наверное, мне следовало выбрать более сдержанный цвет. Слишком поздно. Я уже собиралась надеть ботинки, так как другой обуви у меня не было, когда раздался звонок в дверь.

Я широко распахнула дверь.

Лицо Эйса сегодня казалось особенно загорелым. Возможно, это контрастировало с его небесно-голубой рубашкой, которую он носил расстёгнутой под жемчужно-серым смокингом. Освещение над его головой отбрасывало золотистый отблеск на его зачёсанные назад волосы и ясные голубые глаза. В памяти всплыл день, который я провела на чердаке, роясь в маминых коробках. Я вспомнила, как смотрела, как он раскачивается в мамином жёлтом кресле, и думала, как мне повезло, что у меня иммунитет к Эйсу. Было ли это правдой, или я просто пыталась убедить себя, потому что не хотела, чтобы меня привлекал другой фейри?

Я отвела взгляд от его лица, затем занялась тем, что сунула ноги в ботинки.

— Подожди, — сказал он.

Я подняла глаза.

Он протянул мне красную коробку из-под обуви.

— Мне нужно было убить немного времени, и я случайно оказался перед магазином, где продавались хорошие туфли.

— И ты случайно узнал мой размер?

— Я наблюдательный. К тому же ты не можешь надеть это платье с этими ботинками.

— Неужели все фейри так же следят за модой, как ты?

Он сунул коробку мне в руку.

— Просто возьми их.

Я взяла их и открыла коробку, раздвинув шёлковую бумагу. В этой коробке лежала самая красивая пара туфель, которую я когда-либо видела, вырезанная из зеркального золота. А ещё это были самые высокие каблуки, которые у меня когда-либо были. В них я буду похожа на бобовый стебель.

Я снова накрыла крышкой сверху.

— Я не могу их надеть.

— Почему нет?

— Я... — я собиралась использовать оправдание, чтобы не быть обязанной ему больше, чем я уже была, но вместо этого я сказала правду. — Я и так высокая.

Он нахмурился.

— Серьёзно?

— Да, серьёзно. Ты парень. Тебе не нужно беспокоиться о росте.

— Супермодели тоже высокие.

— Они супермодели. У них такая внешность, которая соответствует росту.

— Как именно, по-твоему, ты выглядишь, Катори?

— Как будто у Шакила О’Нила и Сакагавы был ребёнок.

— Не знаю, кто такой Сакагава.

— Коренной житель, который помогал Льюису и Кларку во время их экспедиции в Луизиану.

— Приятно знать, но мой вопрос был на самом деле риторическим.

Я слегка покраснела. Я не была уверена почему, так как я даже не была уверена, что это был комплимент.

— В любом случае, надевай каблук. Если кто-нибудь посмеет смеяться над тобой, я сожгу их ужин до хрустящей корочки.

Я улыбнулась, когда села на бархатный пуф цвета охры перед своей кроватью и надела туфли на красной подошве. Они идеально подошли мне.

— Во что мне это обойдётся?

— Подарки — это не сделка.

— Почему тогда книга не считалась подарком?

— Потому что ты настояла на том, чтобы вернуть мне деньги. Так что это осталось одолжением.

Я скрестила руки на груди.

— Значит, если я скажу тебе, что не верну тебе деньги, тогда мне не нужно идти с тобой на ужин?

— Слишком поздно менять мнение.

Я проворчала:

— Однажды я собираюсь стать профессионалом в сделках с фейри.

— Я на сто лет старше тебя, — сказал он, когда я, наконец, поднялась. — Тебе многое предстоит наверстать.

Я была на уровне глаз с Эйсом, за исключением того, что его глаза не были на моих, они были на туфлях.

— Если они тебе так понравились, почему ты не купил своего размера? — поддразнила я.

Он усмехнулся. А потом он спросил более серьёзно:

— Ты можешь в них ходить?

Я шагнула вперёд.

— Очевидно, да. Как далеко отсюда ресторан?

— Наверху.

У меня пересохло во рту.

— Наверху?

— Расслабься, Китти-Кэт. Он не в моей комнате. Он на крыше отеля. У них там азиатский ресторан с высоким рейтингом.

Он придержал дверь открытой. Я стащила карточку-ключ и телефон с консоли, затем прошла мимо него, стараясь двигаться плавно. Это была тяжёлая работа, но взгляд в зеркало в прихожей убедил меня, что у меня всё хорошо.

— Они действительно красивые, Эйс. Спасибо тебе.

— Я думаю, что последним охотником, который так сильно благодарил фейри, был Тэва, когда Джекоби спас ему жизнь.

— Он не совсем спас его.

— Он вернул его из мёртвых.

— Но он убил его вначале.

— И привёл его потом обратно, — настаивал Эйс. — А потом он прятал его от фейри. В моей книге защита — это форма спасения.

— Значит, солгав Грегору, ты пытался спасти меня? — я прижалась спиной к одной из зеркальных панелей лифта.

Его губы сжались в жёсткую линию.

— Солгав Грегору, я извинился за то, что обманул тебя.

Воздух в закрытой металлической коробке был таким густым и горячим, что мои ладони покрылись потом, и усилили пряный аромат одеколona Эйса. Это было повсюду, кожа и имбирь, смешанные с гвоздикой. Я была почти уверена, что теперь буду пахнуть им на протяжении всего ужина. Лифт зазвенел, и мне показалось, что меня выпускают из тюрьмы строгого режима. Я шла впереди Эйса в ресторан с кондиционером. Стены — сплошь книжные шкафы с терракотовыми статуями и разноцветной фаянсовой посудой — были покрыты чёрным лаком, как и столы. Вокруг круглых обеденных столов были расставлены стулья с высокими спинками, обитые тёмно-синим бархатом.

Хостес, одетая в чёрное платье с воротником-стойкой, усадила нас. Она была так загипнотизирована Эйсом, что не отодвинула мой стул. Она даже не посмотрела на меня.

— Демонстрируешь, как это работает? — спросила я, как только она ушла.

— Как что работает?

— Каптис.

Он издал низкий звук в глубине своего горла.

— Китти-Кэт, если бы я использовал каптис на ком-нибудь в этой комнате, они бы прямо сейчас оседлали меня. Это действительно то, что ты хочешь увидеть перед едой?

Я даже не хотела видеть это после того, как поем...

Официант, одетый в чёрное, появился рядом с нашим столиком и налил газированную воду в наши стаканы. Он спросил, что мы хотим выпить. Я попросила шампанского. Эйс заказал японского виски без льда. Официант попятился, растворившись в тёмной, приглушённой комнате.

— Разве нет миллиона людей получше, с которыми можно поужинать? — спросила я его.

Его тёмные брови сдвинулись.

— Получше?

— Я не знаю... друзей?

— Хочешь верь, хочешь нет, но когда ты не применяешь грубую силу, мне действительно нравится твоё общество.

Я теребила салфетку у себя на коленях.

— Скажи мне, что заставило тебя захотеть стать врачом? — спросил он.

Ошеломлённая тем, что он задал мне личный вопрос, который не касался моего наследия, я ответила не сразу. Наконец я сказала:

— Когда мне было семь лет, у моего дедушки начались хронические боли в позвоночнике. У него возникало это покалывание, которое переходило в онемение. Его мышцы скручивало. В течение нескольких месяцев он едва мог ходить или поднимать чайник без посторонней помощи.

— Бабушка Вони и мама пытались лечить его отварами Готтва, которые пахли старыми носками. На вкус они были такими же, — я сморщила нос, вспомнив, как обмакнула губы в

дедушкину чашку. — В некоторые дни он казался лучше, был более подвижен — и все были убеждены, что приготовленное лекарство помогает — в некоторые дни ему было так плохо, что он спал в кресле в гостиной, чтобы его не двигали. В те дни я сидела у него на коленях и протягивала ему книги, чтобы он мог почитать мне. Не то чтобы он действительно нуждался в книгах. У него всегда была своя история.

Я улыбнулась, вспомнив доброе морщинистое лицо моего дедушки, запах ветивера и трубки на его коже, мозоли на его больших руках.

— А потом в один прекрасный день у него сломалась лодыжка. Тогда мы отвезли его в больницу. У него был диагностирован рак костей 3-й стадии. Я действительно не знала, что это значит. Я имею в виду, я знала, что рак — это не то, чем ты хотел бы болеть, но мои родители пытались защитить меня, говоря, что с ним всё будет в порядке. Что он скоро вернётся домой.

Официант поставил перед нами наши напитки. Он спросил, готовы ли мы сделать заказ, но Эйс отмахнулся от него.

Я наблюдала, как пузырьки поднимаются по стенкам моего стакана и всплывают на поверхность, слушала, как они шипят.

— Он так и не вернулся домой, — продолжила я. — В тот день я была зла на родителей. Потому что они солгали. Потому что они поили его чаем вместо того, чтобы начать химиотерапию, — я повертела стакан в пальцах. — Я не знаю, спасла ли бы его химиотерапия, но она могла бы продлить его жизнь. В любом случае, с того дня я решила, что хочу научиться спасать людей.

Я посмотрела на Эйса.

— Перед смертью Холли сказала мне, что феиры обладают целебной силой, что у лучших врачей есть кровь феиры. Ещё одна причина, по которой я бы никогда не выбрала охотника, Эйс. Я не говорю, что магия лечит лучше, чем реальные знания, но я воспользуюсь любым преимуществом, которое смогу получить.

— К сожалению, наша магия не может исцелить всё, — его взгляд прошёлся по моему обнажённому плечу, опустился вниз по руке к пластырю телесного цвета, который я обменяла на белую марлю и стерильный компресс. — Как твоя рука?

— Лучше.

Он поднял свой стакан и задержал его передо мной.

— За то, чтобы твои мечты сбылись.

Я чокнулась своим бокалом с его. Сделав глоток, я спросила:

— Так о чём же ты мечтаешь, Эйс Вуд?

Он откинулся на спинку стула с высокой спинкой и потягивал виски.

— Я мечтаю, чтобы мы могли научиться жить в мире в Неверре. Что Благие, Неблагие и калидум работают вместе, а не друг против друга. Что моя младшая сестра обретает свой голос. Что мой отец слушает меня, а не Грегора и Лио. Чтобы охотники никогда не убивали других феиры. Что однажды я буду свободен и навсегда покину Неверру.

— Неужели это действительно такое плохое место для жизни?

— Оно неплохое, но всё идёт не так, как должно быть. Мы живём в архаичные времена, когда всё, все отношения просчитаны. Где подавляется свобода слова. Тебе нужно завести правильных друзей. Если ты сделаешь неправильные выводы, тебе будет объявлен выговор. И наказание.

— У тебя много друзей? Кроме Круза?

— У меня есть двое, но мне сказали, что они не те друзья.

— Кто тебе это сказал?

— Отец, мать, Грегор, мои верные друзья...

— Ты всё ещё видишь своих неправильных друзей?

Он поставил свой пустой стакан и опёрся локтями о стол.

— Я сейчас сижу напротив тебя?

— Да.

— Ты думаешь, я позволяю людям диктовать, что мне делать?

— Разве они тебя не наказывают?

— О да.

— Как?

— Я не буду перечислять тебе все мои наказания, но моё последнее — жениться на наложнице моего отца и признать отцовство их ребёнка.

Я опрокинула свой бокал шампанского. Он не разбился, но содержимое вылилось и потекло на колени Эйса.

— Мне жаль.

— Мне тоже очень жаль себя.

Я не думала, что он имел в виду его промокшие серые джинсы.

Официант снова вышел из темноты с салфеткой в руке. Он начисто вытер стол, затем протянул Эйсу свежую салфетку.

— Мы возьмём два дегустационных меню и ещё два таких же, — Эйс указал на наши пустые бокалы. — Ты ешь всё, верно?

Я кивнула. Официант снова отступил в темноту.

— Почему у стольких человеческих девушек аллергия на всё подряд? — спросил он.

— Они следят за своим весом.

— Ты следишь за своим весом?

— Нет. Хотя я должна была бы. Я слишком часто забываю поесть.

— Как можно забыть поесть?

— Живёшь над оживлённым кладбищем в оживлённом городе. У человека есть много забот, например, пережить всех её посетителей.

Эйс усмехнулся.

— Мне было интересно кое-что, что я узнала из книги Холли — я должна сказать, Лея. Очевидно, её написала мать Холли... Почему ты хмуришься? — спросила я.

— Эм, Холли — это Лея. Она просто сменила имя, когда вернулась в Роуэн. Было бы подозрительно, если бы она этого не сделала.

— Что? — я взвизгнула.

— Тебе не показалось странным их сходство?

Единственная фотография Леи, которую я когда-либо видела, была на моей тумбочке. Она была молода на ней. Я знала Холли только как старую женщину.

— Но Лея умерла в... когда она умерла? — Она похоронена на нашем кладбище, рядом с Чатвой.

Воспоминание об их одинаковых шрамах вернулось ко мне. Я закрыла ладонью рот.

— Чёрт возьми... Холли была Леей? — Почему я так удивилась? Я ужинала с фейри. Я двигала воду своим разумом. В этот момент меня уже ничто не должно было шокировать.

Эйс выглядел удивлённым.

— Почему ты мне не сказал? — прошипела я.

— Ты никогда не спрашивала.

— Как я могла спросить?

— Ты могла бы спросить: "Холли и Лея — один и тот же человек?"

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Не думал, что это будет иметь значение.

Технически, это было не так. Хотя я могла бы спросить её о Чатве и о её отце. Знала ли она их дедушку? Или он умер до того, как они родились? Моё генеалогическое древо было несколько расплывчатым. Может быть, мне стоит нарисовать...

— Что ты собиралась рассказать мне о книге Холли? — спросил он, по-деловому сцепляя свои длинные пальцы на столе. — Чему ты там научилась?

Что я хотела ему сказать? Мне пришлось покопаться в мыслях... Чудесным образом это вернулось ко мне.

— Я узнала, что первый портал, который открыли ваши люди, был на маяке Белла-Пойнт. Почему Мичиган? Почему бы не Лондон, или зона 51, или ещё что-нибудь более захватывающее?

— Когда был построен и заколдован первый астиум, позволяющий нам путешествовать, он привёл нас в этот штат. Только гораздо позже мы узнали, как запрограммировать GPS-координаты в астиумах.

Я уже собиралась расспросить его подробнее об этих астиумах, когда официант принёс нам закуски, разложенные на изящнейших керамических блюдах. Маленькие произведения искусства: блестящие ломтики рыбы, расположенные веером и усеянные густым соусом и веточками шисо; обжаренные во фритюре рисовые шарики, увенчанные пряным татаки из тунца; нежные креветки, разрезанные пополам и поданные в бокале для мартини.

Палочками для еды я отщипнула кусочек рыбы, обмакнула его в соус, затем положила на язык, где он растаял.

Должно быть, я застонала от удовольствия, потому что Эйс улыбнулся.

— Вкусно?

Я покачала головой.

— Невероятно.

Он попробовал один, затем кивнул.

— Даже для тебя? — спросила я.

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, даже для меня?

— Я имею в виду... ты живёшь здесь уже давно, и у тебя безграничная сумма денег. Ты должен всё время есть вкусную еду.

Он уставился на меня через стол с такой пристальностью, что я опустила взгляд.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я всё ещё открываю восхитительные вещи.

Я взяла креветку на вертеле и отправила её в рот. Аромат взорвался на моём нёбе, на мгновение уничтожив моё нарастающее беспокойство. Однако после того как я проглотила, нервозность вернулась, окутав меня жаром, который заставил меня пожалеть, что я не сижу под вентиляционным отверстием кондиционера.

— Ты в порядке, Катори? — спросил он.

Я с трудом сглотнула и кивнула. Должно быть, он использовал каптис. Это было единственным логическим объяснением моей тревоги. Я собиралась сказать ему, чтобы он

прекратил, но что, если... что, если он им не пользовался?

— Покажи мне, как работает капсис? — спросила я вместо этого. — На мне. Покажи мне, — если бы я не чувствовала себя иначе, то, по крайней мере, была бы уверена, что мной манипулируют.

Он приподнял бровь.

— Ты уверена?

— Да, — мой пульс уже участился.

Ни один мускул на его лице не дрогнул, только глаза сместились. А потом что-то тёплое и мягкое коснулось моей кожи, потекло по подбородку, шее, скользнуло между грудями, по ним. Мои соски затвердели. Я хотела вцепиться в шёлк, который сковывал мои груди, освободить их. Его губы приоткрылись, и на секунду я подумала, что он собирается наклониться, сорвать ткань зубами и провести языком по моей чувствительной коже.

Он смотрел на них. Он хотел их. Хотел меня.

Нет! Я ему не нужна. Я моргнула, на мгновение пораженная мыслью, которая противоречила всему, что я чувствовала.

Моё колено стукнулось об его под столом. Это было всего лишь колено, но оно вызвало серию взрывов на моих бёдрах. Неужели он тоже это почувствовал?

Я наблюдала за его лицом, наблюдала за его приоткрытыми губами. Он действительно хотел меня.

Я скользнула рукой под стол, коснулась его ноги, провела пальцами вверх по его твёрдому бедру, всё время не сводя с него пристального взгляда. Его зрачки запульсировали, когда мои пальцы медленно поднялись выше. Как раз перед тем, как я смогла провести по нему костяшками пальцев, он отпрянул, заскрежетав ножками стула.

Моя рука соскользнула с его колен.

Тихий вздох вырвался у меня.

Что, чёрт возьми, я только что сделала?

Покраснев, я вернула пальцы на салфетку и уставилась на лопающиеся пузырьки шампанского.

В двух вещах я была уверена: во-первых, он никогда раньше не использовал капсис против меня, во-вторых, я была в беде.

ГЛАВА 28. НЕНАВИСТЬ И ЛЮБОВЬ

— Мне очень жаль, — сказал Эйс.

— Почему ты извиняешься?

Я не отводила взгляда от салфетки, которую комкала на коленях. Я не смела отвести от неё взгляд. Я была уверена, что если я посмотрю вверх, Эйс увидит, как меня пожирает тоска. Что бы он ни разжёл во мне, всё ещё шевелилось, как змея, в моей сердцевине, всё ещё скользило по моим венам, распространяя ядовитое желание.

— Я должен был остановиться раньше, — тихо сказал он.

— Ты имеешь в виду, до того, как я выставила себя ещё большей дурой?

— Ты не выставляла себя дурой.

— Я погладила твою ногу.

— Большинство женщин стояли бы на коленях под столом. Ты сопротивлялась мне.

Я была почти уверена, что тон моей кожи соответствует моему платью.

— Я не чувствовала себя очень стойкой.

Он отодвинул свой стул под маленький столик и наклонился вперёд.

— Почему ты хотела, чтобы я использовал это на тебе? — его хриплый голос творил со мной самые разные вещи.

Я нервно облизнула губы.

— Я просто... просто хотела посмотреть, будет ли это так же, как капсис Борго и Круза.

— И?

Я поёрзала на своём сиденье, сосредоточилась на тихой музыке, играющей на заднем плане, и пожелала, чтобы шупальца кондиционера охладили его яд. Ничто из этого не уняло беспорядочный огонь, потрескивающий, как поп-рок, в моих конечностях.

— Это было то же самое, — солгала я.

— Действительно? — одна из его бровей взлетела вверх.

— Почему это удивительно?

Его голова была в нескольких дюймах от моей.

— Потому что капсис — это как отпечаток пальца. Нет двух фейри, обладающих одним и тем же. И это, конечно, не влияет на всех людей одинаково. Конечный результат, однако, одинаков — мы пробуждаем похоть или любовь, в зависимости от того, чего мы добиваемся, — но контроль, сила, прогрессия, точность — всё это очень отличается. Так что, если это было похоже на то, что Борго и Круз сделали с тобой, то либо я теряю хватку, либо ты лжёшь.

Одна его рука исчезла под столом, легко опустившись на моё колено. Я дёрнулась, адреналин пронзил меня. Он медленно скользнул вверх, поднимая шёлковый подол моего платья выше, сжимая его в своих обжигающих пальцах.

— И, — прошептал он, его голос ласкал мою шею, как пёрышко, — как только фейри перестанет им пользоваться... — его рот, казалось, приблизился к моей челюсти. Я отвернула лицо. Его дыхание коснулось раковины моего уха. — Как я перестал...

Я повернула к нему лицо. Он не остановился. Он играл со мной, видя, как далеко он может меня подтолкнуть.

— Эффект. Пропадает. Точка.

Я вцепилась в его руку, останавливая движение его пальцев, и пристально посмотрела на него. Эмоции бурлили внутри меня... гнев, ненависть, страх, желание и смущение. Они все были на месте, хлестали меня, как будто я ещё не опустилась. Мои глаза горели вместе с моей рукой... вместе с его ладонью, которая всё ещё была на моём бедре. Я закрыла глаза. По щеке скатилась слеза. Стыд победил, расплющивая моё больное эго. Он поднёс свободную руку к моему лицу, смахнул слезу, затем перевернул ладонь, переплёл свои пальцы с моими дрожащими и крепко сжал.

— Кэт, почему ты плачешь?

— Я подавлена, — прошептала я.

Он заправил прядь волос мне за ухо.

— Почему?

— Потому что я так жалко слаба.

— Потому что ты не можешь сопротивляться капсису? Я никогда не видел никого, кто мог бы. И, как я уже сказал, ты сопротивлялась мне. Меня никогда никто так сильно не отталкивал.

— Ты просто говоришь это, чтобы заставить меня чувствовать себя лучше.

— Нет, это не так, — он взял меня за подбородок. — Посмотри на меня, Кэт.

Я неохотно посмотрела на него.

Его кадык дёрнулся.

— Вчера на крыше, — его лицо омрачилось неуверенностью, — ты бы действительно предпочла прыгать?

Я удивлённо отпрянула, и мои пальцы перестали дрожать.

— Я чувствовал, что между нами что-то есть, но до прошлой ночи, когда ты попросила меня прекратить использовать капсис на тебе, я думал, что всё это было в моей голове.

Мой желудок затвердел и запульсировал, как будто моё сердце переместилось вниз.

— Прошлой ночью я не использовал капсис. Я никогда не использовал его на тебе. Никогда бы не осмелился, — улыбка приподняла уголки его рта на самую короткую секунду. — Тот факт, что ты что-то почувствовала, заставил меня задуматься, возможно, это было не всё в моей голове. Если, возможно, это было и в твоей.

Я опустила глаза на стол. В чёрном лаке я видела, как мои ресницы слиплись от слёз.

— А потом сегодня вечером ты просишь меня использовать это на тебе. А теперь ты даже не можешь посмотреть на меня. Поэтому я спрашиваю, какого чёрта мы делаем?

Его большой палец погладил внутреннюю сторону моей ладони. Так же, как он сделал вчера на крыше. Я снова подняла на него глаза. Они светились беспокойством.

— Я делаю то, что у меня получается лучше всего, — медленно сказала я.

На его горле пульсировала вена.

— И что это такое?

— Я влюбляюсь не в того человека.

Его зрачки пульсировали.

— Кто был бы подходящим человеком? Охотник?

Резкость его тона заставила меня ахнуть.

— Нет.

— Тогда кто был бы подходящим человеком?

— Человек, который не связан.

— Я не связан.

Я заставила его замолчать пальцем.

— Мужчина, который не испытывает отвращения ни к одной части меня. Огромной части меня.

Его большой палец замер на моей ладони, но он крепче сжал мою руку в своей.

— Я не испытываю. Я просто не знаю, что...

— Мужчина, который не относится к женщине как к чужой добыче.

— Это несправедливо. Ты бросаешь мне в лицо всё, что я когда-либо говорил тебе.

— Мужчина, который не думает, что фейри, любящий охотницу, самая мерзкая вещь в мире.

— Когда я...

— Борго и Ишту. Я слушаю, Эйс. И я учусь. Медленно. Но я учусь. Поэтому я могу сказать тебе с абсолютной, непоколебимой уверенностью, что мы совершенно не подходим друг другу. Что в конечном итоге мы причиним друг другу гораздо больше боли, чем будем любить друг друга.

Его губы сжались.

— И попробуй сказать мне, что я ошибаюсь, — сказала я.

Он отпустил мою руку. Она безвольно упала мне на бедро. А потом он отпрянул от меня.

— Ты, очевидно, составила своё мнение обо мне.

Он сделал знак официанту, его движение было резким.

— Не могли бы вы принести нам остальную еду, или все ваши повара на перекуре?

Официант поспешил прочь.

— Не срывайся на нём, — сказала я.

— Я вымещу это на том, на ком, чёрт возьми, захочу выместить это.

Его гнев вспыхнул, как у ребёнка. Ему было больше ста лет, у него было гораздо больше женщин, чем я когда-либо могла себе представить, возможно, кто-то на этом пути отверг его — хотя я в этом сомневалась — и всё же ему было больно.

— Ты сам сказал, что тебя тянет не к тем людям, — напомнила я ему. — Я избавляю тебя от ещё одной неприятной связи.

— Не смей перекладывать это на меня.

Он покачал головой, и прядь волос, намазанных гелем, упала ему на глаза. Он отвел её обратно.

— Мы оба говорили друг другу обидные вещи. Ты обвинила меня в убийстве, чёрт возьми. Как ты думаешь, что я при этом почувствовал? Это так разозлило меня, что я остался в Неверре. Но я простил тебя, потому что знал, что ты говорила из страха, и ничто из того, что я делал до этого момента, не заставило тебя доверять мне.

Мой желудок скрутило узлом.

— Посмотри на нас, Эйс. Перестань болтать и посмотри на нас. Мы уже причиняем друг другу боль.

Он пристально посмотрел на меня, а затем вскочил со своего места и выбежал из ресторана. Я оглянулась на стол, где официант расставлял тарелки с прекрасной едой, но ничто меня не привлекало.

Я попросила счёт. Подписала его, даже не взглянув на сумму, затем оттолкнулась от стола и встала на дрожащие ноги. Я поехала на лифте обратно на свой этаж, желая, чтобы эта ночь никогда не случалась, желая, чтобы мы с Эйсом могли вернуться туда, куда мы пришли несколько дней назад. Это было хорошее место. Безопасное место. Место, где желание и боль были недопустимы. Где сердца не могли быть растоптаны.

ГЛАВА 29 ОТКРЫТИЕ

На следующее утро, не зная, появится ли Эйс в "Форест Пресс" и вернёт ли меня к Роуэн, я собрала свои вещи и спустилась вниз, чтобы оплатить счёт.

Пока я ждала, пока консьерж сформирует его, я спросила расписание автобусов. Он протянул мне бумагу, а затем сказал, что все расходы за мой номер уже оплачены. Я огляделась, наполовину ожидая увидеть Эйса где-то в вестибюле. Его не было.

Я вышла через вращающиеся двери, моя тканевая сумка разрывалась. Я взяла туфли с собой, так как не могла вернуть их, как только надела. Они казались мёртвым грузом в моей сумке.

Я плохо спала. Несмотря на то, что простыни были самыми мягкими, на которых я когда-либо лежала, а одеяло было самым пушистым из всех, что когда-либо было обёрнуто вокруг моего тела. Я надела солнцезащитные очки и пошла в ближайшую кофейню. Воздух

казался прохладным на моих щеках и висках. Это уменьшило мою пульсирующую головную боль.

Я зашла в кофейню и заказала чёрный кофе. Он был горьким и горячим и наполнил мой измученный желудок теплом. Я добавила булочку с корицей к своему заказу и заставила себя съесть её, хотя она была похожа на подслащенный картон.

Когда я свернула за угол на улицу, которая проходила между "Форест Принт" и рекой, Эйса всё ещё не было видно. Я вошла в здание и попросила позвать управляющего. Его секретарша сказала мне, что он ждёт меня в своём кабинете. Я постучала в его дверь.

Он оторвал взгляд от своего компьютера.

— Входите, мисс Прайс.

Его напряжённое выражение лица заставило меня нахмуриться. Надеюсь, это не имело никакого отношения к книге.

— Она... она ещё не готова?

— Всё оказалось немного сложнее.

Я замерла.

— Человек, который предоставил чернила, он попросил показать металлические пластины. Чтобы убедиться, что он предоставил достаточно. В любом случае, я оставил его наедине с коробкой на две минуты — как раз столько времени мне потребовалось, чтобы достать наличные из нашего сейфа, чтобы заплатить ему, и, э-э... — его скальп блестел. — Когда я вернулся с наличными, его уже не было, как и коробки. Я уже вернул деньги на кредитную карту мистера Вуда.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — прохрипела я.

— Боюсь, что нет, — цвет его кожи был почти фиолетовым.

— Кто этот человек? Этот поставщик? — мой голос дрожал от гнева. — Мне нужен его номер телефона.

— Я не имею права давать его вам.

— Вы не имеете права? — закричала я. Моя рука была в огне. Моя голова была в огне. Меня трясло. Меня никогда так сильно не трясло. Интуиция подсказывала мне, что это не случайная кража. — Вы дадите мне его номер телефона прямо сейчас, прежде чем я... прежде чем я... — лёд заменил огонь. Это расширилось внутри меня. Охладило и обожгло меня. Это наполнило меня так, как ничто никогда не наполняло меня раньше. Это...

Чьи-то руки развернули меня.

— Катори, не устраивай сцен.

Я дёрнулась. Моргнула. Эйс был здесь. Какого чёрта он здесь делал?

— Успокойся, — пробормотал он.

— Он потерял мою книгу!

— Я слышал.

Я попыталась выровнять дыхание, но была слишком разъярена, чтобы успокоиться. Уже дважды. Дважды я теряла свою книгу, и на этот раз ощущения ничем не отличались от первого.

— Я сделаю всё возможное, чтобы вернуть её... — начал мужчина.

— Держу пари, что так и будет, — выпалила я.

— Катори! — голос Эйса был резким. — Пойдём.

— Только не без номера телефона этого человека. Мне нужен номер его телефона.

— Он есть у меня. Мистер Томпсон был достаточно любезен, чтобы отдать его мне.

Буква W яростно горела на моей руке. Достаточно любезен? Он что, издевался надо мной?

Эйс вытащил меня из офиса, из здания, вниз по одной улице, а затем вверх по другой. Мы, должно быть, прошли целую милю, прежде чем мне удалось вырвать свою руку из его хватки.

— Дай мне номер телефона, Эйс!

— Нет.

Я отпрянула назад.

— Что значит "нет"?

— Ты действительно думаешь, что кто-то ответит?

Я воспротивилась его снисходительному тону.

— Коробка никогда не покидала здание, Кэт.

— Нет?

— Нет. Прошлой ночью я велел людям дежурить.

— Фейри?

— Может быть. Разве это имеет значение?

— Ты сказал им, за чем они следили? — язвительно спросила я.

— Я не был точен. Тебе не показалось слишком удобным, что у его таинственного поставщика были на складе опаловые чернила?

Я подумала, что он нервничает. Я сделала несколько глубоких успокаивающих вдохов. Я не чувствовала себя намного спокойнее, но мне также не хотелось создавать приливную волну, чтобы сравнять с землёй кирпичное здание.

— И что теперь?

— Сейчас мои люди заберут его, а затем заберут коробку и принесут её нам.

Моя грудь поднималась и опускалась медленнее.

— Почему ты не сказал мне об этом прошлой ночью? Или этим утром?

— Потому что я не был уверен, — он бросил взгляд на проходящую мимо пожилую пару. — И потому что я был зол на тебя.

— Потому что я сказала "нет"?

— Мне никогда не отказывали, Кэт. Никогда.

Его взгляд прилип к золотым туфлям, выглядывающим из верхней части моей сумки.

— Я сказала "нет", потому что ты и я, мы ужасная пара. Ты... ну, ты — это ты, а я — это я.

Его глаза снова встретились с моими, и он улыбнулся.

— Почему ты улыбаешься? — спросила я.

— Из-за твоих здравых рассуждений.

Он наклонился ко мне, и я не отстранилась. Нет, нет, нет. Держись за своё оружие, Катори.

— Меня больше привлекает Каджика, чем ты, — выпалила я.

Его дыхание ворвалось в мой холодный нос. Он не отодвинулся. Он вообще не двигался. Теперь он возненавидел бы меня. Но так было лучше всего. Симпатия ко мне испортила бы наши жизни обоим.

— Спасибо тебе за всё, что ты сделал, но мне нужно вернуться в Роуэн. Каджика ждёт меня, — испугавшись последствий своих жестоких слов, я уставилась на лацкан его рубашки. — Я поеду на автобусе...

Молчание болезненно растянулось между нами.

— А как насчёт твоей книги? — спросил он бесцветным голосом.

— Мне уже всё равно.

— Тебе должно быть не всё равно.

— Почему я должна беспокоиться о чём-то, что не принесло мне ничего, кроме горя?

Он прижал запястье к моему лицу. На его коже появился светящийся символ.

Идеальный круг, расчерченный пятью линиями неправильного размера.

— Потому что, если это то, что ты в ней увидела, то твой мир вот-вот по-настоящему развалится!

Символ засветился на его запястье, как тогда, в Бостоне.

— Это ты видела? — крикнул он.

— Не кричи.

— Это ты видела в книге Леи? — он подчёркивал каждое слово.

Я уставилась на символ.

— Я не помню.

— Ты не помнишь или не хочешь мне говорить?

— Я не помню, — сказала я, подражая его едкому тону. — В любом случае, что это такое?

Он тяжело дышал.

— Это ключ к порталам. Если у формы это есть, то у вас будет чертовски много нежелательных посетителей.

— Разве они не могут проходить через порталы? Разве Неблагие не поселились внутри Негонгвы?

— Мой дедушка задолжал гаджой Неблагой, — сказал он. — Она спасла мою бабушку во время родов, спасла его маленького сына. Она заявила о своём гаджой много лет спустя. Она попросила предоставить ей доступ к portalу. Она так и не вернулась с Земли, а потом это племя внезапно узнало о нас, узнало, как нас убить. И мы поняли, что она сделала. Она приняла форму жизни Негонгвы. А потом она заразила других своей тёмной кровью.

Два месяца назад, если бы кто-то рассказал мне эту историю, я бы посоветовала им бросить употреблять наркотики, но это было два месяца назад. Моя жизнь ещё не вышла из-под контроля. Тогда моё существование всё ещё было нормальным. Я всё ещё была всего лишь дочерью, студенткой колледжа, жительницей маленького и чрезвычайно скучного городка.

— Если это то, что ты видела, тогда... — беспокойство зазвучало в его голосе, исказило черты лица. — Тогда ты исполнишь своё желание.

— Что это за желание?

— О том, чтобы избавиться от меня навсегда.

Моё сердце бешено заколотилось. Я не хотела избавляться от Эйса.

— Нам придётся запечатать порталы, и кто знает, сможем ли мы открыть их снова.

Мы долго смотрели друг на друга.

— Ты, кажется, не слишком недовольна нашим решением, — сказал он наконец.

Я не была недовольна. Я была потрясена, напугана, возмущена.

— Оставьте их открытыми. Мир уже полон злых людей. Плюс, по крайней мере, ты избавишься от них в Неверре.

Его пристальный взгляд скользнул по моему с головокружительной скоростью. Я знала,

что он ищет, поэтому отвернулась.

Я бы не позволила ему увидеть, как сильно я хотела, чтобы он остался.

ГЛАВА 30. ВСТРЕЧА

Я вернулась на автобусе.

Эйс предложил отвезти меня домой, но я отказалась, потому что мне нужно было установить некоторую дистанцию между нами. Тем не менее, я приняла его предложение проводить меня до автобусной станции. Мы оба были так поглощены своими мыслями, что всю дорогу молчали. Ну, пока я не вошла в автобус, и двери уже собирались закрыться. Затем он сказал:

— Возможно, это просто схемы захоронения, Кэт, — он имел в виду круг, который я видела в книге Холли.

Беспокойство, отразившееся на его лице, не слишком успокоило меня.

Большую часть пути домой я пыталась вызвать в памяти голограмму, но безуспешно. Я прекрасно помнила круг, но не могла вспомнить, видела ли я пять линий или больше, или это были прямоугольники? Я осторожно постукивала головой по подголовнику снова и снова, желая, чтобы это вернуло образ в моё сознание. Этого не произошло.

Мои мысли вернулись к Эйсу, к порталу, к книге, к лживому мистеру Томпсону. Я не думала, что всё может быть хуже, чем потерять мою мать и лучшего друга и наблюдать, как два фейри превращаются в пепел, но, очевидно, могло.

То, как Эйс описал Неблагих, было ошеломляющим.

Они похищали тела.

Я замерла на месте.

Что, если Неблагой похитил меня?

Я напечатала это в сообщении, который не решалась отправить Эйсу, но потом любопытство — или это был страх? Победило, и я нажала отправить.

"Нет. Ты отчасти Благая. Они не могут входить в тела Благих".

"Ты уверен?"

"Да".

"Могли ли они проникнуть в тело моего отца?"

"Они могут".

Мои пальцы замерли, а потом задрожали.

На моём дрожащем экране появились новые слова.

"Лили бросила вызов колокольчикам, чтобы проверить его. Она останется, пока ты не вернёшься. Тогда ей придётся вернуться домой".

Я читала и перечитывала его слова.

"Кэт?"

"Да".

"Просто проверял, что ты всё ещё там".

"Я всё ещё здесь".

"Сейчас я возвращаюсь в Неверру, так что буду вне досягаемости. Мобильная связь там не работает".

"Ты уже говорил мне об этом".

"Мне жаль, что я пытался навязаться тебе. Не вспоминай меня таким, ладно?"

Дыхание застряло у меня в горле.

"Почему ты так говоришь? Вспоминать тебя? Ты планируешь никогда не возвращаться?"

Никаких точек не загорелось, указывая на то, что он печатал сообщение.

"Эйс???"

По-прежнему никакого ответа.

Слова начали дрожать на моём экране, а затем моя рука загорелась. Я проследила за буквой W, пожелала, чтобы она привела его ко мне.

Я бы сказала ему правду.

Я бы сказала ему, что солгала насчёт Каджики.

Я бы позволила ему поцеловать меня.

Я бы поцеловала его.

"Не смей оставлять меня здесь одну!!"

Следующие несколько минут я в предвкушении наблюдала за своим экраном и своей светящейся рукой. Вскоре моё предвкушение превратилось в страх. Почему он не отвечал? Почему он не маячил за моим окном?

"Эйс?"

Я написала тысячу других слов, тысячу признаний, когда деревья размылись за моим окном в зелёном пятне, а голубое небо потускнело до серого. Я не послала ни одно из них.

Когда мы миновали последний съезд перед Роуэном, я позвонила отцу, но он не ответил. Я позвонила Би, чтобы узнать, там ли он. Я попала на девушку, которая заменяла Касс днём. Она сказала мне, что не видела его. Я снова набрала его номер, но он переключился на голосовую почту. Почему люди никогда не брали телефоны, когда это было срочно, но всегда были на связи, когда ничто не имело значения?

Когда автобус въехал в Роуэн, я бросилась по проходу, прежде чем несколько пассажиров успели подняться, и чуть не споткнулась о ступеньки. Я была на Морган-Стрит, прямо за углом от полицейского участка, где я впервые встретила Эйса. Боже, как я ненавидела его тогда. Он был таким чертовски самодовольным.

"Я вернулась в Роуэн."

— Где ты? — прошептала я.

Он не ответил.

— Кэт?

Я подняла глаза.

Джимми стоял перед участком, ключи позвякивали в его руке.

— Ты в порядке?

Я кивнула, хотя на самом деле чувствовала себя не в порядке.

— Касс оставила твою машину у твоего дома, — сказал он.

— Она написала мне это.

— Я просто запирал дверь. Хочешь подвезу? Я направляюсь в твою сторону.

— Было бы прекрасно.

— Как было в Детройте? Хорошо ли вела себя моя сестра?

— Касс? Хорошо себя вела? — сказала я с улыбкой. — Что за вопрос.

Он усмехнулся.

— Почему, ты думаешь, я стал полицейским?

— Чтобы ты мог арестовать её? — рискнула я.

Он ухмыльнулся, отчего его большой лоб сморщился.

— Чтобы быть уверенным, что если она когда-нибудь окажется за решёткой, у меня были бы ключи от её камеры.

Я рассмеялась. Было приятно смеяться. Когда он повёл меня к парковке в задней части участка, я спросила:

— Почему ты направляешься в мою сторону?

Он открыл свой старинный коричневый "BMW", затем нажал кнопку на лобовом стекле, чтобы отпереть мою сторону. Он спас эту машину со штрафстоянки и неустанно работал над ней вместе с Блейком. Я до сих пор помню тот день, когда они, наконец, завели двигатель. Они скакали вокруг машины, скандируя: "Мы сделали это. Да, мы сделали это". Мы с Кэсс так над ними подшучивали.

— Мне нужно заехать в старый дом Холли, — сказал он.

— Заехать? Зачем?

— Потому что ко мне в участок приходили туристы, чтобы сообщить о высоком молодом человеке с чёрными волосами и татуировками, который учил кучу людей стрелять из лука. Судя по описанию, я предполагаю, что они говорили о Каджике. Мне нужно сказать ему, что он не может использовать общественные территории в качестве тренировочного центра для стрельбы из лука. Это не только незаконно, но и безумно опасно. Ты можешь себе представить, если он в кого-нибудь попадёт?

— Я поеду с тобой, — сказала я.

Он взглянул на меня, когда выезжал со стоянки.

— Ты уверена? Эти столкновения иногда могут быть немного шумными.

— Я уверена. Но можем мы сначала заехать ко мне? Папа не отвечает на звонки. Я просто хочу, чтобы он знал, что я дома.

— Абсолютно.

Мы проехали по Морган-Стрит, затем повернули направо, к дому. Когда мы проезжали поля Холли, я прищурилась, чтобы заглянуть за долговязое тело Джимми. Фермерский дом сиял.

— Когда ты говоришь "куча"... О скольких мы говорим?

— Туристы упоминали дюжину или около того.

Я в ужасе уставилась на него. Неужели Каджика разбудил свою семью? Может быть, он рылся на моём заднем дворе, пока меня не было?

В ту секунду, когда Джимми припарковался перед домом, я широко распахнула дверь и выскочила наружу, оглядывая круг рябиновых деревьев. Земля была нетронута. По крайней мере, так это выглядело.

Я взбежала по ступенькам крыльца.

— Папа! — крикнула я.

— На кухне, — крикнул он в ответ.

Я в спешке пересекла гостиную, но резко остановилась у дверного косяка. Лили сидела за маленьким деревянным столиком и ужинала с моим отцом. Эйс упомянул, что она будет присматривать за ним, но ужинать с ним? Должно быть, я очень долго стояла с разинутым ртом, потому что папа сказал:

— Лили заходила посоветоваться насчёт своего свадебного платья.

— И? Ты дал совет? — спросила я, как только оправилась от изумления.

Папа выдавил ухмылку.

— Не за моим советом, Кэт. За твоим.

— Ох. Эм, хорошо.

— Не смотри так испуганно. Ты любишь моду и любишь давать советы.

Должно быть, я скорчила гримасу, потому что папа рассмеялся.

— Джимми у входа, — сказала я. — Не мог бы ты сказать ему, что я буду там через секунду?

— Куда ты сейчас направляешься?

— Спроси его. Он объяснит.

Брови Лили поползли вверх.

— Ты можешь побыть с моим отцом ещё один час? — я спросила её, как только папа ушёл.

Она нахмурилась ещё сильнее.

— Мне нужно увидеться с Каджикой.

Она медленно, недоверчиво покачала головой.

Неужели она думала, что я собираюсь встретиться с ним ради секса?

— Он привёл сюда людей, — сказала я. — По-видимому, много людей. Ты слышала об этом?

Она кивнула, подтверждая свою осведомлённость о сборе охотников. Если это то, чем они были... С другой стороны, зачем ещё ему было учить их стрелять из лука в лесу?

Она вынула ручку из блокнота, исписанного красивым каллиграфическим почерком, перевернула страницу и написала.

"Я могу остаться, но ненадолго. Эйс хочет, чтобы я вернулась домой как можно скорее".

— Он не планирует запечатывать... — я собиралась сказать порталы, но решила использовать слово фаэли. — астиумы?

"Пока не уверен. Он изучает другие возможности. Иди".

Я повернулась, чтобы уйти, но потом повернула обратно.

— Лили, есть ли что-нибудь, что влияет на них — кроме пыли — так же, как железо влияет на вас?

"Уксус. Лимонный сок. Что-нибудь кислое. Я приготовила твоему отцу салат с изрядной дозой того и другого. Это должно обезопасить его на пару часов".

— Спасибо, — сказала я.

"Меньшее, что я могу сделать после того", — её ручка замерла на бумаге, "того, что я сделала".

Она на мгновение поднесла его ко мне, а затем вырвала листок из блокнота и скомкала его. Голубое пламя лизнуло её ладонь. Она держала руку над бумагой, пока та не загорелась. Мы обе смотрели, как бумага превращается в пепел, а пепел — в воздух. Если бы только Лили тоже могла сжечь то, что она сделала.

ГЛАВА 31. ОРАНЖЕРЕЯ

Перед фермерским домом звучала музыка, несколько шатров с куполообразными крышами и выложенная камнем яма, в которой ревел огонь. Целое обезглавленное животное было насажено на вертел над огнём, ягнёнок или свинья. Он был слишком обуглен, чтобы догадаться, что это было. Влажные банки из-под безалкогольных напитков были расставлены на большом пне, который Холли использовала в качестве стола для пикника во время сбора урожая.

Глаза подозрительно сверкнули, когда мы с Джимми вышли из машины. Некоторые охотники поднялись с ковров, которые они расстелили у огня. Те, кто не стоял, повернулись к нам лицом.

Я оглядела все лица, тщетно ища знакомое. Затем кто-то вышел из тени, кого-то, кого я узнала. Волосы Гвенельды были заплетены в замысловатую косу, украшенную маленькими голубыми перьями. Она выглядела бы так, словно сошла прямо из книги Холли, если бы не её белая футболка и джинсы. А ещё на ней была пара маминых сапог. Мне было больно видеть их на её ногах, хотя я и подарила их ей.

Я заставила себя поднять глаза вверх, к замшевому колье, обвитому вокруг её тонкой шеи, к её квадратной челюсти, полным губам, которые я никогда не видела улыбающимися, прямому носу и раскосым чёрным глазам, которые, казалось, могли видеть тебя насквозь.

— Привет, ребята, — сказал Джимми, показывая им свой значок. — Миссис Гимива, — он кивнул в сторону Гвенельды, затем наклонился ко мне и прошептал. — Эйс Вуд солгал о том, что она была женой мёртвого судмедэксперта. Она совершенно не связана с ним.

Гвенельда не посмотрела на Джимми, не ответила на его кивок. Она пронзила меня взглядом. Я едва осмеливалась пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы дышать. Она была невысокой женщиной, но привлекала к себе столько же внимания, как титан.

— Катори, ты пришла.

Этот её странный голос казался древним, как будто её голосовые связки состарились за двести лет, которые она провела под землёй.

Рядом с ней стоял мужчина, пшенично-светлые волосы были коротко подстрижены, светлые глаза сверкали в темноте. Он был одет в армейскую форму. Служил ли он нашей стране или купил форму в магазине? По одной только ширине мускулов на его груди я заподозрила, что он участвовал в какой-то войне, а теперь сражался в другой.

Когда он сделал шаг к нам, Гвенельда подняла руку, чтобы удержать его.

— Ты вернулась, — сказала я. Был миллион других вещей, которые я предпочла бы сказать, но не перед аудиторией.

— Это мой дом, — сказала она.

Она говорила о фермерском доме Холли или о Роуэне?

Порыв ветра сдул угли костра в нашу сторону. Они шипели в воздухе, как жужжащие светлячки.

— Не хочу прерывать ваше барбекю, но я получил жалобу на неподобающее поведение, — Джимми протёр глаза.

Гвенельда выпятила вперёд челюсть.

— Неподобающее поведение, офицер?

— Очевидно, Каджика учил здесь ваших друзей, — он громко фыркнул, — как стрелять из лука в лесу.

— Разве это незаконно стрелять из лука, офицер?

— В частной собственности нет, но в общественной собственности — да, — он несколько раз моргнул. Из его носа и глаз текло. — Каджика практиковался в общественных местах.

— Я ужасно сожалею. Должно быть, он не понял, что переступил невидимую границу. Я поговорю с ним, когда он вернётся, и прослежу, чтобы он не повторил эту ужасную ошибку.

Когда я увидела, как он вытирает влагу с лица рукавом униформы, я прошептала:

— Ты в порядке?

— Я думаю, что у меня аллергическая реакция на что-то, — он чихнул. — Наверное, просто пыльца.

Я бросила взгляд обратно на потрескивающую яму. Пламя было бледным. Бьюсь об заклад, они жгли рябиновое дерево, и у Джимми, хотя и немного волшебного, была аллергическая реакция на него.

— Спасибо вам. И будьте осторожны с этим пламенем. Мы не хотим, чтобы пожары распространились на наш лес, — сказал он.

— Огонь никогда не остаётся без присмотра, — пообещала она ему.

— Вы... э-э... застрелили это животное, миссис Гимива? Охота в этой части штата запрещена законом.

— Мы купили этого зверя в магазине "Куско".

— "Куско"? — спросил Джимми.

— "Костко", — пояснил мужчина рядом с Гвенельдой.

— Не хотите ли остаться на ужин, офицер? Мы были благословлены самым обильным ужином.

Мужчина рядом с Гвенельдой скользнул взглядом по её лицу. Он, казалось, не слишком обрадовался приглашению сотрудника правоохранительных органов на ужин, или он почувствовал в Джимми кровь фейри? Могли ли новые охотники чувствовать фейри? Джимми не то, чтобы светился. По крайней мере, не для меня. С другой стороны, у него было ничтожное количество крови фейри, и Эйс сказал мне, что чем меньше количество, тем меньше свечение.

Я задавалась вопросом, как повлияет на Джимми употребление мяса, приготовленного на дровах рябины. Отравит ли это его или просто сделает больным, или магия не проникнет в обожжённую плоть?

— Это очень любезно с вашей стороны, мэм, но моя мама ждёт меня на ужин. Приятного вечера, и, пожалуйста, больше никаких тренировок с луком и стрелами. У нас здесь было достаточно смертей, чтобы хватило на десять лет, — он вытер лицо рукавом. Даже его большой лоб был покрыт потом. Он направился к своей машине, но остановился, когда не увидел, что я иду за ним. — Кэт, ты идёшь?

— Мне нужно поговорить с Гвенельдой. Я пойду домой пешком, Джимми. Спасибо, что подвёз.

— Я могу подождать...

— Иди. Со мной всё будет в порядке. Верно, Гвен?

— Тебе не причинят вреда, Катори, — сказала охотница.

Джимми вернулся в свою машину и пару минут постоял на холостом ходу, как будто давая мне время передумать. Несмотря на то, что толпа вокруг меня выглядела примерно такой же дружелюбной, как стая волков, я осталась.

Как только его машина с грохотом отъехала, Гвенельда подошла ко мне.

Её новый клан выхватил из-за спины стрелы и луки и направил их на меня.

— Опустите оружие, — сказала она. — Катори одна из нас.

Некоторые нахмурились, некоторые зашипели.

Я определённо не была одной из них, но, чёрт возьми, я бы ни за что не сказала им об этом. Я не хотела оказаться пронзённой, как их жаркое.

Она остановилась в нескольких футах от меня. Достаточно далеко, чтобы ей не

пришлось наклонять шею под острым углом, чтобы посмотреть на меня, но достаточно близко, чтобы я могла видеть коричневые и жёлтые точки в синих перьях.

— Ты пришла присоединиться к нам, дитя?

Дитя. Мне пришлось напомнить себе, что она выглядела всего на двадцать девять. Что на самом деле ей было двести двадцать девять.

— Мы можем поговорить наедине, Гвен?

Она указала на полукруг подтянутых охотников позади неё.

— Они друзья.

— Они могут быть твоими друзьями, но они не моими.

— Кто она, Гвенельда? — спросил армейский головорез. Он придвинулся к нам поближе. Слишком близко. Я заметила закрученную татуировку, выглядывающую из футболки с V-образным вырезом, которую он носил под расстёгнутой камуфляжной курткой. Конфисковал ли он уже пыль фейри или посетил тату-салон?

— Она член семьи, Том, — сказала Гвен, внимательно разглядывая меня.

— Она читается не так, как ты. Она читается...

Гвенельда подняла руку, и он замолчал. Как я читалась? Как фейри? Или он собирался сказать человек?

— Я пойду с тобой, Катори, но я должна оставаться рядом со своим кланом на случай, если голвинимы вернутся. Они регулярно посещают нашу землю.

— Это может быть потому, что вы создали армию и убили двух их людей, — сказала я.

Глаза Гвен блеснули в темноте.

— Они напали первыми, Катори. Они орудовали своим гассеном. Нам пришлось защищаться.

— Убивая их?

— Мы сделали то, что должны были сделать. Ты пришла, чтобы критиковать наши методы, или ты пришла, чтобы говорить серьёзно?

— Я пришла поговорить.

— Тогда отбрось своё презрение.

Я стиснула зубы и пристроилась рядом с охотницей. Мы пошли прочь от лагеря, к теплице Холли, которая была затуманена застрявшим паром.

— Где Каджика? — спросила я.

— Отдыхает, — сказала она.

Перья, вплетённые в её волосы, затрепетали. Когда мы отправлялись на прогулку по лесу, и я находила перо, мама заплетала мои волосы в косу и вкалывала их. Я верила, что они были величайшими сокровищами, и начала собирать коллекцию. Я наполнила гигантскую жестянку из-под печенья этими изящными разноцветными вещами, которые я регулярно сортировала. Я не прикасалась к этой жестянке уже много лет.

— Кто разжёт камин из рябиновых дров в комнате Холли? Ты или Каджика?

— Я сделала это, Катори. Каджика не имел никакого отношения к её смерти, — защищала ли она его, взяв вину на себя, или говорила правду? — Я не испытываю никаких угрызений совести по поводу своих действий, так как я просто выполнила её желания.

— Это действительно были её желания?

— Да, — её голос не дрогнуло, выражение её лица не дрогнуло.

Вести долгие дебаты о том, было ли это убийством или самоубийством при содействии, казалось бессмысленным. Я не доверяла Гвенельде и никогда бы ни стала.

— Я бы хотела, чтобы ты сказала мне, что она хотела умереть. Я бы хотела поговорить с ней раньше.

— Тебя не было, а когда ты вернулась, Айлен раскопала могилу, где лежала моя мать. Не было подходящего времени сказать тебе об этом.

— Если ты не чувствовала себя виноватой, почему ты ушла?

— Я ушла, потому что мне нужно было погоревать. Тяжело терять мать.

Я стиснула зубы.

— Без шуток.

— Я глубоко сожалею, что забрала твою, — в её глазах был извиняющийся блеск.

Я знала, что технически это не было её виной, но факт оставался фактом: она была здесь, а моей матери не было.

— Я слышала, что фейри украли книгу, которую Холли написала о нашей семье.

— Они сделали это, но она больше не в их распоряжении.

Она остановилась. Предвкушение придало её чертам резкие, жёсткие углы.

— Они вернули её?

— Не совсем так?

— Тогда кто владеет ей сейчас?

Уважая желание Эйса сохранить Неблагих в секрете от охотников, я спросила:

— Почему ты создала так много охотников, Гвен?

Она хотела получить ответ, а не вопрос, но пока я не получу ответы на свои вопросы, ей придётся подождать.

— Первый был несчастным случаем. Я не собиралась его делать. Я порезала ладонь о битое стекло, и у женщины, которая остановила моё кровотечение, была небольшая рана на пальце. Тогда наша кровь смешалась. Голвинимы выследили меня, набросились на меня за то, что я создала охотника, пригрозили уничтожить наш вид, если я не остановлюсь. Только тогда я поняла, что сделала моя кровь. Как только я поняла свою ошибку, я вернулась, чтобы найти её.

— Но потом ты подумала, что это не такая уж ужасная ошибка, и решила создать ещё одну?

— Нас слишком мало. И таким образом, нам не пришлось жертвовать человеческими жизнями, чтобы пробудить нашу семью.

— Потому что превращение невинных людей в добычу фейри показалось тебе более гуманным? Гвен, эти люди — не оружие.

— Я никого из них не заставляла присоединяться к нам. Я говорила честно. Я дала им выбор.

Я почувствовала, как мои глаза выпучились.

— Значит, ты ходила вокруг да около, болтала о магии и фейри, и люди действительно тебе верили?

— Я объяснила, что на мою семью напали. Я спросила, кто готов помочь мне защитить их.

— Ты объяснила, почему на них напали, и что означала их защита?

— Да. Я стёрла память тех, кто решил не участвовать. Здесь не было никакого принуждения. Все те, кого ты видела, пришли добровольно. Только Алисе потом сказали. Я сожалею о том, что с ней случилось. Она была несчастна из-за того, что преобразилась, и вела себя дико. Она убила фейри по ошибке. Я полагаю, ты слышала, не так ли?

Я кивнула.

— Каджике потребовались дни, чтобы заставить её простить нас, дни, чтобы утешить её. И теперь она это сделала.

Гвенельда положила руку мне на запястье, мягко обхватила его пальцами.

— Ты сильно обидела моего брата, Катори. Он не пожелал рассказать мне, что произошло, но я чувствую его меланхолию, и это причиняет мне боль. Что произошло в тот день, когда он вернулся в Роуэн?

Я уже собиралась ответить ей, когда что-то громко ударилось о мутное стекло оранжереи. Сначала я подумала, что это птица, но когда я посмотрела в направлении шума, я поняла, что это была не птица, это была часть тела. Голый зад, переходящий в узкую талию и голую спину.

Гвенельда снова зашагала.

— Пойдём, — она потянула меня за запястье, чтобы заставить двигаться. Чтобы заставить меня перестать смотреть. Я не сделала ни того, ни другого.

Светлые волосы скользнули по стеклу, а затем вторая голова материализовалась в изгибе шеи женщины. Она была увенчана чёрными волосами.

Тело девушки снова ударилось о стекло. И ещё раз. И ещё раз.

— Пожалуйста, Катори, не смотри, — сказала Гвенельда, всё ещё пытаюсь оторвать меня. Но оторвать меня было невозможно.

Мне не нужно было видеть лицо мужчины, чтобы понять, кто это был. Мурашки побежали по моей коже, когда он поднял лицо, и его тигриные глаза встретились с моими. Его лоб блестел от пота, как и обнажённые плечи. Вместо того чтобы остановиться или отойти от стекла, Каджика уставился прямо на меня и врезался в блондинку, чьи громкие стоны просачивались сквозь стеклянные панели.

— Катори, — резко сказала Гвенельда.

Наконец я крепко зажмурила глаза. Моё сердце бешено заколотилось, а щёки залило жаром. Мне не следовало глазеть на это зрелище. Мне следовало послушаться Гвенельду и уйти.

Когда я почувствовала, что взяла себя в руки, я открыла глаза и уставилась на невысокую охотницу.

— Похоже, он нашёл способ избавиться от своей боли.

Гвенельда поморщилась.

— Он всё ещё любит тебя.

— Нет, Гвен, женщина, которую он любит, никогда не была мной. Я просто была чертовски похожа на неё.

— Его привлекло к тебе не только твоё сходство.

Земля была пропитана звёздным светом, каждая травинка была идеально очерчена, каждое кривое вишнёвое дерево было нарисовано до совершенства.

— Верно. Это было также из-за мальчика, который живёт в его сознании.

— Если бы это было так, то меня бы привлёк твой отец, а меня не привлекает.

Я сморщила нос.

— Слава Великому Духу.

Звук бьющегося стекла сотряс ночь. Несколько охотников с головокружительной скоростью обогнули фермерский дом, остановившись недалеко от теплицы. Дверь разлетелась вдребезги, когда Каджика распахнул её. Стекло лежало мерцающими осколками

среди охристой травы.

Он бросился к нам с обнажённой грудью, босой. По крайней мере, он снова надел джинсы. Гнев исходил от него и наполнял воздух, пока вся земля не затрещала от него. Когда он добрался до нас, он тяжело дышал, его грудь поднималась и опускалась порывами.

— Не хотела прерывать, — сказала я.

— Что ты здесь делаешь?

— Я только что вернулась из Детройта и подумала, что зайду проведать тебя.

Быстрый темп его дыхания не уменьшился. Во всяком случае, казалось, что ситуация обострилась. Блондинка, с ягодицами которой я теперь была хорошо знакома, подошла к нему сзади. Я узнала её по фотографии, которую Эйс показал мне в тот день, когда я пила чай с тремя фейри у Би. Она обхватила рукой его бицепс.

— Уходи!

Потрясённая его тоном, я повернулась и пошла прочь.

— Не ты, Катори, — сказал он, отмахиваясь от блондинки.

— Я вернусь завтра, — я продолжала идти. — Когда ты будешь менее занят.

— Остайся! — прорычал он.

Я остановилась на полпути вниз по травянистому склону и обернулась.

— Меня дома ждёт отец.

Каджика направился ко мне, быстро передвигая длинные ноги.

— Пожалуйста, остайся, — в его тоне была какая-то твёрдость, которая заставила меня остановиться. Это было почти так, как если бы он собирался заплакать.

— Мне действительно нужно идти.

— Ты бросила меня, — пробормотал он.

— Я поехала в Детройт, чтобы найти...

— В лесу, ты предпочла их мне. Ты защищала Борго. — его плечи были напряжены, но всё же они дрожали. — Ты не знаешь, что это сделало со мной.

— Ты всё ещё здесь, но Борго нет, так что я думаю, что его боль превзошла твою.

Каджика вздрогнул.

— Он отнял у меня самое дорогое, что у меня было, Катори. Он взял Ишту. Он забрал её память.

— Как именно он это сделал? Он не убивал её.

— Она была моей! — он издал низкий звук в глубине своего горла. — Её тело не принадлежало ей, чтобы отдавать его.

Я моргнула.

— Я думала, она шпионила для вашего племени. Я думала...

— Ты поверила, что я позволил бы ей лечь с фейри?

— Ты именно так сказал.

— Потому что я был возмущён и потрясён. Моя аабити не только отказалась от нашего брачного ложа, но и оставила его, чтобы быть с одним из них.

— Так она действительно предала тебя?

Он уставился на свои пустые руки, сжал пальцы в кулаки.

— Это я заслужил твою жалость, — его голос звучал как гром. — Не Борго.

Я уставилась на него в болезненном молчании.

— Я страстно желал, чтобы ты отошла от него и пришла ко мне... пошла со мной. Но ты выбрала его. Ты выбрала их.

Я всё ещё не находила слов.

— Я думал, что то, что я чувствовал к тебе, ты чувствовала ко мне. Я думал, — его голос дрогнул, — что ты заботишься обо мне.

— Я действительно забочусь о тебе, — сказала я.

Каджика пристально посмотрел на меня, в меня. Он склонил голову набок.

— Тогда почему ты ждала несколько дней, чтобы прийти и увидеть меня?

Я уставилась на точеное лицо охотника, на его широко раскрытые глаза, прикрытые веками, на завитки чернил на его обнажённой груди. Участок кожи, который раньше был покрыт чернилами, был обнажён. Он конфисковал пыль Борго в день смерти Ишту. Фейри наконец-то вернул её, но он больше не мог ей пользоваться.

— Почему ты должна заботиться обо всех, Катори?

— Меня не волнуют все.

Он одарил меня мягкой улыбкой.

— Ты знаешь, — он поднял руку к моему лицу, обхватил мою щеку. Когда я вспомнила, что всего несколько мгновений назад он трогал другие выпуклости, я отступила назад и вздрогнула.

— Не прикасайся ко мне. Ты даже не вымыл руки, — я вытерла лицо рукавом. Мне нужно было бы протереть щеку лизолом.

Его рука, повисшая в воздухе, безвольно опустилась на бок.

— Мне жаль.

Я задавалась вопросом, имел ли он в виду прикосновение ко мне или секс с новой охотницей.

— Тебе позволено выпускать пар, как хочешь... с кем хочешь.

Он опустил глаза в землю, провёл рукой по своим шелковистым чёрным волосам.

Я изогнула шею в сторону и попыталась поймать его взгляд своим собственным.

— Каджика, я серьёзно. Всё в порядке.

Его глаза впились в мои.

— Я не хочу, чтобы всё было в порядке, — прорычал он, а затем развернулся и рванул вверх по склону так быстро, что его фигура расплылась.

Прощение и безразличие были не тем, чего он добивался. Он хотел ярости и ревности, но я ничего не почувствовала. По правде говоря, я была благодарна пышной блондинке, которая принесла ему утешение, и надеялась, что она сможет развеять его нездоровую привязанность ко мне, девушке, которая напоминала его давно потерянную пару.

ГЛАВА 32. ПИСЬМО

Вернувшись домой, я вышла вместе с Лили на улицу, чтобы рассказать ей о том, что я видела и слышала. Она выслушала, а потом вздохнула.

— Я постараюсь контролировать их, — пообещала я.

Лили напечатала на своём телефоне:

"Не волнуйся. Они больше не смогут никого из нас убить".

От её слов мне стало одновременно и жарко, и холодно.

— Что ты имеешь в виду?

Она ответила мне улыбкой, которая не коснулась её глаз.

"Прощай, Катори." Она поднялась в воздух.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, мой голос сорвался с губ.

Она просто продолжала улыбаться той же самой маленькой грустной улыбкой. Когда она взлетела вверх, я так громко выкрикнула её имя, что папа выбежал из дома.

— Что случилось? — спросил он, обводя взглядом кладбище.

— Лили к-кое-что забыла. Я просто пыталась п-перезвонить ей.

Я не знала, было ли это из-за моего заикания или из-за моих сутулых плеч, но папа притянул меня к себе и крепко обнял. Он положил подбородок мне на макушку.

— Что происходит, Кэт? Я знаю, что что-то не так. В чём дело?

Мои веки были горячими и липкими. Я крепко сжала их, чтобы сдержать слёзы.

— Не волнуйся, папа. Это просто девчачьи штучки.

— Это касается парня?

— Да.

Папа оттолкнул меня, держа на расстоянии вытянутой руки.

— Он причинил тебе боль?

Я широко открыла глаза, молясь, чтобы они не выглядели слишком влажными.

— Я причинила ему боль.

"Он" был одновременно и Каджикой, и Эйсом. В конце концов, по-разному я причинила бы боль обоим.

Вместо того чтобы отпустить меня, папа притянул меня к себе и погладил по спине. Я улыбнулась ему в грудь, наполняясь его сладким теплом и ровным сердцебиением. Я только что призналась, что причинила кому-то боль, и всё же он продолжал любить меня.

Может быть, то, чего я боялась, что Лили имела в виду, было скрытым благословением. Я не хотела, чтобы фейри закрывали порталы и держались подальше, но если это сохраняло безопасность людей, сохраняло безопасность моего отца, тогда, возможно...

Я вздрогнула.

Я не смогла закончить свою мысль.

Мне следовало лучше спрятать книгу. Сжечь её. Похоронить её.

Может быть, это были просто схемы захоронения, попыталась я успокоить себя. Узнаю ли я когда-нибудь об этом? Или этот секрет останется запертым в Неверре вместе с людьми, о которых я начала заботиться... с человеком, о котором я начала заботиться.

Я пыталась дозвониться Эйсу после того, как рассталась с папой на ночь.

Он не ответил. Я прижалась лицом к подушке. Он держал её так недолго, но она пахла им, и его запах успокоил мои взвинченные нервы. Успокоил их так сильно, что я погрузилась в глубокий сон без сновидений. Когда я проснулась, розовый утренний свет просачивался сквозь занавески, падал на мои смятые простыни, на мои голые ноги и мятую футболку. Я стянула её вниз, перевернулась на живот и попыталась снова заснуть, но я совершенно проснулась.

Я встала с кровати и отправилась под горячий душ, затем натянула свободную серую футболку с черепом и костями и пару узких чёрных джинсов. Я расчесала все узлы в волосах и заплела их, но коса навела меня на мысль о Гвенельде, поэтому я позволила своим волосам расплестись. Я нанесла консилер на круги под глазами, прежде чем спуститься вниз.

Я совсем забыла об ужине прошлой ночью. Мой желудок ни за что не забыл бы о завтраке.

Я порылась в холодильнике в поисках чего-нибудь съестного и достала буханку деревенского хлеба, холодное масло и джем. Я поджарила хлеб, затем намазала его маслом и

намазала сверху джемом. Я ела стоя, скользя взглядом по столешнице. Когда я увидела бутылку уксуса, я подумала о том, что сказала мне Лили. Я сделала ещё два тоста с маслом и джемом, выжала лимон в тёплую воду и положила всё на блюдо, которое принесла наверх.

— Доброе утро, — тихо сказала я, открывая дверь папиной спальни плечом.

Он зевнул и потянулся.

— Мне приснился очень странный сон.

В последнем странном сне, который ему приснился, была женщина, похожая и на маму, и на Гвенельду, которая подталкивала меня на качелях к парню, похожему и на Блейка, и на Каджику. Это было жутко тревожно.

— Не уверена, что хочу это слышать, — сказала я.

После того, как папа сел, я поставила блюдо ему на колени и пошла открывать шторы.

— Что за способ проснуться. Я не завтракал в постели с тех пор... с тех пор, как умерла твоя мама, — он задумчиво улыбнулся. — Мне начинает казаться, что это было очень давно.

Он уставился на тост, который я разрезала на аккуратные треугольники.

— Кстати, о твоей маме, я хотел тебе кое-что подарить, — он полез в тумбочку и вытащил маленькую бархатную коробочку. — Её обручальное кольцо.

Он протянул его мне.

Я взяла у него коробочку и открыла её. В тишине я уставилась на плетёное кольцо из жёлтого золота, украшенное крошечными мерцающими рубинами.

— Я думала, ты похоронил её вместе с ним.

— Нет, — он улыбнулся. — Она бы никогда не простила меня, если бы я не сохранил это для тебя.

Я примерила его. Оно подходило на средний палец моей правой руки, так что я оставила его там. Я поднесла его к свету, льющемуся из окна. Рубины мерцали, как капли крови.

— Нова была в моём сне. И ты тоже была там.

Я подошла и села на кровать рядом с отцом, поджав под себя ноги. Я догадывалась, что услышу об этом сне, хочу я того или нет.

— Вы были в этой огромной пещере, которая казалась вырезанной из металла и алмазов. Клянусь, всё сверкало. Даже пол мерцал. В любом случае, твоя мама сидела на троне, одетая в чёрное платье, которое выглядело так, словно было соткано из тьмы и блеска — как та чёрная пачка, которую ты носила каждый день во втором классе. Помнишь эту штуку?

— Да, — когда однажды мама настояла на том, чтобы постирать её, я закатила потрясающую истерику.

— Ты стояла перед ней. В гроте.

— Грот? — снился ли ему харени?

— Да. И вокруг тебя была тонна клубящегося дыма. И ты была зла и напугана. Это было действительно странно, Кэт. Я имею в виду, я несколько раз видел, как ты злилась на свою маму, но я никогда не видел, чтобы ты её боялась. В моём сне ты окаменела.

— А где ты был во всём этом?

— Меня там не было. По крайней мере, я не видел себя там. Ты обычно видишь себя во сне? Или ты видишь своими глазами?

Его вопрос поставил меня в тупик.

— Я понятия не имею.

— Странно, да? — папа запустил руки в свои растрёпанные светлые волосы, затем взял один из тостов и прожевал его.

Я заметила мамин словарь снов на встроенной полке над изголовьем кровати, которую она называла своей книжной святыней. На этой полке стояли только её любимые книги. Потёртый корешок словаря был зажат между всеми любимыми экземплярами "Бессмертных" и "Большой маленькой лжи". Со стороны папы была пара триллеров Балдаччи и коллекция научно-популярных книг в твёрдом переплёте, которые я сомневалась, что он когда-либо читал, так как на суперобложках не было признаков износа.

Поверх них был прислонён один из семейных фотоальбомов.

— Это там ты нашёл свидетельство о рождении Чатвы? — я указала на него.

Папа обернулся, чуть не опрокинув кружку с горячей лимонной водой. Он выровнял её как раз вовремя.

— Да. Я собирался показать тебе кое-что, что нашёл внутри, — взволнованно сказал он. — Зацени это, — свободной рукой он схватил альбом и положил его на одеяло между нами. Он открыл его на последней странице, на сложенном листе пергамента. — Я думаю, что твоя мама засунула его туда недавно, потому что я не помню, чтобы когда-либо видел его. Может быть, Холли дала это ей?

Я взяла листок бумаги и прочитала его.

"Январь 1938

Абивуджин,

Я очень скучаю по тебе. Часто я сижу у тумана и смотрю на горизонт, и когда он засверкает звёздами, я думаю о Роуэне. Я думаю о ночах, которые мы проводили на пляже, когда девчонками смотрели на созвездия, гадая, заметим ли мы пахана, летящего по небу.

Я нахожусь за воротами, но расстояние кажется непреодолимым, хотя паганам удалось его преодолеть. Я знаю, ты презираешь их... презираешь меня. Но я не бросила тебя. Я не выбирала их вместо тебя. Я никогда не смогла бы предпочесть их тебе. Ты мой близнец, моя сестра, моя кровь и кости, моё сердце.

Стыд часто снедает меня из-за того, что я выбрала баситоган. Я чувствую себя недостойной жертвы наших предков, неуважительно из-за того, что уничтожила свою родословную, и всё же, когда я оглядываюсь вокруг, я тоже чувствую себя как дома. Остров — удивительное место, мало чем отличающееся от нашей родины. Он намного меньше и построен высоко, а не широко, с лентой тумана, которая поднимается и опускается. Цвета здесь странные, к языку и обычаям нужно привыкнуть, но паганы, особенно базаи, дружелюбны. Я так многому у них научилась.

Я собрала эти истории в книгу для тебя. Однако это не просто книга. Ты поймёшь, когда увидишь это. Сейчас я вернулась в Роуэн и хотела бы навестить и познакомиться с твоей маленькой девочкой, которая уже не такая маленькая. Твоя дочь прекрасна, абивуджин. Она так похожа на тебя со своей гривой чёрных волос и обсидиановыми глазами.

Однажды я тоже была беременна ребёнком. Дочерью.

Ты знаешь, где меня найти. Люблю тебя всегда,

ЛЕЯ"

Когда я, моргая, подняла глаза, папа кивнул.

— У меня была точно такая же реакция. Я предполагаю, что абивуджин означает "сестра" или что-то в этом роде. Это явно было письмо Чатве. Но я понятия не имел, что

означают паханы и баситоган, поэтому я сделал несколько поисков в Google, но ничего не нашёл. Я позвонил Айлен, и она сказала: "Посмотри в мамином словаре", поэтому я порылся в словаре Вони и нашёл их!

Волнение отразилось на лице моего отца, в то время как страх пульсировал на моём.

— Пахан означает феэри, а баситоган — это место, где они предположительно живут, — папа ухмыльнулся. — Вони говорила мне, что Лея была странной, но писать о феэри... Это совершенно другой уровень сумасшествия.

Кровь отхлынула от моего лица. Я бросила взгляд обратно на письмо, чтобы папа не почувствовал моего волнения.

— Ты в порядке? — спросил он.

Слишком поздно.

— Да. Это полное безумие.

Я снова подняла на него свой пристальный взгляд.

Две возможности промелькнули у меня в голове. Во-первых, я могла бы признаться ему во всём. Сказав ему, что Лея не была безрассудной. Но что потом? Вторая возможность состояла в том, чтобы согласиться с ним.

— Наверное, поэтому Чатва и Лея поссорились. Потому что она была сумасшедшей, — я решила придерживаться этой версии.

— Это был и мой вывод тоже! — он поднёс кружку ко рту, сделал глоток и поморщился. — Что это такое?

— Лимонная вода. Это полезно для тебя.

— Полезно, определённо не значит вкусно.

— Папа, выпей это. Пожалуйста. С этого момента каждое утро.

— Да, доктор Прайс.

— Каждое утро, хорошо?

— Отлично. Но тебе придётся делать это для меня, потому что я, скорее всего, забуду, — он выпил ещё, а затем поставил стакан обратно на блюдо. — О, и ты обратила внимание на дату?

— Тысяча девятьсот тридцать восьмой, — прочитала я, затем бросила взгляд обратно на своего отца. — В тот год, когда умерла Чатва...

— Я думаю, что она, вероятно, написала это, потому что была в шоке или что-то в этом роде. Интересно, читала ли это когда-нибудь твоя прапрабабушка?

Я задавалась вопросом о чём-то совершенно другом. Я задавалась вопросом, была ли эта книга каким-то образом связана со смертью моего предка.

ГЛАВА 33. НАПАДЕНИЕ

Я схватила свою сумку, чтобы отправиться к Би и посмотреть, как у неё дела, когда в нашу дверь позвонили. Это был всего лишь дверной звонок, но звучал он зловеще. Возможно, потому, что каждый раз, когда он звонил в последние несколько недель, он должен был объявить о смерти.

Посмотрев в глазок, я открыла дверь. Каджика стоял с другой стороны, его волосы были мокрыми после душа, лицо бледное и в синяках от недосыпа и ужасного удара.

— Ты что, подрался? — спросила я.

— Я пошёл на бойцовский ринг. Нам нужны были деньги, и мне нужно было выпустить

пар, как ты это назвала.

— Ты выиграл?

Он улыбнулся.

— Я никогда не проигрываю.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Тогда другой парень, должно быть, выглядит еще хуже.

— Сейчас неподходящее время?

— Я собиралась пойти повидаться с Би.

Разочарование омрачило его и без того изуродованное лицо.

— Но это может подождать пару минут. Ты хочешь зайти внутрь?

Он сделал шаг за порог, но потом его глаза наполнились слезами, и он отступил на крыльцо.

— Что такое? — спросила я.

— Что-то внутри. У меня от этого болят глаза.

Я понюхала воздух. Слегка пахло уксусом. Лили разбрызгала его по всему дому?

— Почему бы нам не прогуляться? — сказала я, снимая ключи с крючка у входной двери и присоединяясь к нему снаружи. — На улице так хорошо.

Он посмотрел на ярко-голубое небо, прищурившись, когда его глаза встретились с ничем не заслонённым солнцем. Когда он снова опустил взгляд на моё лицо, он спросил:

— Зачем ты ездила в Детройт, Катори?

— Я отыскала книгу, которую Стелла украла у меня. Я хотела, чтобы её перепечатали, чтобы я могла её прочитать.

Его поджатые губы сказали мне, что это был не тот ответ, которого он ожидал.

— А ты думал, что я там делала? — спросила я, начиная спускаться по гравийной дорожке, которая змеилась через кладбище.

— Я слышал разговоры о том, что ты была с Эйсом Вудом.

— Ты слышал разговор?

— Кассиди. Я спросил её, где ты.

— И она сказала, что именно я делала с Эйсом Вудом?

— Она только сказала, что ты с ним в Детройте, и он собирался скоро отвезти тебя обратно в Роуэн.

По крайней мере, Касс непреднамеренно не распространяла никаких слухов.

— Там был Эйс Вуд. Он узнал, что мы искали книгу.

— Ту, о которой ты мне рассказывала? Ту, где ты видела мой рисунок и странную диаграмму?

У Каджика была чертовски хорошая память.

— Да, — я заправила выбившуюся прядь волос за ухо. — Это та самая.

— Эйс пришёл, чтобы помешать тебе напечатать её?

— Нет. Он пришёл, чтобы помочь. Как бы то ни было, человек, которому принадлежали пластины, притворился, что их украли, так что я так и не получила копию. Но Эйс сказал, что коробка никогда не покидала здание, так что её не могли украсть.

Каджика хмыкнул.

— Что?

— Как Эйс узнал, что коробка не покидала здание?

— За ним наблюдали люди. Он подумал, что этот парень был подозрительным.

Он снова хмыкнул.

На этот раз я прищурилась, глядя на охотника.

— Что?

— Насколько ты наивна, Катори? Когда ты проснёшься и поймёшь, что фейри тебе не друзья? Что ты не можешь им доверять?

Я застыла, как будто он дал мне пощёчину.

— Твоя коробка, вероятно, была украдена. И я предполагаю, что это сделали фейри.

Я хотела сказать ему, что он всё неправильно понял.

Каджика тоже остановился. Он повернулся ко мне.

— Зачем фейри помогать тебе печатать книгу, содержащую вредные секреты о них?

— Потому у них её тоже украли, — сказала я, прежде чем оценить риск признания в этом.

Каджика склонил голову набок.

— У кого сейчас эта книга?

Я посмотрела вниз на траву, пробивающуюся вокруг моих Стэн Смитс.

— Они не знают, — пробормотала я.

— Не лги мне, — сказал он нежным голосом. — Пожалуйста. Я тебе не враг. Я никогда не буду твоим врагом.

— Ты имеешь в виду, до тех пор, пока я не стану фейри?

Он указал на мою татуированную руку.

— Ты передумала насчёт того, чтобы оставаться человеком?

— Нет.

— Тогда я никогда не буду твоим врагом. Я торжественно клянусь в этом. Пусть Великий Дух услышит мою клятву.

Великий Дух? Какой это был Великий Дух.

— А теперь скажи мне, у кого эта книга?

Рассказать ему означало сокрушить его убеждения, и мне не хотелось причинять боль Каджике.

— У других фейри. Плохих.

Он осмотрел моё лицо, вероятно, чтобы определить, лгу ли я.

— Разве они не все плохие?

— Эти ещё хуже.

— Надеюсь, тогда я никогда не встречу этих фейри, — сказал он с мягкой улыбкой.

Он уже сделал это.

Улыбка соскользнула с его лица. А потом он начал осматривать лес вокруг нас с головокружительной скоростью. Когда его взгляд остановился на чём-то, он толкнул меня на землю так сильно, что у меня даже не было времени остановить падение. Сначала мой затылок ударился о землю, и я на мгновение потеряла зрение.

Когда мир снова поплыл в фокусе, я приподнялась на локтях и собиралась крикнуть Каджике, когда он взревел:

— Ложись!

У меня не было времени распластаться на земле, когда первая стрела из рябинового дерева поразила меня.

Каджика бросился на меня и заскрежетал зубами, когда стрелы дождём посыпались ему на спину.

Я была слишком поражена, чтобы двигаться, слишком ошеломлена, чтобы кричать, слишком потрясена, чтобы дышать. Я лежала неподвижно. Совершенно неподвижно. Единственное, что двигалось на моём теле, был оперённый хвост стрелы, застрявшей у меня в плече. Он дрожал в тёплом воздухе.

— Остановитесь! — Каджика зарычал.

Я подумала, что он имел в виду, уставившись на стрелу, поэтому я зажмурилась. А потом я начала дрожать. Даже мои зубы стучали. Я чувствовала себя невероятно холодной и невероятно хрупкой. Каджика был прав — я не была достаточно сильной, чтобы защитить себя. Недостаточно быстрой. Недостаточно пронизательной. Он почувствовал охотников, я — нет. Как я должна была выжить с такими плохими инстинктами?

Я искала внутри себя дремлющую силу, которая проявилась в последний раз, когда мою кожу пронзила стрела, но она, должно быть, пряталась, потому что я оказалась с пустыми руками.

Длинные пальцы коснулись моей щеки.

— Катори, ты в порядке? — голос охотника теперь звучал мягко. Такой же мягкий, как его рука. — Катори?

Я открыла глаза. Слезы потекли ручьём и капали мне в волосы.

— Они подстрелили меня, — прохрипела я.

— Я знаю. Мне жаль. Я заставлю того, кто это сделал, заплатить. Но сначала мне нужно вытащить из тебя эту стрелу.

В лесу было тихо. Трава неподвижна. Воздух неподвижен.

— Они ушли? — прошептала я.

— Они ушли, — он опустился на колени и обхватил одной рукой вонзённую стрелу. Он положил другую руку мне на ключицу. — Они думают, что ты фейри. Я сказал им, что это не так, но они сказали, что почувствовали что-то...

Без предупреждения... без обратного отсчёта, Каджика вырвал стрелу из моей плоти. Нечеловечески пронзительный вой вырвался из моего рта и наполнил воздух.

— Прости меня, Катори, — сказал он. — Теперь она вышла. Одним куском.

Я даже не подумала об осколках. Я повернулась на бок, и меня вырвало тостом и водой с завтрака. Я чувствовала себя так, словно меня вывернуло наизнанку. Я бы не удивилась, если бы мой желудок выскочил у меня изо рта.

Монохромные точки заплясали у меня перед глазами. Мой пульс бешено колотился в венах. Моя рука горела.

Каджика схватил её. Я сжала пальцы в кулак и попыталась прижать его к себе, но у меня не было сил.

— Почему отметина на твоей руке выросла? — спросил он.

Я не ответила ему. Я не хотела ему отвечать. Его это не касалось.

Холодный пот выступил у меня на лбу, смешанный со слезами.

— Болит, — захныкала я. — Жжет.

— Это из-за твоей стороны фейри.

Я стиснула зубы, когда ожог проник глубже, охватил всё моё плечо. Стрела Борго по сравнению с этим слегка задела мою кожу.

— Ты можешь заставить боль уйти?

— У меня нет никаких трав или бальзамов, но у Гвенельды есть немного на ферме.

— Я не собираюсь туда возвращаться. Никогда туда не вернусь, — захныкала я.

— Есть ещё одно решение, но я не уверен, что оно сработает.

— Всё, что угодно, Каджика. Всё, что угодно, чтобы остановить... — я стиснула зубы, когда мучительная боль распространилась по моей руке, сжала грудь.

Каджика сорвал с меня пропитанную кровью футболку, затем схватил одну из стрел в траве и полоснул ею по ладони. Он положил свою кровоточащую руку на моё пульсирующее плечо.

Я в ужасе уставилась на его решение.

— Ты заставляешь меня... заставляешь меня...

— Я пытаюсь исцелить тебя своей кровью, Катори. Это всё, что я делаю.

— Н-Но...

— Но это может обратить тебя? Холли сказала, что должна быть голубая луна, а следующая взойдёт только через несколько недель, так что тебе не нужно беспокоиться о том, что станешь одной из нас.

Я в ужасе уставилась на него. Что, если он ошибался? Что, если крови охотника, текущей по моим венам, было достаточно, чтобы изменить меня? Я не хотела быть охотником. Я не хотела быть частью племени людей, которые стреляли в других, потому что они отличались от них.

Я отшвырнула руку Каджика, села и встала одним плавным движением. Инстинктивно я прижала руку к себе.

— Если это сделает меня охотницей, Каджика, я не буду участвовать в твоей битве! Я буду... Я буду... — я была так зла, что мои мысли путались. — Я буду... — Что бы я сделала? Выгнала их из Роуэна? Пила уксус прямо из бутылки, чтобы отравить мою Неблагую сторону? Сработает ли это вообще?

— Твоя рана зажила, — спокойно сказал он.

Я побледнела и уставилась на своё плечо. Неужели я исцелилась, потому что... потому что...? Я не смогла закончить свою мысль.

Вытирая окровавленные ладони о джинсы, Каджика поднялся.

А затем он потянулся назад, согнув обе руки, и вытащил пригоршни стрел из своей спины. В своей боли и ярости я забыла, что он использовал своё тело, чтобы защитить меня.

Я уставилась на него с открытым ртом. Я хотела сказать "спасибо тебе", но у меня перехватило горло.

Он бросил на землю ещё одну пригоршню белых палочек. Сколько лучников пряталось в густой листве? Сколько стрел они выпустили?

— Я пойду, поговорю со своим кланом. Я найду виновных и накажу их в соответствии с нашими законами. Но прежде чем я уйду... Прежде чем я их накажу, я хочу знать, почему твоя метка изменилась.

Я полагала, что многим ему обязана, но как бы он отреагировал? Передумает ли он наказывать своих людей? Будет ли он поощрять их снова открывать огонь по мне?

— Почему теперь это выглядит как буква "W", Катори? — спросил он.

Я глубоко вздохнула.

— Потому что Круз передал мою метку Эйсу.

Он нахмурился.

— Это невозможно.

— Они нашли способ.

— Какой способ?

— Лили не хотела, чтобы я была связана с её женихом и...

— Как они это сделали? — его голос разнёсся над полем, над дорогой, над забором, окаймлявшим нашу собственность.

Меня так и подмывало сказать ему, что это тёмная магия, магия Неблагих, магия охотников... Но я прикусила язык. Если бы я открыла эту банку с червями, наружу вылезло бы ещё столько открытий о беспозвоночных. Начиная с того факта, что охотники были просто разновидностью фейри, созданной с кровью вместо огня, а не типом человека.

— Они сотворили заклинание.

— Ты позволила им использовать магию фейри на тебе? — прошипел он.

— Да. Точно так же, как я позволила тебе использовать магию охотника на мне.

— Как ты смеешь сравнивать меня с ними! Как ты смеешь! — он покачал головой, отступая от меня, его волосы развевались вокруг лба, как крылья ворона.

Я сложила руки перед собой. Моё тело снова задрожало, но на этот раз не от страха или физической боли. Оно дрожало от нервов, от его упрёка, от уныния...

После того, как Каджика скрылся из виду, я поискала в лесу сверкающие глаза или блестящие наконечники стрел. Я ничего не видела, но знала, что это ничего не значит. Я вытерла глаза и посмотрела на небо, жалея, что моя метка не вызвала Эйса.

Я задумалась над тем, что сказал Каджика... что, возможно, фейри украли металлические пластины. Неужели Эйс просто изобразил огорчение, услышав новость о краже? Была ли его забота обо мне спектаклем?

Эта мысль причиняла боль гораздо большую, чем стрела, пронзившая мою руку.

Кровь Каджики исцелила обе мои раны. Место попадания было все еще немного светлее, но моя кожа снова срослась, не сморщившись и не затвердев. Я должна была почувствовать облегчение, но во мне текла чистая кровь охотника, и одному Богу известно, что это могло сделать. Я успокоила себя тем, что для трансформации моего тела нужна голубая луна. Это было то, что Холли — я имею в виду, Лея — сказала. И всё же это меня раздражало.

Я осторожно подобрала все окровавленные стрелы с травы и засунула их в мусорный контейнер за нашим домом. Я бросила туда свою разорванную футболку, а затем пошла обратно к дому в лифчике. Я сняла с себя всю одежду и приняла душ. Засохшая кровь розовыми ручейками стекала по моей коже и исчезала в канализации. Я тщательно вымыла лицо и вымыла волосы. Я чувствовала себя чище, но не спокойнее.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела, как с неба падают стрелы, я видела убитое горем лицо Каджики, я видела, как из меня льётся кровь. Я помассировала плечо, нащупывая небольшие впадины или затвердевшие выступы, но моя кожа была мягкой и гладкой. Снаружи я выглядела как та же самая Катори, которая проснулась этим утром — на одну рану меньше. Внутри раны были повсюду. Я была изранена, озлоблена и напугана.

Наконец я выключила душ и вытерлась. Мои руки и предплечья дрожали. Мне было холодно. Очень холодно.

Высушив волосы, я натянула толстый чёрный свитер и чёрные леггинсы. Поправив размазанную тушь, я позвонила Касс.

Мне нужен был друг.

Если бы только я могла рассказать этому другу всё.

— Ты в "Би"? — спросила я после того, как она ответила.

Она шмыгнула носом.

— Нет.

— Ты плачешь? — моя тревога исчезла, когда я услышала новые рыдания. — Что происходит?

— Бабушка... она только что умерла... — она икнула. — Я не успела попрощаться, Кэт. Я пришла сюда слишком поздно.

Астра умерла? Может ли этот день стать ещё хуже?

— Ты совсем одна?

— Нет, Фейт здесь. А мама и Джимми уже в пути.

— Где это здесь?

— Больница Милосердия.

— Я сажусь в свою машину прямо сейчас.

— Хорошо, — ответила она тихим голосом.

Я гнала как сумасшедшая, совершенно не соблюдая скоростной режим. Астра была фейри, поэтому она распадется, когда огонь гас в её венах потухнет. Как скоро это произойдёт? Мне нужно было добраться туда до того, как это произойдёт, иначе у Касс и Фейт было бы чертовски грубое пробуждение. Может быть, Этта доберётся туда первой. Может быть, у неё будет время вытащить мать с больничной койки до того, как это случится. Знала ли она вообще, кто она такая?

Вернётся ли Стелла домой ради этого?

Боже, помоги мне, если бы она была там...

Я гнала машину так сильно, что мне показалось, будто она буквально летит. К счастью, это был не час пик, и на дорогах не рыскали копы. Я слишком быстро съехала по пандусу в сторону Маллегона и чуть не вылетела с обочины автострады. Мне нужно было притормозить, если я не хотела закончить так же, как Астра. Я плелась по городу в более неторопливом темпе. И всё же я ехала быстрее большинства машин.

Когда я увидела огромный белый куб, в котором располагалась больница, я резко вывернула руль вправо и направила машину на стоянку. Я свернула на первое свободное место и побежала в больницу.

— Астра Сакар. В какой она палате? — спросила я одну из медсестёр на приёме.

— Комната 503. Пятый этаж. Вы член семьи?

— Да, — сказала я, бегом направляясь к ряду лифтов.

Когда я поднялась на пятый этаж, до меня дошло, что всего час назад в меня стреляли, и теперь я нахожусь в больнице по совершенно другой причине. Должно быть, я постукивала ногой, потому что два человека уставились на мою туфлю. Я прижала подошву к полу лифта и сделала пару успокаивающих вдохов.

Когда двери открылись, я проскочила через них и последовала по указателю, показывающему на палату 503.

Внутри было пять человек. И это не считая Астры.

Стелла вернулась.

ГЛАВА 35. СМЕРТЬ

Я зашла в переполненную больничную палату на напряжённых ногах, не сводя глаз со Стеллы. Единственным плюсом встречи с ней было то, что это означало, что порталы не были запечатаны.

— Привет, — прошептала Касс, обнимая меня одной рукой.

Это я должна была обнимать, а не она. На мгновение я отложила свой гнев в сторону, чтобы сосредоточиться на ней. Я крепко сжала её и пробормотала, как мне жаль.

После того, как она отпустила меня, я выразила свои соболезнования Этте и Джимми, а затем Фейт, которая сидела в кресле напротив остальных. Она сжала руку бабушки в своей, как будто, держась за неё, могла удержать её от того, чтобы по-настоящему уйти. Я на собственном горьком опыте убедилась, что так не бывает.

Я наполовину ожидала, что Фейт спросит, что я там делаю, но она этого не сделала. Я подозревала, что внутри неё было слишком много боли, чтобы допустить злобу. Наконец я повернулась к Стелле. Её лицо, обычно безупречного цвета, было покрыто пятнами, а глаза были такими же широкими, как огромные золотые пуговицы на её кремовом кардигане.

Я сложила руки перед собой и сказала сквозь стиснутые зубы:

— Ты вернулась.

Она быстро заморгала, затем огляделась вокруг, чтобы посмотреть, слышали ли остальные мой комментарий. Если бы они и слышали, то никто не обращал на нас внимания.

Я наклонила голову в сторону коридора.

Она вздрогнула. Что она думала? Что я позволю ей воровать, потому что её мать умерла? Если бы я не загнала Стеллу в угол, она могла бы проскользнуть обратно в Неверру.

— Я не спрашиваю, — я говорила тихо, но Этта меня услышала.

Она смотрела, как мы с её сестрой выходим из комнаты.

После того, как я закрыла дверь, я спросила:

— Как ты могла так поступить со мной?

— Моя мать только что умерла, Катори.

— И мне жаль, но это первый раз, когда я вижу тебя с тех пор, как ты украла мою книгу! Почему ты это сделала?

Она понизила голос до низкого шипения:

— Эта книга могла бы привести охотников внутрь Неверры. Я защищала своих людей.

Значит, книга Холли была ключом к порталам! В моей голове не осталось особых сомнений, но всё же я хотела подтверждения, и теперь оно у меня было.

— Так вы не охотились за схемами захоронения?

— Схемы захоронения могли быть внутри, но это никогда не было проблемой.

— Значит, разбудить Негонгву и заставить его отменить своё постановление о вашей пыли было прикрытием?

Натянутая улыбка тронула её губы.

— Мы с Грегором подумали, что лучше не сообщать мальчикам об истинной причине. В конце концов, они не умны и не надёжны.

— Правильно, — фыркнула я. — Но ты-то нет?

— Здесь всё в порядке?

Этта приоткрыла дверь и просунула голову внутрь.

— Да! — одновременно сказали мы со Стеллой. Судя по пронзительности наших голосов, я сомневалась, что Этта нам поверит.

— Наверное, мне следует позвонить Дереку, — сказала Этта. — Сказать ему, чтобы он

подготовил участок земли.

— Мама не хотела, чтобы её хоронили, — сказала Стелла твёрдым голосом.

— Она не хотела? — Этта подняла рыжеватую бровь. Там, где у её сестры были янтарные волосы, Этта была настоящей рыжей. Хотя в последнее время большая часть её волос поседела.

— Она хотела, чтобы её кремировали.

Я наблюдала за Эттой. Ждала искры понимания. Только широко раскрытые глаза выражали удивление. Неужели Этта не знала, кем была её мать? Неужели она не знала, кто она такая?

— Но почему бы тебе не позвонить ему, чтобы он помог тебе с цветочными композициями? Мы можем устроить поминки в пекарне. Маме бы это понравилось.

— Хорошо, — сказала она. Затем: — Ты вернёшься внутрь?

— Через минуту, — ответила Стелла. — Ты можешь закрыть дверь?

Этта проскользнула обратно внутрь и закрыла дверь. Мимо нас прошли две медсестры. Я уловила обрывки разговоров о том, что одной из них следует надеть на свидание. Как бы мне хотелось обсуждать наряды для свиданий.

— Она не знает, не так ли? — спросила я.

— Нет. Это было мамино желание ничего не говорить.

— Тогда как ты узнала?

— Я встретила человека, который всё мне объяснил.

— Отец Фейт?

Она кивнула.

Я попыталась представить его, но я была так молода, когда он ушёл, что представить его лицо оказалось невозможным.

— Это был Грегор?

— Нет.

— Кто это? — спросила я.

— Не имеет значения, кто это.

Я предполагала, что это не так.

— Почему ты не рассказывала Фейт о её наследии?

— Я уважала желания моей матери.

— Почему Астра не хотела, чтобы кто-нибудь знал?

— Потому что она ненавидела Остров. Она никогда не говорила мне почему, но сказала, что если я когда-нибудь заговорю об этом с остальными, она разбудит охотников и заставит Холли отдать им свою книгу, чтобы они могли уничтожить Неверру.

— Так вот как ты узнала о книге!

Она плотно закрыла рот, дыша только через нос.

— Ты собираешься рассказать Фейт сейчас? — спросила я.

— После того, как она родит ребёнка, я скажу ей.

Фейт беременна? Это объясняло её плохо сидящую одежду.

Стелла склонила голову набок.

— Ты этого не знала, не так ли? Я думаю, людям неудобно доверять тебе, Катори.

Я проигнорировала её выпад.

— Мы с Фейт никогда не были близки, но ты это знаешь.

— Послушай, не то чтобы мне не нравился наш милый разговор, но у меня есть семья, к

которой я должна вернуться. Мне нужно подготовиться...

— Верни мне мою книгу, или я расскажу им всем, кто они такие и что ты сделала.

Она сделала шаг ко мне. Её мускусный аромат был таким сильным, что обжёт мне ноздри.

— Малышка, не угрожай мне.

Я сжала пальцы в кулаки. Я вся дрожала. От гнева.

— ОТДАЙ... МНЕ... МОЮ... КНИГУ... ОБРАТНО!

Она ударила меня наотмашь так сильно, что моё лицо отлетело в сторону, а щека загорелась.

— Никогда не смей так со мной разговаривать!

Я подняла ладонь, чтобы погладить горящую щеку. Когда я опустила её, там была кровь. Стелла даже не вздрогнула при виде этого. Она просто осмотрела свою руку и подолом рубашки вытерла кровь с перевёрнутых бриллиантов своего кольца в форме дикобраза.

Мой пульс бешено колотился по венам, заставляя ярость биться во мне.

— Убирайся отсюда, Катори. Это моя семья, а не твоя. Убирайся из этой больницы, пока я действительно не вышла из себя.

— Я никогда не понимала, почему Фейт не хотела, чтобы ты была рядом, но теперь понимаю. Ты ужасная мать, Стелла. Ужасный человек.

Прежде чем я успела среагировать, она подняла ладонь, и из неё посыпалась пыль. Она сверкала, пролетая через небольшую пропасть между нами. Я зажала рот, прижала предплечье к носу и отшатнулась назад.

Но её пыль сумела проникнуть внутрь.

Я почувствовала её вкус на языке, прогорклый и отвратительный. Горечь скользнула у меня по горлу. На вкус она была тёрпкой и горькой, как брызги скунса, как тёплый мусор, как тухлые яйца. Мой язык раздулся у меня во рту, или это её пыль расширилась? С дикими глазами я зашипела, рванулась к стене и врезалась в неё. Я не могла дышать. Я отдернула руку от носа и вдохнула, но воздух не прорвался сквозь мои раздувающиеся ноздри.

Я хватала ртом воздух, но это было всё равно что пытаться высосать воздух из воды. Мои веки опустились, но я заставила себя поднять их. Вокруг меня произошло какое-то суматошное движение. Кто-то, одетый в синюю медицинскую форму, несколько человек, одетых в синее. А потом появилась Стелла, присевшая передо мной на корточки.

— Не знаю, что случилось... — говорила она медсёстрам.

В её карих глазах не было беспокойства.

Сопrotивляйся, кричал мой разум. Сопrotивляйся! Я боролась за какой-то остаток энергии, какую-то нить силы, какой-то кусочек свежего воздуха, но там был только дым. Едкий... гнилостный... дым.

Если бы только я сохранила одну из этих чёртовых стрел.

Я бы пронзила ей чёрное сердце Стеллы.

Если бы только...

Её лицо было так близко к моему. Слишком близко. Я в замедленной съемке вцепилась в воздух, чтобы оттолкнуть её. Должно быть, это сработало, потому что внезапно её лица там больше не было. Больше не передо мной.

Я вяло моргнула, мои веки были словно наждачная бумага на глазах. Когда мне удалось сосредоточиться, я обнаружила, что Касс склонилась надо мной, её опухшие глаза метались за завесой чёлки. Её рот издавал какой-то звук, но я не могла расслышать, что она говорила.

Пыль Стеллы была похожа на петлю. Грубая петля, сделанная из дыма и яда. Мои веки снова опустились, и я снова подняла их. Коридор стал ещё бледнее. Синие халаты, серые. Чёлка Касс, чернота. Мою грудь свело судорогой, и боль, хуже, чем у заявленного гаджой, вспыхнула в моём сердце. Мне казалось, что бешеное животное вырывается из меня, разрывает меня изнутри, разрывает мои органы, вырывает вены.

Мне хотелось кричать. Может быть, я так и сделала. Я понятия не имела. Я перестала слышать настоящий звук. Всё, что я могла слышать, — это вялый стук моего пульсирующего сердца.

Всё закружилось вокруг меня, закружилось. Верх стал низом, а низ стал верхом. Моё тело двигалось. Что-то острое вонзилось мне в горло. В каком-то отдалённом уголке моего сознания доктор во мне понял, что они, должно быть, интубировали меня.

Дурачишь их.

Магия была сильнее любого человеческого инструмента.

Побеждённая, я закрыла глаза и стала ждать, считая секунды в уме.

Сколько времени мозг может функционировать без кислорода? Три, четыре, пять минут?

Сколько времени уже прошло?

Сколько у меня осталось времени?

ГЛАВА 36. ОТРАЖЕНИЕ

Вкус, исчез первым. Подобно росе, испаряющейся с лепестка, прогорклый привкус пыли Стеллы отступил. А потом опухоль уменьшилась. Мои лёгкие больше не казались надутыми буями, мой язык больше не казался таким, как будто он завладел моим ртом, мои дёсны больше не чувствовали, что они вот-вот вырвут мои зубы.

Неужели я умерла?

Если да, то почему у меня в горле было такое чувство, будто оно горит?

Что-то запищало.

Я ожидала, что загробная жизнь будет безмолвной пустотой, но либо я ошибалась, либо я туда не попала.

Что-то снова запищало. На этот раз я открыла веки. Надо мной был тёмно-серый потолок. Краска, размазанная по пластиковому корпусу. Внутри корпуса далеко жужжали флуоресцентные лампы.

— Кэт? Кэт? — взволнованно спросил кто-то.

Голос снова пискнул, пронзая мои ошеломлённые барабанные перепонки, эхом отдаваясь вокруг меня, такой же резкий, как удары.

Два лица склонились над моим.

Оба знакомые.

Оба напряжённые.

У обоих были голубые глаза.

— Касс? — от произнесённого шёпотом слова у меня дико заболело горло.

Вернулись воспоминания о произошедшем. Они перерезали мне горло, чтобы вставить дыхательную трубку. Я подняла руку, чтобы дотронуться до горла, ожидая нащупать пластиковую трубку. Я чувствовала только кожу и медленный пульс.

Кардиомонитор, пристёгнутый к моему пальцу, издал громкий, длинный звуковой

сигнал. Я опустила руку.

Смог ли человеческий инструмент спасти меня?

Я посмотрела на другое обеспокоенное лицо.

На глубокие бороздки между тёмно-коричневыми бровями.

На тени, плывущие по ярко-голубым радужкам.

Тени, которые просачивались в острый подбородок и сжатые губы.

— Боже мой, ты нас так напугала! — сказала Касс. — Я не могу поверить, что ты только что начала задыхаться на пустом месте!

Такая была легенда? Что я просто начала задыхаться?

— Где... Стелла? — прошептала я.

— Она побежала за Эйсом. Не знаю, почему она думала, что он может что-то сделать. Без обид, Эйс, — сказала Касс.

— Конечно, — голос Эйса был низким и грубым, идеально соответствующим выражению его лица.

Гнев, пульсирующий в нём, сказал мне, что Стелла определённо не обращалась к нему за помощью. Он, наверное, пришёл бы из-за метки на моей руке. Должно быть, в какой-то момент она загорелась. Я попыталась вспомнить, но вместо событий вспомнила только запахи и вкусы, поэтому загнала память поглубже.

— Я пойду, позову Дерека. Он так безумно волновался, что я отправила его вниз выпить чаю с мамой и Джимми в кафетерии, — Касс начала уходить, но вернулась и запечатлела огромный поцелуй на моей щеке. — Никогда больше так со мной не поступай! — сказала она, её глаза были затуманенными, но яркими.

Я кивнула.

Когда дверь закрылась, я пристально посмотрела на Эйса.

— Где... Стелла? — повторила я.

На этот раз мои слова прозвучали немного яснее.

Сухожилия на его обнажённых предплечьях зашевелились, хотя он и не двигался.

— Стелла вернулась в Неверру.

Значит, она всё ещё была жива. Я никогда не думала, что буду разочарована, узнав, что кто-то ещё жив. Монитор сердечного ритма не подавал никаких сигналов в течение нескольких долгих секунд. Когда это произошло, резонанс прозвучал как сигнал пожарной тревоги для моих чувствительных барабанных перепонок.

— Она пыталась... убить меня, — пробормотала я.

— Я знаю, — его челюсть сжалась в жёсткую линию. Я не могла сказать, был ли он зол или обеспокоен.

— Что? — спросила я, пытаюсь разглядеть сквозь тени, заполнившие его глаза, но они были слишком плотными и менялись слишком быстро.

Он опустил взгляд на смятое покрывало на кровати.

— Что ты делала, пока меня не было?

Я почувствовала, как у меня на лбу появилась складка. Хоть убей, я не могла понять его вопроса. Я хотела спросить, что он имел в виду, но дверь моей палаты открылась, а затем ворвались люди, и две большие ладони обхватили моё лицо, а рубы разгладили морщины на моём лбу.

Папа.

Он провёл руками по моим волосам, убирая их со лба, за уши, укладывая вниз.

— О, детка, с тобой всё в порядке... с тобой всё в порядке, — слёзы текли по его алебастровым щекам.

Я подняла пальцы, чтобы вытереть их хоть немного. Однако я не смогла поймать их все.

Он положил свою большую голову мне на плечо и зарыдал, намочив мой больничный наряд. Я погладила его по спине рукой, которая не была прикреплена к кардиомонитору.

— Я в порядке, папочка, — прошептала я.

Он зарыдал ещё громче.

Я продолжала гладить его широкую спину, пока он, наконец, не успокоился. Когда он отстранился, он снова обхватил моё лицо руками и снова поцеловал меня в лоб.

— Тебе не позволено оставлять меня, ты понимаешь?

Я медленно улыбнулась ему.

— Я никуда не собираюсь уходить, — я глубоко вдохнула воздух. Он никогда не был таким свежим и сладким на вкус. — Теперь мы можем идти домой?

Он вздохнул. Это отозвалось в его груди и разнеслось по комнате.

— Ещё нет, милая. Врачи хотят сделать анализы, чтобы понять, почему у тебя закрылось горло.

Я посмотрела на Эйса, молча желая, чтобы он нашёл решение, чтобы меня выписали. Вместо того чтобы предложить помощь, он отвернулся к окну. На улице было темно, и огни Маллегона мерцали, как заострённые бриллианты на кольце Стеллы. Я коснулась своей щеки. Она была гладкой, мягкой, как персиковый пушок. Разве она не поцарапала мне кожу?

— Эйс предложил провести тут ночь, так что ты не будешь одна, — сказал папа.

Я наблюдала за отражением лица фейри в стекле. Его глаза закрылись, а ноздри раздулись.

— Мне не нужно, чтобы кто-то оставался, — сказала я, хотя не хотела оставаться одна. Что, если Стелла вернётся?

Папин взгляд метнулся к Эйсу. Должно быть, он почувствовал напряжение фейри, потому что сказал:

— Вообще-то, я могу остаться.

— Нет, Дерек, тебе нужно пойти домой и отдохнуть, — сказала Этта.

— Я отдохну, когда умру, — выпалил в ответ папа.

Касс убрала чёлку с опухших глаз.

— Пожалуйста, не говорите о смерти. Слишком много всего этого происходит здесь.

Эйс, наконец, отвернулся от окна.

— Мистер Прайс, я обещаю присматривать за вашей дочерью, пока вы не вернётесь. Как я уже говорил вам, я всё равно редко сплю по ночам.

Папа потёр большим пальцем ухо.

— Чего ты хочешь, Катори?

Мой бедный отец выглядел таким истощённым, что я сказала:

— Я хочу, чтобы ты отдохнул.

Он вздохнул.

— Ладно. Но позвони мне, если передумаешь или тебе что-нибудь понадобится.

— Сменить одежду было бы неплохо, — сказала я, гадая, куда делась моя. Не то чтобы я хотела надеть её снова. Я боялась, что она будет пахнуть пылью Стеллы.

Папа кивнул.

— Да. Я возьму что-нибудь. Может быть, Касс сможет помочь мне в этом.

— Это была бы хорошая идея, — сказала я с улыбкой. Я немного беспокоилась, какой наряд принесёт мне отец. Плюс я действительно не хотела, чтобы он рылся в моём ящике с нижним бельём.

— Рад, что с тобой всё в порядке, — сказал Джимми, сжимая бейсболку между пальцами. Он надел её на голову, и она поглотила несколько дюймов лба.

Я улыбнулась.

— Спасибо, Джимми.

Он кивнул. Улыбнулся в ответ. Кивнул Эйсу. Когда он не получил никакой реакции от фейри, его улыбка исчезла, и он повернулся, чтобы уйти, ведя за собой мать.

— Пока, милая, — сказала она.

Папа поцеловал меня в кончик носа, прежде чем выйти вслед за Эттой и Джимми.

Касс ушла последней. Она пожелала мне спокойной ночи и предупредила, чтобы я не делала глупостей, пока её не будет — например, снова подавилась собственной слюной.

— Люблю тебя, — сказала я ей, прежде чем она закрыла дверь.

Непрерывный писк пульсометра и жужжание лампочек долгое время были единственными звуками в комнате.

— Что это за... такое отношение? — наконец спросила я.

Пристальный взгляд Эйса, который был прикован ко всему, кроме моего лица, впился в меня, а затем опустился к моему горлу.

Я коснулась своей шеи. Была ли там дыра? Я даже не почувствовала повязки.

— Что...

— В тот день, когда меня не было, была ли голубая луна?

Мои пальцы замерли на середине исследования.

— Голубая...

Я села. Резким движением я отстегнула свой кардиомонитор. Машина вышла из строя.

Эйс ударил по нему кулаком. Его кулак разбил экран. Писк прекратился. Я ожидала, что прибежит медсестра, но никто не пришёл. Костяшки его пальцев затрещали, как сухая кожа, а затем мгновенно разгладились.

Кровь отхлынула от моего лица. Изменилась ли я? Стала ли я охотником? Неужели кровь Каджики уничтожила мою сторону фейри?

Я провела инвентаризацию того, что я чувствовала. Потрёпанная. Уставшая. Как будто я участвовала в драке. Я не чувствовала себя особенно сильной. И я не чувствовала себя особенно по-другому.

— О чем ты... говоришь? — спросила я, горло всё ещё саднило.

— Посмотри на себя.

Я нахмурилась. Если бы во мне было что-то другое, разве мой отец, Касс и другие не упомянули бы об этом?

— Здесь нет зеркала.

Он резко выдохнул.

— В окно. Посмотри на себя в окно.

Я встала с кровати на дрожащих ногах. Как жеребёнок, который учится держать равновесие, я медленно подошла к окну. Эйс проследил за мной взглядом, но не предложил поддержки. Его руки всё ещё были сложены, челюсть всё ещё сжата.

В фуге от тёмного стекла я подняла взгляд на своё отражение.

А потом я ахнула.

ГЛАВА 37. НОВОЕ ТАТУ

Вокруг моей шеи тянулась замысловатая арабеска с завитками, шипами и плавными изгибами. Она продолжалась почти до верхнего позвонка и пульсировала, как татуировки Каджики. Моему затуманенному мозгу потребовалась секунда, чтобы понять, откуда это взялось.

— Я конфисковала пыль Стеллы?

— Ты охотница. Ты мне скажи, — голос Эйса был обжигающим.

Я вздрогнула. Комната была похожа на холодильник. Я прикоснулась к татуировке, почувствовала, как она бьётся под кончиками пальцев, как пульс. Она была живой. Я ожидала, что она задушит меня, пробьёт кожу и снова просочится в гортань.

Дрожа, я подняла лицо, повернула голову из стороны в сторону. Я поискала дыру, которую, как я помнила, чувствовала, но всё, что я увидела, была татуировка.

— Почему папа и остальные ничего не сказали?

— Я посыпал твою шею пылью, чтобы они увидели повязку.

Рефлекторно я закрыла рот. Старалась не дышать.

— Расслабься. Я не планирую заканчивать неудачную попытку Стеллы убить тебя. Хотя мне, наверное, следовало бы.

Боль заполнила во мне те места, которые больше не болели.

— Почему ты... так говоришь?

— Почему ты выбрала их, Кэт?

Мурашки пробежали по моим рукам от мрачности его голоса.

— Я их не выбирала, — пробормотала я.

— Тогда откуда у тебя эта грёбанная татуировка на шее? — он взревел. — Как получилось, что рана на твоём плече зажила?

Я отпрянула от его повышенного голоса.

— Не кричи на меня.

Он сжал переносицу между большим и указательным пальцами и просто вдохнул.

— Ты знаешь, я чуть не убил её. Почти. Но ты умирала, и я не хотел выпускать тебя из виду, и она сбежала, — он дышал долго и тяжело. — Я бы пошёл за ней, но я ожидал, что твоё человеческое тело подведёт. Я ожидал, что мне придётся тебя возвращать. Я и не подозревал, что твоё тело больше не человеческое. Я и не знал, что в твоей крови столько железа, что оно примагнитит пыль Стеллы.

Я повернулась к нему лицом. Его лицо дрогнуло.

— Новые охотники... они напали на меня сегодня утром. Ты бы знал об этом, если бы вернулся, но ты вернулся не за мной, — слёзы свободно текли по моим щекам. — Тем не менее, Каджика был там. Он спас меня, — я говорила медленно, с большим трудом, но, по крайней мере, я говорила. — Одна из их стрел попала в меня. Он вытащил её, а затем использовал свою кровь, чтобы исцелить меня. Я сказала ему не делать этого, но я была слишком слаба, чтобы оттолкнуть его. Так что я не знаю, что, чёрт возьми, происходит внутри меня сейчас. — Я вытерла слёзы рукавами больничного халата. — Почему бы тебе не сказать мне, Эйс? Я что, охотница?

— Ты исцелилась и конфисковала силу.

Я опустила голову и понизила голос до шёпота, чтобы задать решающий вопрос.

— Но разве я пахну так же, как они?

Он так долго молчал.

Как это могло случиться со мной? Я снова вытерла щеки, на этот раз тыльной стороной ладони. Я думала, что у меня будет выбор, но Холли солгала.

Она лгала обо всём!

Я закрыла глаза и снова повернулась к окну.

— Почему ты вообще всё ещё здесь?

Я снова подняла веки, уставилась в окно, изучая странную татуировку, которая обвивала мою шею. Я с трудом сглотнула, и пыль под моей кожей сдвинулась по своим новым следам.

Эйс стоял позади меня. Наши взгляды встретились в чёрном стекле.

Его лицо в зеркале приблизилось к моему.

— Ты пахнешь не так, как они.

Я приподняла бровь.

— Нет?

Он отрицательно покачал головой.

Моё сердце пропустило удар надежды. Могла ли кровь Каджики не преобразить меня?

Он опустил взгляд на несколько дюймов пола, отделяющих мои босые ноги от его коричневых замшевых туфель.

— Но ты другая, так что я не знаю, значит ли это что-нибудь.

— Есть ли какой-нибудь способ выяснить это? — прошептала я. Было ли во мне раньше что-то от фейри? — Я оживила птицу! — я повернулась к нему. — Очень давно. Очевидно, это качество фейри. Может быть, я могла бы попытаться исцелить другое животное. Поблизости должна быть ветеринарная клиника...

Он снова поднял свой пристальный взгляд на меня. Веселье окрасило выражение его лица.

— Может быть, сначала ты могла бы исцелить себя.

— Но я хочу знать, Эйс. Мне нужно знать.

Он потянул себя за корни волос, растрепав их ещё больше, чем они уже были.

— Ты когда-нибудь слышала поговорку "незнание — это благословение"? Как только ты узнаешь, это всё изменит.

— Больше, чем уже есть?

— Кэт, если ты... Если ты охотница, тогда... тогда...

— Мы не можем быть друзьями? Это так похоже на нравы девятнадцатого века, — я улыбнулась.

Казалось, его это ничуть не позабавило.

— Если находиться в моём присутствии не пытка, тогда я не понимаю, почему мы не можем потусоваться. Борго и Ишту были друзьями, — как бы. — Джекоби и Негонгва были дружны.

— Чёрт возьми, Кэт, я не хочу быть твоим другом.

Я моргнула.

— Я думала, что мы были друзьями, — по крайней мере, начинали. Неужели я так неправильно поняла наши отношения? Я заправила прядь волос за ухо. Мои пальцы дрожали.

— Почему Стелла напала на тебя, Кэт?

Вот почему он остался... чтобы взять у меня показания. Я была так оскорблена, что

почти не ответила.

— Она напала на меня, потому что я сказала ей, что она ужасный человек.

— Значит, ты не угрожала убить её?

— Я когда-нибудь угрожала кого-нибудь убить?

— Я почти уверен, что ты угрожала мне раз или два, — в его голосе слышался лёгкий юмор.

Я пристально посмотрела на него.

Его веселье исчезло.

— Я дала тебе то, что ты хотел, а теперь, пожалуйста, уходи, — мои слова были холодными и ровными.

Его глаза блестели, как будто огонь в его венах танцевал за зрачками.

— Ты не дала мне того, чего я хотел.

— Чего ещё ты хочешь, Эйс? — спросила я, одновременно обескураженная и оскорблённая. — Какое ещё признание или свидетельство тебе нужно от меня?

— Признание? — он хмыкнул. — Я здесь, потому что твоя грёбанная метка мерцала на моей руке сегодня вечером, Кэт.

Конечно. Мой волшебный поводок... Я так сильно прикусила нижнюю губу, что подумала, что у меня пойдёт кровь. Это наверняка заставило бы его сбежать. В конце концов, это было, вероятно, в десять раз более смертоносно, чем когда Борго использовал её для совершения самоубийства.

— Моя метка много раз вспыхивала после Детройта. Тогда ты не пришёл.

Он зарычал, как будто был зол на меня!

— Я ждал, когда закончится Ночь Тумана! Вот почему я не пришёл. Вместе с Крузом и Лили мы охраняли порталы. Их там сотни! Я точно не мог уйти.

— И всё же ты сделал это.

— Потому что метка начала выходить из строя. Мигала. Гасла, — его глаза впились в мои. — Я думал, ты... Я думал, ты умерла.

— К несчастью для тебя, я этого не сделала.

— Да. Было бы намного проще, если бы ты это сделала.

Я вздрогнула.

— Ты действительно понятия не имеешь, чего я хочу? — его голос стал таким же грубым, как и взгляд.

Внезапно меня осенило.

— Ты хочешь, чтобы я прочитала книгу! Тебе удалось напечатать её, и теперь ты хочешь, чтобы я её прочитала.

— Что?

— Книга. Ты нашёл коробку. А потом вы её напечатали, не так ли? Была ли кража вообще реальной? — я скрестила руки на груди. — Или ты притворился, что её украли, чтобы я не получила копию в руки?

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь?

— Это вопрос "да" или "нет".

Он бросил на меня страдальческий взгляд.

— Как ты могла даже намекнуть на такое?

Мои руки затекли, как и всё остальное тело.

— Просто ответь на вопрос.

— Я вернул коробку, — медленно сказал он, — но он расплавил металлические пластины.

Я наблюдала, как боль превращается во что-то совершенно другое. Сожаление? Чувство вины?

— Холли оставила инструкции, что если фейри попросит коробку, всё внутри должно быть уничтожено. Если бы я не появился, ты бы получила свою книгу, — его голос был низким, недовольным. — Мне жаль, что я пытался спасти положение.

Как тающая глыба льда, моя напряжённая поза растаяла, и мои руки разжались, упав обратно по бокам.

— Если он знал, кем ты был, тогда он знал, кем была Касс.

— Она даже не знает, кто она такая. И он не охотник, так что он никак не мог её почувствовать.

Он подошёл к окну, положил руки на подоконник и посмотрел на тёмный город.

— Тогда кто же он такой?

— Друг твоих предков. Знающий друг. Я не заметил в нём ничего магического, — он сжал губы, затем слегка расслабил их. — Я оставил его в довольно плохом состоянии.

— Он будет жить? — спросила я

Он повернул голову в мою сторону.

— Я не хожу и не убиваю людей.

Я ничего не сказала, просто уставилась на его безупречные костяшки пальцев. Они не обнаруживали никаких признаков имевшей место борьбы. С другой стороны, он не был сделан из крови, поэтому на его плоти никогда не было синяков.

— Ты сердисься на меня? — спросил он после долгого молчания.

Я снова посмотрела на отражение его лица в стекле.

— За то, что наказал этого человека? Нет, — ещё одна волна тишины пронеслась над маленькой больничной палатой, над нами. Всё это время я не сводила с него глаз. — Хотя мне немного обидно, что ты раньше обращался со мной как с предателем.

— Здесь то же самое, — он отодвинулся от окна и повернулся ко мне.

— Мне больно, что ты не хочешь быть моим другом, — продолжила я.

— Почему это так больно?

— Потому что, Эйс, хочешь верь, хочешь нет, но ты мне небезразличен.

— Если бы я был тебе не безразличен, ты бы доверяла мне.

— Как будто ты мне доверяешь? — я выстрелила в ответ. Моё дыхание вырывалось короткими, резкими рывками, сердито ударяясь о небо и язык. — А теперь не мог бы ты, пожалуйста, сказать мне, почему ты всё ещё здесь? Я устала. Я действительно устала. И мне больше не хочется играть в игры в угадайку.

Как будто подпитываемый его эмоциями, жар его кожи, казалось, удвоился. Он вспыхнул в неглубоком пространстве между нашими телами. Лизнул мою кожу. Я вздрогнула, когда он пришёл на смену холоду.

Его глаза остановились на моём лице, впитывая каждое моё подёргивание, прищурившись на моём дрожащем рте. Он выглядел бесконечно взбешённым, и, хоть убей, я не понимала почему. Я ответила на все его вопросы. Он ответил на все мои вопросы. Из-за чего ещё оставалось бороться? Из-за чего ещё было злиться?

— Эйс, чего ты хочешь? — спросила я мягко, но резко.

Наконец-то я получила свой ответ. Это определённо был не тот ответ, которого я

ожидала.

Он схватил меня за обе стороны лица и прижал свои губы к моим. Его быстрые вдохи наполняли мой рот, согревали мой язык, заставляли пылать каждый дюйм кожи на моём теле. Его обжигающие пальцы прошлись по всей длине моей шеи, по изгибу плеч, запутались в моих волосах, обхватили мой затылок.

Он заставил мои губы приоткрыться ещё больше, прикоснулся своим языком к моему. Его вкус, его тепло вызывали у меня головокружение и эйфорию. Это вернуло меня в Детройт, в ресторан на крыше, где я сгорала от унижения. Теперь я сгорала от желания. Изысканного желания.

Наконец я поцеловала его в ответ, соответствуя его голоду, его импульсу, его интенсивности. Я поцеловала его за все те разы, когда он спасал меня, и за все те разы, когда он защищал меня, за все те разы, когда мы ссорились, и за все те разы, когда мы мирились. Я поцеловала его, потому что мечтала поцеловать его в течение нескольких дней... недель. И было так больно думать, что этого больше никогда не случится.

Я боялась остановиться, боялась, что если я отстранюсь, он никогда больше не поцелует меня. Так что я этого не сделала. И он тоже этого не сделал. Я обхватила его руками за шею и притянула ближе к себе, пока его грудь не оказалась прижатой к моей, пока его сердцебиение не проникло в моё.

Затаив дыхание, мы, наконец, оторвались друг от друга, но ни один из нас не отпустил другого. Мои губы чувствовали себя так, словно они были в огне. Я лизнула их, чтобы убедиться, что это не так, а затем снова лизнула, потому что моя слюна действовала как желанный охлаждающий бальзам.

Глаза Эйса блуждали по ним. Он не разговаривал. Одна его рука всё ещё теребила и перебирала мои длинные волосы, другая — просто задержалась на моём обнажённом позвоночнике, прямо над эластичным поясом моих чёрных трусиков. По крайней мере, тот, кто раздевал меня, не раздел меня полностью.

— Я думала, ты хотел убить меня, — прошептала я ему в губы.

Его губы изогнулись.

— Иногда я этого хочу, — его голос был хриплым. — Однако в большинстве случаев я просто хочу отвести тебя в уединённое место.

Он потянул меня за волосы, запрокидывая мою голову назад. Я втянула воздух сквозь зубы, что сделало его ухмылку совершенно дерзкой.

— И просто чтобы ты знала, я не использую каптис против тебя.

Я ответила на его дерзкую ухмылку, слегка провела пальцами по его подбородку. Когда он вздрогнул, я сказала:

— Хотя, может быть, я использую.

Он рассмеялся.

— Почему ты смеёшься?

Он погладил изгиб моего плеча. Словно отвечая ему, прося освободить её, заключенная в тюрьму пыль запульсировала сильнее. Я поймала его руку в свою, не потому, что мне не нравилось то, что он делал, а потому, что мне это слишком нравилось. И он всё ещё смеялся.

— Это работает только на людях.

Он прижался губами к коже у основания моей шеи, к моей татуировке, и я вздрогнула вместе с ним.

— Но я действительно хотел бы, чтобы ты использовала каптис.

Он поцеловал меня в шею, в подбородок. Он остановился у уголка моих губ, позволив своему рту остаться там.

— Мне бы очень хотелось, чтобы было кого винить.

Я отодвинулась от него.

— Это действует на охотников?

— Что?

— Каптис действует на охотников?

— Нет.

— Используй это на мне.

— Что?

— Если это всё ещё работает, то это будет означать, что я не... Это будет означать, что я не изменилась.

Его пристальный взгляд остановился на моей шее, на застрявшей пыли Стеллы.

— А что, если этого не произойдёт?

— Я бы надеялась, что это ничего не изменит.

Я попыталась привлечь его внимание, но он сосредоточил всё своё внимание на моей новой метке.

Я вдруг почувствовала его губы на своей шее, вот только его рот был далеко от моей кожи. Его руки были прижаты к бокам, но я чувствовала их на себе. Я чувствовала исходящий от него жар, его энергию и силу. Я чувствовала давление и ласку в тех местах, на которые он просто смотрел. Я шагнула ближе к нему, подняла своё лицо к его лицу и поцеловала уголки его неподвижного рта. Я растегнула его рубашку, скользнула ногтями по твёрдым плоскостям его живота. Его дыхание участилось. Я сделала это снова, на этот раз провела ногтями по его талии, раскрыла руки на его поясице.

Я уже собиралась поцеловать его, когда он закрыл глаза.

Дерзость, которая владела мной, сломалась.

Пристыженная своей смелостью, я опустила взгляд, опустила руки, но потом вспомнила, почему вела себя так нагло, и подняла глаза.

Он открыл глаза, склонил голову в мою сторону.

— Это всё ещё... я не... — начала я.

Он согнул палец под моим подбородком и наклонил моё лицо к своему.

— Это было бы слишком поздно, чтобы иметь значение, — он поцеловал меня, и я подумала, что сейчас взорвусь. Не только от его прикосновения, но и от его слов. — Уже давно было слишком поздно, — он уткнулся носом в кожу у меня за ухом. Поцеловал меня там. — Не стесняйся продолжать раздевать меня.

Я ухмыльнулась.

— Хорошая попытка.

Он поднял голову и нагло улыбнулся мне в ответ.

— Я должен был попытаться.

Я закатила глаза.

Он сцепил руки у меня за талией. Это была шалость, но было и что-то ещё... что-то грубое и первобытное.

— Что?

— Ничего.

— Эйс, у тебя на лице написано, что ты думаешь. В чём дело?

Он глубоко вздохнул. Выдохнул ещё глубже.

— А как насчёт Каджики?

— А что насчёт него?

— Когда ты попрощалась со мной в Детройте...

— Я солгала.

Его пристальный взгляд скользнул по моему лицу.

— Ты убила меня этой ложью, — прошептал он.

— Я убила себя этой ложью. Я боялась, — я устала в бесконечные голубые глубины его глаз, отчаянно пытаюсь поверить, что мы действительно можем быть вместе, несмотря на всё, чем мы были и чем не были. — Я всё ещё боюсь.

— Меня?

— Нас.

Он толкнул мои губы своими, открывая его.

— А ты разве нет? — спросила я.

— Я в ужасе, — он поцеловал мою верхнюю губу, а затем нижнюю. — Мне всегда раньше нечего было терять, и это ужасно.

ГЛАВА 38. ЭПИЛОГ

Новость о моём "анафилактическом шоке" распространилась по Роуэну, как лесной пожар. А я вернулась домой всего пару часов назад. За обедом, когда я взглянула на клубнику поверх папиного чизкейка, папа поспешно проглотил её, напомнив мне о том, что сказал доктор.

По правде говоря, он просто сказал то, что я заставила его сказать, что я стащила клубнику с лотка Астры и у меня была сильная аллергическая реакция на неё. Я не была на сто процентов уверена, что это сработает, но чудесным образом это сработало. Мой глупый подвиг воспламенил моё эго и руку.

Я провела пальцами по букве "W" и подумала об Эйсе. Подумала о ночи, которую мы провели вместе. Подумала о его губах. Подумала о его руках. Подумала о его глазах. Подумала о его словах. Подумала о пыли, которую он оставил, чтобы покрыть мою шею.

Прежде чем он улетел обратно в Неверру патрулировать порталы, я настояла, чтобы он забрал её обратно, но он этого не сделал. Он заверил меня, что его огонь может нанести врагу такой же урон, как и его пыль. Меня это не успокоило.

В течение дня я несколько раз вызывала в воображении наш поцелуй, пытаюсь ускорить свой пульс. Я бы следила за своей рукой, затаив дыхание, пока буква W не проявилась во всём своём великолепии. Только тогда я могла расслабиться.

Но моё облегчение было недолгим. Пока не закончится Ночь Тумана, пока не вернётся Эйс, не будет истинного утешения. Я в сотый раз за этот день посмотрела на часы. 9:05 ВЕЧЕРА. Ещё пятьдесят пять минут.

Здесь будет около 10 часов вечера, когда над Неверрой разразится рассвет и положит конец Ночи Тумана.

Ранним утром, свернувшись калачиком рядом со мной на больничной койке, Эйс, наконец, рассказал мне о пресловутой ночи, которая длилась от заката до восхода солнца, что равнялось нескольким дням здесь.

Это был единственный момент за месяц Неверры, когда Неблагие могли покинуть свой

подземный дом. Это была ночь, когда всё стало дозволенным, где вы могли без упрёка осквернить своё брачное ложе, где вы могли превратить свой мозг в кашу, проглотив слишком много мальвы, где обитатели болот могли проникнуть во дворец Вудов и веселиться вместе с обитателями тумана и обитателями гротов.

Это звучало опасно. Я сказала это Эйсу перед тем, как заснуть.

Я проснулась оттого, что он стоял у окна. Свет снаружи был розово-фиолетовым и подчёркивал его широкое тело. Некоторое время я молча наблюдал за ним, гадая, что происходит у него в голове. Он торопился домой? Сожалел ли он о том, что мы сделали? Моё сердце сделало сальто, и моё клеймо загорелось, выдавая меня.

Он обернулся, улыбка исказила его измождённое лицо. Это было не сожаление, это были усталость и страх.

В этот самый момент в комнату ворвался папа. Я уставилась на него, понимая, что означает его присутствие.

Эйс уйдёт.

И он сделал это.

Это было почти шестнадцать часов назад, и его отсутствие сводило меня с ума.

Под кайфом от адреналина и нервов я не могла отдохнуть — и как я старалась! Я была так взвинчена, что после домашней трапезы с папой, которая включала много свежесжатого лимонного сока на жареной на сковороде рыбе — я не была уверена, как моё тело отреагирует на лимон, поэтому я избегала этого — я накрасилась и завила кончики волос. Затем я надела свои чёрные кожаные леггинсы и водолазку без рукавов. Пыль Эйса всё ещё покрывала мою шею, но я хотела, чтобы он забрал её обратно.

9:55 ВЕЧЕРА.

Я подошла к окну и посмотрела на ночное небо. Серо-стальные облака закрыли луну и звёзды, что должно было сделать яркую парящую фигуру более заметной. Я наблюдала и ждала. Десять минут спустя за моим окном всё ещё было темно.

Я отправила Эйсу СМС. Оно осталось без ответа.

Я спустилась вниз, где шериф Джонс и папа смотрели футбольный матч, потягивая пиво, как будто они вернулись в старшую школу.

— Я собираюсь ненадолго зайти к Би.

— Хорошо, милая. Не возвращайся домой слишком поздно.

Его отеческая забота немного утихомирила мою нервозность. Я обнял его, пожелал шерифу приятного вечера, а затем схватила ключи и поехала на Морган-Стрит. Припарковавшись в конце квартала, я снова посмотрела на небо. Не было даже малейшего проблеска света.

Это была самая тёмная ночь на свете.

Когда я вошла в "Би", несколько посетителей, задержавшихся за напитками и десертами, уставились на меня. Я слегка помахала им рукой, направляясь к бару, где Касс вытирала бокалы для вина.

— Тебе удалось поспать? — спросила она.

— Нет. — Я забралась на один из барных стульев и закинула одну ногу на другую. Моя верхняя нога лихорадочно подёргивалась.

Она поставила стакан рядом с остальными на деревянную полку позади себя, затем перегнулась через стойку.

— Я хотела тебя кое о чём спросить, — выражение её лица было таким серьёзным, что я

перестала дёргать ногой.

Узнала ли она об Астре? Что случилось с её телом? Удалось ли Эйсу вытащить его из больницы до того, как оно превратилось в пепел?

— Я нашла кое-что в твоём ящике для носков, — сказала она.

Я сглотнула. Что я положила в ящик для носков?

— Рукописный словарь. По крайней мере, я так думаю. Я не хотела подглядывать, но...

— Но ты ничего не могла с этим поделать? — я не хотела показаться такой резкой, но что, если она поймёт, что фаэли — это язык фейри?

Она опустила глаза.

— Мне жаль.

Я схватила её за руку.

— Нет. Я не хотела огрызаться на тебя.

Она снова взглянула на меня сквозь свою длинную чёлку и натянуто улыбнулась.

— Что за язык фаэли?

Я так отчаянно хотела сказать ей правду, но это перевернуло бы её мир с ног на голову.

— На нём говорило племя моей пра-пра-прабабушки.

Так. Я не солгала.

— Я никогда не слышала о фаэли, — сказала она.

— Они были соседним племенем.

Она нахмурилась, что заставило моё сердце учащенно забиться и мою руку. К счастью, это была не та, которой сжимала пальцы Касс. Я всё ещё беспокоилась, что она могла бы увидеть это, если бы посмотрела достаточно пристально.

— У Эйса есть местные предки?

Я совсем забыла о своей светящейся руке.

— Хм?

— Некоторые из слов, которые он произнёс в ту ночь, когда мы вернулись домой с того боя без правил... некоторые из них напоминали те, что были в этом словаре.

Я отпустила её руку, затем заправила прядь волос за ухо.

— Я сомневаюсь в этом.

Я бросила взгляд в сторону двери, которая только что звякнула. Разочарование вспыхнуло у меня за грудиной при виде старого мистера Гамильтона.

— С другой стороны, что я могу знать?

— Я почти уверена, что ты много чего знаешь об Эйсе. В конце концов, вы, ребята, проводите много времени вместе.

Я снова перевела взгляд на её лицо.

— Нет, не проводим.

Она улыбнулась, слегка покачала головой, а затем оттолкнулась от стойки.

— Да, проводите, — она откупорила бутылку белого вина, наполнила высокий бокал кубиками льда и налила в него золотистую жидкость. — Если кто-нибудь спросит, это виноградный сок, — она подмигнула мне, убирая бутылку обратно в мини-холодильник под баром. — В любом случае, где он?

— Работает.

— Чем именно он занимается?

— Я не знаю, — сказала я, потому что о признании, что он защищал порталы фейри, не могло быть и речи.

Плюс, честно говоря, я понятия не имела, в чём заключались его королевские обязанности.

— Кэт, если вы, ребята, не обсуждаете свою жизнь, то чем именно вы занимаетесь, когда тусуетесь?

Жар окрасил мои щёки. Я опустила глаза на свои колени и сделала большой глоток вина, наслаждаясь его холодным вкусом. Не отрывая взгляда от своих обтянутых кожей бёдер, я поставила бокал обратно, хотя мне до смерти хотелось провести им по подбородку, чтобы укротить свой румянец.

— Обычно я надоедаю ей своими семейными проблемами, пока она болтает о своих давно потерянных родственниках.

Мой взгляд метнулся вверх.

— Ты вернулся, — сказала я, мой голос дрогнул.

Эйс улыбнулся.

Какой бы жар ни наполнил моё лицо, это было ничто по сравнению с тем, что охватило меня при виде него.

— Я же говорил тебе, что буду.

Кто-то выкрикнул имя Касс. Я могла бы поцеловать этого кого-то. На самом деле, единственный человек, которого я хотела поцеловать, сидел на барном стуле рядом со мной. Хотя он был действительно последним человеком, о поцелуе с которым мне следовало думать.

— Всё... всё закончилось? — спросила я.

— До следующего месяца, да.

— Кто-нибудь... хотя бы пытался?

Он покачал головой.

— Я надеюсь, что они, возможно, не смогут прочитать книгу в конце концов. Я надеюсь, что это была только твоя семья.

Он повернул мой стул так, чтобы я была к нему лицом. Когда он убрал руки, его пальцы задели моё бедро. Я наполовину ожидала, что кожа загорится, потому что место, которого он коснулся, было обжигающе горячим и пульсировало собственной жизнью, очень похожей на бешеную пыль вокруг моей шеи.

Кстати говоря.

— Я хочу, чтобы ты взял, — я поискала Касс и обнаружила, что она убирает несколько десертных тарелок, — пыль.

— И что мне с ней делать?

— Защити себя.

— У меня есть огонь, Кэт.

— Я знаю, но ты в городе, полном охотников.

— Им будет не слишком хорошо, если я подожгу их.

— Пожалуйста, Эйс, пожалуйста, возьми обратно. Я надену шарфы или скажу папе, что сделала временную татуировку.

— Нет.

Я прищурила глаза.

— Отлично. Тогда я её выпущу.

На его челюсти дёрнулся мускул.

— Не смей. Кроме того, она не заслуживает того, чтобы получить это обратно, и я не

хочу, чтобы ты перерезала себе горло.

Я сморщила нос.

— Это единственный способ?

— Да.

Мне определённо не хотелось резать собственную кожу.

— Ты закончила со своим вином? — спросил он.

Бокал был наполовину полон. Эта мысль застала меня врасплох. Я никогда не считала что-то наполовину полным. Он всегда был полупустым.

— Это сок, — сказала я, на случай, если кто-то подслушивал.

Я не хотела, чтобы у Касс были неприятности из-за того, что она обслужила меня.

Одна его тёмная бровь приподнялась.

— Мне девятнадцать. Пить пока нельзя.

— Вы такая законопослушная, мисс Прайс.

— Ты же меня знаешь, — сказала я.

— Я начинаю узнавать, но я бы хотел узнать тебя немного лучше.

Его рука не пробила стенки моей груди — в конце концов, он не был вампиром, всего лишь фейри — и всё же мне казалось, что его пальцы сжимают моё сердце.

Он схватил мой бокал и осушил его.

— Теперь ты закончила. Пойдём.

— Куда?

— Ты увидишь, — Эйс встал и протянул руку, чтобы помочь мне встать со стула. Я встала с табурета, не прикасаясь к нему.

— О, ребята, вы уже уходите? — Касс только что вернулась и вытирала руки о чёрный фартук, повязанный вокруг талии.

— Ужасно сожалею, Кассиди, но мне нужна медицинская консультация Кэт по одному вопросу.

Касс ухмыльнулась.

— Она ещё не настоящий доктор, — крикнула она нам вслед. — Если тебе станет скучно, возвращайся!

Как бы я ни нервничала, я повернулась и послала ей воздушный поцелуй.

Как только мы оказались снаружи, вдали от всех, Эйс переплёл свои пальцы с моими и потянул меня к парковке за гостиницей. А потом он крепко обнял меня за талию.

— Обхвати меня ногами.

Я покраснела.

— Я не могу сделать это...

Он оторвался от земли, и я обнаружила, что могу это сделать. Я обвила руками его шею, а ногами — талию, как коала, а потом немного помолилась. Всем моим Богам.

Мы взмыли ввысь, окружённые холодным воздухом и тёмной тишиной. Держа одну руку у него на шее, я протянула другую к густым облакам. Я всегда мечтала прикоснуться к облакам. В моём детском воображении они были похожи на пушистую шерсть. На самом деле они ощущались как туман, как крошечные капли взвешенного дождя. Влага покрыла мою кожу, но я не дрожала. Тело Эйса согревало меня. Медленно мы скользили всё выше и выше, пока не вырвались из облаков.

Окружённый множеством звёзд, Эйс перестал двигаться, и мы зависли в тишине.

— Ты приводишь сюда всех своих девушек?

— У меня никогда не было девушки.

Я отвела взгляд от мерцающей ночи и посмотрела в его сверкающие глаза.

— За полтора столетия у тебя ни разу не было девушки?

— Я никогда ни с кем не встречался достаточно долго, чтобы называть её своей девушкой.

— Что значит "достаточно долго"?

— Пару дней.

У меня в груди всё сжалось.

— Это всё, что я получу от тебя?

— Зависит от того, насколько ты хороша в постели.

— Будь серьёзен.

— Когда я нервничаю, я говорю глупости.

Моё сердце колотилось от надежды.

— Ты сейчас нервничаешь?

Он посмотрел на меня сверху вниз сквозь свои тёмные ресницы.

— Нервничаю, что ты ускользнёшь от меня, — сказал он низким, хриплым голосом.

— Тогда лучше не отпускать.

— Я не говорил о сегодняшнем вечере.

— Я тоже, — сказала я, поднимая своё лицо к нему.

Он встретил меня на полпути. Покачиваясь в чернильном океане звёзд и тишины, Эйс поцеловал меня так, как никто никогда не целовал меня раньше, с самой ненасытной сладостью и нежнейшим голодом. Это был такой поцелуй, о котором писали сказки.

Только это была не сказка.

Это была моя жизнь.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ